

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Кафедра Древнерусской литературы

КЛЫГИН Дмитрий

**ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СТЕФАНА
МАХРИЦСКОГО. ИСТОРИЯ ТЕКСТА
ЦЕРКОВНОИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

*Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия*

**Сергиев Посад
Троице – Сергиева Лавра
2000 год**

Содержание

Введение	1
Об авторе жития игумене Иоасафе	10
Списки жития преподобного Стефана Махрицкого	14
Историческая ситуация и источники, на основании которых создавалось житие преподобного Стефана Махрицкого	21
Отражение особенностей агиографического стиля XVI века в житии преподобного Стефана Махрицкого	58
Почитание памяти святого Стефана Махрицкого в Русской Церкви в XVI – XVIII веках	87
Исторические факты, содержащиеся в житии преподобного Стефана Махрицкого	105
Агиология жития преподобного Стефана Махрицкого	119
Заключение	138
Библиография	141
Список сокращений	153
Приложения	155

Введение.

Житие преподобного Стефана Махрицкого является памятником агиографии эпохи митрополита Макария. К сожалению, оно до сих пор находится только в рукописях, не было издано и подробно, всесторонне изучено исследователями древнерусской литературы, хотя некоторые ученые XIX – начала XX века уделяли внимание отдельным аспектам этого произведения.

Л.А. Дмитриев отмечал, что «исследование памятников древнерусской агиографии необходимо и актуально для воссоздания общей картины развития древнерусской литературы.»^[1] Кроме того, жития являются ценным достоянием всей Русской Церкви. Поэтому целью данной работы стало изучение различных аспектов жития преподобного Стефана Махрицкого с привлечением результатов произведенных ранее исследований. В процессе работы возникла необходимость рассмотреть более широкий круг вопросов, связанных с агиографическими произведениями XVI века, чтобы лучше понять, откуда возникли те или иные особенности изучаемого жития.

В начале данной работы приводятся некоторые сведения о самом авторе жития преподобного Стефана Махрицкого игумене Иоасафе. Затем дано краткое описание изучаемых списков жития. Сам текст произведения с указанием разночтений приводится в приложении. Следующая глава посвящена описанию особенностей русского агиографического стиля XVI века и отражению этих особенностей в житии преподобного Стефана Махрицкого. Под агиографией в данном случае подразумевается направление в церковной литературе, посвященное описанию жизни и чудес святых. Далее произведена попытка установить источники, на основании которых автор составил свое произведение, а также посмотреть, какие фрагменты изучаемого текста были перенесены в другие произведения агиографии. Кроме изучения самого текста произведения, в данной работе сделан обзор некоторых старопечатных богослужебных книг с целью выявления распространения почитания памяти преподобного Стефана Махрицкого в Русской Церкви, так как оно было связано с распространением жития святого. Для определения исторической достоверности жития преподобного Стефана Махрицкого было проведено сравнение фактов, указанных в житии со сведениями, приведенными в трудах историков Русской Церкви. И, наконец, данное житие было рассмотрено с точки зрения агиологии, то есть изучено как литературное произведение с целью выявить образ святого, который был создан автором жития, отметить идеальные черты преподобного, привлекавшие внимание игумена Иоасафа, а также постараться установить, как церковно – политические особенности мировоззрения той эпохи отразились в данном агиографическом произведении.

Для исследования были привлечены все доступные списки жития, находящиеся в хранилищах Москвы. Из собрания Российской национальной библиотеки г. Санкт – Петербурга исследован один список жития преподобного Стефана. При указании разночтений в списках жития не были указаны различия в написании одних и тех же слов, отличительные особенности пунктуации и прочие второстепенные отличия, не изменяющие общего смысла произведения. Цитаты из жития преподобного Стефана Махрицкого, приведенные в данной работе, выделены *курсивом*.

Научные труды, использованные в настоящей работе, можно условно разделить на исторические и литературоведческие. К первым относятся исследования по Истории Русской Церкви и отдельным аспектам русской истории, так или иначе связанным со временем жизни преподобного Стефана или с эпохой составления жития. Ко вторым относятся труды по истории древнерусской литературы, различные словари и справочники, в которых находятся статьи, посвященные игумену Иоасафу или его произведениям, а также исследования, касающиеся тех или иных аспектов агиографии.

К историческим работам в первую очередь относится История Русской Церкви митрополита Макария. В третьей и четвертой книге этого исследования приведены сведения о самом преподобном Стефане Махрицком, его учениках преподобных Григории и Кассиане Авнежских, а также дано описание событий, происходивших в Русской Церкви в XVI веке и связанных с процессом канонизации новых русских святых.^[2] Е.Е. Голубинский в Истории Русской Церкви также привел некоторые важные сведения, касающиеся эпохи святителя Алексия Московского; кроме этого, он достаточно подробно остановился на процессе канонизации святых в период Соборов 1547 – 1549 годов.^[3] Этот же автор посвятил специальную работу истории канонизации русских святых, в которой касался и канонизации преподобного Стефана Махрицкого.^[4] Этой же теме посвятил исследование и В. Васильев, также обративший внимание на прославление святого Стефана.^[5] И.У. Будовниц рассматривал житие преподобного Стефана Махрицкого как источник сведений по борьбе крестьян против монастырской колонизации в XIV – XVI веках. И хотя данная работа написана в духе атеизма, некоторые моменты, затронутые исследователем, заслуживают внимания.^[6]

Из справочной литературы обращает на себя внимание труд Н.Б. Барсукова “Источники русской агиографии”. В ней житию преподобного Стефана Махрицкого посвящена отдельная статья, в которой автор не только приводит краткую историю создания жития (взятую по преимуществу из самого текста жития) и некоторые сведения об авторе, но и перечисляет известные ему списки

данного жития.^[7] Архимандрит Леонид в книге “Святая Русь” дает краткие сведения о святых, сведенные в таблицу. Там содержатся и некоторые данные о святом Стефане Махрицком; указан автор его жития и службы.^[8] И.У. Будовниц в “Словаре русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века” приводит очень краткие сведения о игумене Иоасафе и его произведениях. “Словарь книжников и книжности древней Руси” дает достаточно подробные сведения о игумене Иоасафе и принадлежащих ему произведениям.^[9] Архиепископ Филарет в “Обзоре русской духовной литературы” относит игумена Иоасафа к писателям круга митрополита Макария и указывает, что при составлении жития преподобного Стефана Махрицкого автор пользовался записками Серапиона.^[10]

Начиная с середины XIX века было написано немало трудов по истории древнерусской литературы. К сожалению, главы, посвященные эпохе митрополита Макария, носят в целом общий описательный характер. С.П. Шевырев, рассказывая о литературе середины XVI века, из церковных авторов упоминает только преподобного Максима Грека и митрополита Макария.^[11] И. Порфирьев в “Истории русской словесности” уделяет внимание агиографическому жанру древнерусской литературы, затрагивает проблемы протографов, влияния юго-славянской письменности на отечественную житийную литературу, но, к сожалению, в достаточно сжатой форме.^[12] Ф. Буслаев в “Исторических очерках русской народной словесности и искусства” также касался вопроса о кратких и полных литературных редакциях житий.^[13] А.Н. Пыпин, касаясь XVI века, пишет в основном о деятельности митрополита Макария; в качестве примера редакции житий в духе Макария приводит житие преподобного Михаила Клопского.^[14] М.Н. Сперанский также уделяет внимание только трудам митрополита Макария и не касается темы житий, написанных по поручению последнего.^[15] А.С. Орлов, рассказывая о духовной литературе середины XVI века, в основном говорит о трудах самого митрополита Макария, его “Минях”, а также о Степенной книге и Стоглавом соборе. Вопросы исследования особенностей агиографии XVI века он не затрагивал.^[16] Н.К. Гудзий в своем труде “История древней русской литературы” поднимает проблемы литературного шаблона в агиографии XVI века, а также влияния двух течений в монашеской жизни: иосифлян и заволжских старцев – на особенности житийной литературы того времени.

Можно выделить еще одну группу научной литературы, касающихся исследования тех или иных аспектов агиографических произведений. И. Некрасов посвятил отдельное исследование изучению вопроса о протографах или, как он

сам их называл, “первичных редакциях” житий.^[17] На основании изучения многих известных нам редакций агиографических произведений, в том числе и жития преподобного Стефана Махрицкого, автор пришел к выводу, что в древнерусской агиографии существовал целый еще не изученный отдел литературных памятников, свободных от рамок традиционного житийного канона, более достоверных в историческом аспекте и написанных близким к народному языком. Эти выводы подверг сомнению В.О. Ключевский в труде под названием “Древнерусские жития святых как исторический источник”. Он считал, что так называемые “первичные редакции” нельзя выделять в особую группу агиографических произведений. Они отличались от “литературных редакций” только стилем, но были написаны тоже книжным церковно – славянским языком.^[18] В целом, на основании проведенных исследований нескольких сот списков житий, он пришел к выводу, что жития святых не могут считаться достоверным историческим источником. Однако автор отметил, что житие преподобного Стефана Махрицкого обильно любопытными подробностями. К сожалению, В.О. Ключевский уделил исследованию данного жития мало места.

Интересное исследование под названием “Святые Вологодского края” опубликовал в 1895 году Н. Коноплев . Вначале он затронул общие вопросы особенностей агиографического стиля, а затем перешел к рассмотрению конкретных житий. Автор опубликовал отрывки из найденного им Авнежского списка жития преподобного Стефана Махрицкого и его учеников Григория и Кассиана Авнежских, не связанного с произведением игумена Иоасафа. Там приводятся любопытные подробности о происхождении как самого преподобного Стефана, так и его учеников, а также о разорении Авнежского монастыря.^[19]

Новый аспект в изучении древнерусской агиографии открыл А.П. Кадлубовский.^[20] Он выявлял в текстах житий идеальный образ в контексте всей русской агиографии, изучал внутренние принципы построения житийных форм. В житийной литературе XVI века автор выделил два направления, соответствующих течениям монашеской жизни того времени и считал, что эти явления были связаны между собой.

Исследованию поэтического стиля древней Руси посвятила свои очерки В.П. Адрианова – Перетц.^[21] Она исследовала типы метафор – символов, встречающихся в русской литературе XI – XVII веков, в том числе и в агиографии.

Рассмотрению особенностей жанров, стиля, художественного метода, тематики древнерусских литературных произведений посвятил свои работы Д.С. Лихачев.^[22] Он уделил внимание литературному этикету древней Руси, стилистической симметрии, метафорам – символам, поэтике художественного времени и пространства. Многие положения его исследований относились к

средневековому русскому агиографическому стилю.

Таким образом, исследование как русской агиографии XVI века в целом, так и жития преподобного Стефана Махрицкого в контексте общего направления развития литературы житий святых привлекало внимание исследователей. Но, как представляется, житие святого Стефана было изучено недостаточно полно и всесторонне. Поэтому в представленной работе сделана попытка собрать результаты всех имеющихся исследований, касающихся жития преподобного Стефана Махрицкого и дополнить их итогами непосредственного изучения текста данного произведения и других источников.

Об авторе жития игумене Иоасафе.

Об авторе Жития преподобного Стефана Махрицкого игумене Иоасафе сохранилось достаточно мало сведений. В целом, своеобразная трудность изучения истории древней русской литературы обуславливается еще и тем, что мы имеем очень мало сведений об ее авторах. Даже в тех случаях, когда тот или иной памятник несомненно может быть связан с именем определенного автора, мы в большинстве случаев ничего, кроме имени, об авторе не знаем.^[23] В данном случае для нас, как писал В.О. Ключевский, "личность биографа Иоасафа среди скудных известий остается в тумане."^[24]

Игумен Иоасаф жил в XVI веке и, как указывают надписания некоторых и списков житий,^[25] был игуменом Данилова монастыря. Однако для исследователя остается спорным вопрос, каким Даниловым монастырем - переяславским или московским - управлял автор житий. Надо при этом заметить, что П. Строев "Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви" в числе игумен Московского Данилова монастыря указывает игумена "Иоасафа, 1560 (в 1560 бывший), а о самом монастыре пишет, что он был возобновлен при царе Иоанне Грозном.^[26] Что касается Переяславского Данилова монастыря, то в той же книге начиная со времени основания монастыря (1508 г.) и до 1727 года среди настоятелей нет игуменов с именем Иоасаф. То есть, вероятнее всего, агиограф жил в Москве.

Сам автор, говоря о себе в "Житии преподобного Стефана Махрицкого" называет себя "*поселянином*".^[27]

Также встречается мнение, что он же был епископом Вологодским с 1560 года умершим в 1570 году,^[28] хотя В. О. Ключевский и Н. Коноплев ставят это под сомнение. "Утверждают, что этот биограф - тот Иоасаф, который в 1560 году стал пермским епископом; но ни в одном труде он не делает намека на свой епископский сан; напротив, в сказании об Авнежских чудотворцах, как и в других сочинениях

называя себя смиренным иеромонахом, игуменом Данилова монастыря, он говорит о себе в первом лице, а о пермском епископе Иоасафе, приехавшем в 1560 году в Авнежский монастырь, выражается в третьем и рассказывает, что два чуда о нем сказаны изложены на основании донесения этого епископа".^[29] Кроме того, среди подписей под грамотой, "Учиненной по приказанию государя царя Иоанна Васильевича", находятся подписи "смиренного Иоасафа, Божией милостью Епископа Пермьскы и Вологодскы", и "чернеца Иоасафа, бывшего игумена Даниловского."^[30]

Его перу принадлежит три известных нам жития. Имя Иоасафа как автора встречается во второй редакции "Жития Никиты, епископа Новгородского", в которой, в отличие от первой, описаны обретение мощей и двадцать пять чудес о нем, составленные Иоасафом по повелению Новгородского архиепископа Пимена (после 1558 года).^[31] В составе Жития святого Никиты находится повесть о преподобном Антонии Римлянине и похвальное слово святителю.^[32]

Игумен Иоасаф написал также "Житие преподобного Стефана Махрицкого", которое рассматривается в данной работе. Списки этого жития датируются концом XVI - XVII в.в. Очевидно, оно было самым поздним произведением агиографа начатое, по мнению В. О. Ключевского, "не позже 1563 года, ибо автор принял за него по поручению митрополита Макария."^[33] Игумен Иоасаф сообщает в Житии, что он посетил Махрицкий монастырь для сбора сведений о преподобном Стефане, где он нашел Записки Серапиона, современника преподобных Стефана и Сергия Радонежского, на основании которых он и написал данное житие. И.У. Будовник указывал также на зависимость Жития преподобного Стефана Махрицкого от житий преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.^[34] Кроме этого текста, существуют также две редакции проложного жития преподобного Стефана Махрицкого.^[35]

Игумену Иоасафу принадлежит также "Сказание об обретении мощей преподобных Григория и Кассиана Авнежских" с чудесами, учениках и сподвижниках преподобного Стефана Махрицкого. Оно написано ранее Жития преподобного Стефана, судя по словам: "*мне же смиренному еже написавшу о явлении мощей, и о чудесехъ преподобныхъ Григория и кассиана иже на Авнез бывшихъ ученицехъ святого Стефана.*"^[36] О времени написания этого произведения можно сказать, что составлено оно не ранее 1560 года, времени прославления преподобных Григория и Кассиана Авнежских.^[37] В некоторых рукописях Сказания^[38] в повествование об обретении мощей и чудесах помещен рассказ о Григории и Кассиане Авнежских, представляющий собой заимствование из Жития преподобного Стефана Махрицкого. Архиепископ Филарет также отмечает, что перу игумена Иоасафа принадлежит и Служба преподобному Стефану.^[39] Кроме

того, с именем Иоасафа встречается и Служба Авнежским чудотворцам^[40].

По сохранившимся сочинениям игумена Иоасафа современные исследователи видят в авторе типичного агиографа середины XVI в., периода сложения Великих Миней Четиех митрополита Макария.^[41]

Списки жития преподобного Стефана Махрицкого.

Житие преподобного Стефана Махрицкого до настоящего времени не опубликовано и находится в рукописях XVI – XIX веков. Н.П. Барсуков называет одиннадцать списков этого произведения.^[42] К сегодняшнему дню рукопись из собрания Е.В. Барсова № 110 (XVI век) в собрании Отдела рукописей РГБ не числится и, возможно, утеряна. Рукопись из собрания Макария, митрополита Московского и Коломенского № 51 недоступна для исследования. Также Барсуков называет список из собрания Ундольского № 1161. Такой рукописи в собрании нет; возможно, что при издании книги “Источники русской агиографии” была допущена опечатка, так как в данном собрании есть список № 1101.

Списки жития преподобного Стефана Махрицкого находятся в настоящее время в рукописных собраниях РГБ, ГИМ, РНБ. В данной работе житие преподобного Стефана Махрицкого представлено по следующим спискам. Из собрания Отдела рукописей РГБ: Ф. 310 № 1101, № 377, № 378; Ф. 304 № 692, № 679, № 637. Из собрания Отдела рукописей ГИМ: Синод. собр. № 542, Синод. собр. № 807, Забелин, № 525 - 4о. Из собрания РНБ: собрание Погодина № 734.

Текст жития преподобного Стефана Махрицкого пространной редакции приводится в Приложении 1. При передаче текста соблюдались следующие правила: 1) текст напечатан с сохранением букв “ер” и “ять” (обозначенной знаком ѣ), со словоразделением 2) знаки препинания приводятся в современном написании 3) механические повреждения текста рукописи обозначены скобками 4) буквы, выделенные в рукописи кинноварью, обозначены жирным шрифтом 5) в качестве разночтений отмечаются перестановки и пропуски слов и фраз; изменения пунктуации, варианты различного написания букв в слове, изменения падежей и другие незначительные различия, не влияющие на смысл текста, не отмечаются 6) рукописи обозначаются шифрами, под которыми они находятся в собраниях в настоящее время. В качестве единицы сравнения выбрано житие преподобного Стефана Махрицкого из сборника Четиех Миней Германа Тулупова 1632 года.^[43]

В Приложении 2 приводится краткая редакция жития преподобного Стефана Махрицкого из Месяцеслова.

Самым ранний из сохранившихся списков данного жития находится в Сборнике “Жития русских святых” (РГБ Ф. 304 № 692), Кон. XVI века, полуустав, в лист, 728 листов. Водяные знаки второй половины XVI века (до 1599 года). Содержание: 1) жития русских святых 2) Апокалипсис. Житие и подвиги преподобного Стефана Махрицкого: лл. 707 – 728.^[44]

Житие преподобного Стефана Махрицкого в Чети Минее, месяц июль. (РГБ Ф. 304 № 679). Написана в 1632 году Германом Тулуповым, в лист, 633 листа.^[45] На последнем листе запись: “Написана при благоверном князе Алексее Михайловиче всея России и при великом господине святейшем Филарете патриархе Московском и всея Руси, в лета святительства его. А писал сию святую книгу многогрешный чернец Герман Тулупов старичен. В лета от создания мира 7140 марта в 14 индикта, 15.” Об этом переписчике сохранились некоторые сведения. Герман (в миру Георгий Тулупов), составитель и переписчик Четых Миней. Монах Троице – Сергиевой Лавры. Работу над Минеями он начал в 1627 и закончил в 1632 году. Неизвестно, был ли он только переписчиком или являлся и редактором минейных сборников. Написанные им Четьи Миней – это сборники избранных, основных для каждого месяца житий и слов.^[46]

Службы и жития святителя Серапиона Новгородского и преподобного Стефана Махрицкого (РГБ Ф. 304 № 637). Написана в 1677 году; устав; 30,5 x 19,5; в лист; 69 листов; переплет кожаный, тисненный золотом; заставки фигурные.^[47] На листе 1 об. окруженная рамкой летопись и дата книги: “В лето от создания мира 7185. От Рождества же Господа нашего Иисуса Христа 1677, индикта, 15, месяца декенбрия. Написася сия книга, жития иже во святых отца нашего Серапиона архиепископа Новгородского, и преподобного отца нашего Стефана иже Намахрищи. В дому Пресвятыя и Животворящая Троицы, и преподобных и богоносных отец наших Сергия и Никона Радонежских чудотворец, убогим архимандритом Викентием.” Житий преподобных Сергия и Никона нет – чистые листы. Названия глав вынесены на поля. Главное отличие от еденицы сравнения – по всему тексту (житие и служба) слово “инокъ” заменялось на “монахъ”.

Житие преподобного Стефана Махрицкого (РГБ Ф. 310 № 377). Скоропись XVII век; на 31 лист, в 4 – ку. Конец послесловия жития преподобного Стефана утерян. Л. 21 – житие преподобного Онуфрия Пустынного.^[48]

Преподобного Стефана Махрицкого житие и служба ему (РГБ Ф. 310 № 378). Полуустав, нач. XVII века, в 4 – ку, 19 x 14. Переплет новый – доски в коже, с тиснением золотом и серебром. Л. 1 – служба Стефану Махрицкому, л. 23 – житие и подвизи преподобного отца нашего Стефана, иже Намахрищи.^[49] Также в рукописи имеются: житие и служба Артемия Веркольского, служба Знамению Богородицы, повесть о чуде Богородицы в Великом Новгороде, слово похвальное

Знамению Богородицы.

Житие и служба преподобного Стефана Махрицкого и “Чин, како подобает пети дванадесять псалмов” (РГБ Ф. 310 № 1101). Полуустав, первая четверть XVIII века; в 4 – ку; 74 листа, лист 1 – чистый, 20,2 x 15,8. Переплет – доски в коже с тиснением; на л. 1 – заставка, на л. 18 – заставка – рамка. Тонкие киноварные инициалы.^[50] С 57 по 73 листы – чин, како подобает пети дванадесять псалмов. Текст отличается множеством исправлений и вписанных сверху слов.

Житие преподобного Стефана Махрицкого (РГБ Ф. 199 № 121). Полуустав, кон. XVII – нач. XVIII века (1683 – 1720); 39 листов, 20,0 x 16,0; без переплета. Тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками.^[51]

Житие преподобного Стефана Махрицкого в Сборнике житий (РГБ Ф. 236 № 94). Скоропись разных почерков, полуустав, нач. XVII века.; составной (л.л. 165 – 220 приплетены из другой рукописи – счет тетрадей начинается с 1 на листе 165); 575 листов, 19,5 x 14,5; переплет – доски в коже с тиснением. По листам запись: “Лета 7120 году месяца сентября в 1 день сия книга домовая церковная соборнаго каменскаго храму Благовещения ... Богородицы и предел Ея у Соли Вычегоцкой на посаде, положение Никиты Григорьевича Строганова по своих родителей.”^[52]

Житие преподобного Стефана Махрицкого в Сборнике житий (РГБ Опт. № 228). Скоропись разных почерков, втор. пол. XIX века; 408 листов (л.л. 1, 43, 72, 73, 163 – 165, 416 – 418 – чистые), 20,5 x 17; переплет картонный, обтянутый кожей с золотым тиснением. На корешке вытеснено: “Разные духовные сочинения.”^[53] Состав: житие Стефана Махрицкого, житие Корнилия Комельского, житие Серафима Саровского, страдания мученика Анастасия, житие Агапия Чудотворца, житие Михаила Клопского.

Жития и службы преподобных Кирилла Белозерского и Стефана Махрицкого (РНБ, собрание М.П. Погодина № 734). Полуустав, 1615 год, 165 листов; заставки и инициалы; на л.л. 164 – 165 авторская приписка о написании рукописи в 7123 году в Кирилло – Белозерском монастыре повелением келаря Боголепа чернецом Кирилло – Белозерского монастыря Христофором.

Житие преподобного Стефана Махрицкого в Четьи Минее, месяц июль (ГИМ, Синодальное собрание № 807). Составлена Иоанном Милютиным в сер. XVII века. Скоропись, переплет – доски в коже. Известно, что Иоанн Милютин был переписчиком и составителем Четьих Миней, работу над которыми он начал в 1646, а закончил в 1654 году. Источниками служили Великие Минеи Четьи митрополита Макария, Четьи Минеи Германа Тулупова, печатный Пролог 1643 года, Степенная книга и другие памятники. И. Милютин был не только переписчиком, но составителем и редактором. Редактируя, он сокращал вступления, предисловия и похвальные слова во многих житиях.^[54] В житии преподобного Стефана Махрицкого было сокращено вступление; в остальном

текст соответствует другим рукописям.

Служба и житие преподобного Стефана Махрицкого в Сборнике (ГИМ, Синод. собр. № 542). Полуустав, скоропись, XVII век. Житие преподобного Стефана написано полууставом, но содержит множество пометок скорописью. По мнению, Н.П. Барсукова, они принадлежат Симеону Полоцкому.^[55] Эти пометки достаточно серьезно сокращали и изменяли текст жития игумена Иоасафа. Содержание этих примечаний находятся в Приложении 3.

Житие преподобного Стефана Махрицкого в Сборнике житий и служб (ГИМ. Забелин. 525 – 40). Скоропись, 1760 год. В конце жития преподобного Стефана Махрицкого на листе 335 (112) приписка: “Сие житие списывал 1760 ... году оптомря в 22 день московскаго Драгунскаго эскадрона второй роты вахмистр Филипп Алексеев сын Бобров своею рукою.”

Сравнение данных списков показывает, что они не имеют каких – либо текстуальных, композиционных или стилистических различий. Все разночтения не изменяют общего содержания жития. Текст жития в большинстве списков одинаков, лишь И. Милютин несколько сократил вступление к житию, не изменяя дальнейшего изложения. Тождественность списков подкрепляется тем, что во всех рукописях равное количество чудес, их последовательность одинакова, отсутствие разделения текста на главы в некоторых списках не изменяет последовательности изложения. Все это указывает на устойчивость литературной традиции памятника и на бережное отношение переписчиков к тексту.

В Приложении 2 приводится текст сокращенной редакции жития преподобного Стефана Махрицкого XVII века. Она представляет собой сокращение пространной редакции жития. В ней отсутствует вступление и посмертные чудеса святого. Само жизнеописание преподобного Стефана также сокращено. Наименьшее количество сокращений в первой части жития, от рождения преподобного до основания общежительного монастыря. Надо заметить, что временем, при котором святой Стефан переселился из Киева в Москву, еще названо правление князя Иоанна Иоанновича. Далее редактор значительно сокращает текст, выпуская рассказы об основании Авнежского монастыря и втором посещении Москвы. Житие заканчивается преставлением преподобного Стефана. Можно заметить, что редактор механически сокращал текст игумена Иоасафа, выпуская отдельные предложения. Наличие в этой же рукописи и краткой редакции жития преподобных Григория и Кассиана Авнежских свидетельствует о том, что составитель Месяцеслова специально сокращал тексты житий для помещения их в своем сборнике.

[Историческая ситуация и источники, на основании](#)

которых создавалось житие преподобного Стефана.

Появление Жития преподобного Стефана Махрицкого неразрывно связано с общей ситуацией, сложившейся в Русской Церкви в XVI веке. По замечанию С.П. Шевырева, "необходимо будет обращать внимание на связь произведений и тем временем, когда они возникли. Всякое произведение непременно носит на себе этот отпечаток; отметить его верно есть обязанность исследователя"^[56].

К середине XVI века наступил перелом русского сознания. Флорентийская уния и падение Константинополя уронили в глазах русских людей церковный авторитет Византии. Мысль о том, что Русь - последний Рим, единственное хранилище чистого Православия, должна была внушать особенное внимание к отечественным святыням; прославление новых русских чудотворцев служило наглядным выражением возвышения Руси как "третьего Рима". Это послужило одной из побудительных причин созыва Соборов.

До XVI века, особенно в удельный период России, святые чтились по большей части в тех местах, где они подвизались. "Москва, сосредоточив в себе отдельные области, сделалась центром и всех местных святынь. Вместе с тем положено было составить службы и жития всех русских святых, для которых они не были составлены. Вследствие этого явились многие жизнеописатели и песнотворцы"^[57]. Митрополит Макарий решил собрать по возможности сведения о всех русских святых, о их подвигах и чудесах и рассмотреть эти сведения на соборе. В 1547 году в Москве состоялся первый Собор, созванный по вопросу канонизации русских святых. После него царь Иоанн Васильевич обратился ко всем архиереям, чтобы они позаботились каждый в своей епархии "известно игумены, и священноиноки, и иноки, и пустынники, и князи, и боляры, и богобоязливими людьми, где которые чудотворцы прославились великими чудеса и знамени, от коликих времен и каковы лета"^[58]. В 1549 году в Москве состоялся новый Собор, перед которым свидетели "положили" собранные ими сведения. Собор свидетельствовал все заново написанные каноны, жития и чудеса и "предал Божиим церквам петь, и славить, и праздновать" новым чудотворцам, во дни их представления и в открытия мощей их"^[59]. В этом соборном свидетельствовании В.О. Ключевский видел опыт церковной цензуры, чисто литературной и притом необходимой. Литературный источник канонизации 1547-1549 г.г. заключался в том, что установление празднования известному святому обуславливалась существованием жития и канона, которые можно было бы петь и читать в церкви в день его памяти."^[60] В установлении праздников в честь русских святых принимала заметное участие и гражданская власть в лице царя. Это отмечается и в житии преподобного Стефана. Впрочем, главное участие принадлежало митрополиту с Собором епископов; в полномочия государя входило только дать свое согласие или

повеление. Этим двойным участием определялись и формулы установления этих праздников.

Быстрое увеличение количества русских святых должно было вызвать острую потребность в составлении канонов, стихир, житий новопрославленных угодников Божиих. "Тотчас после Собора 1547 года митрополит Макарий умел найти писателей и в Москве и во Владимире для житий местных святых. Подобно этому прямое поручение митрополита и соборное прославление святых с епархиальными обысками всюду пробуждали местные воспоминания и вызывали длинный ряд местных грамотеев к литературной обработке этих воспоминаний. В четверть века написано было о русских святых не меньше, чем в сто лет, следовавших за смертью митр. Макария."^[61] При этом митрополит Макарий хотел пересмотреть и прежде написанные жития, желая сделать их более благоприличными, понятными и убедительными. Он распорядился "придать их изложению торжественный, риторический стиль, развивавший манеру югославянских писателей."^[62] Во время митрополита Макария "искусственный стиль окончательно, так сказать, затвердевает: предисловие и послесловие становятся неизменными составными частями "Жития"; типические черты и риторические приемы получают еще большее развитие."^[63]

На соборах 1547 и 1549 годах была пересмотрена фактическая сторона целой массы материалов для канонизации святых - житий, преданий с точки зрения достоверности. "Эта практическая сторона деятельности Макария в силу своего характера тесно связана с литературой, по крайней мере, одной ее ветвью – агиографией."^[64]

Деятельность по канонизации святых на Соборах 1547 -1549 г.г. не была закончена. Установление новых праздников в честь русских святых продолжалось и в последующее время, хотя уже и не в таком размере. Канонизации был предан характер собирательный, сделана попытка ввести в церковный календарь всех известных русских чудотворцев и сделать память о них достоянием всей Русской Церкви. Церковное признание святого становится делом Собора всей Русской Церкви, а не епархиальной иерархии. Такое перемещение канонизирующей власти из епархий в Москву можно признать одним из наиболее заметных проявлений централизации, которая развивалась в русской Церкви вместе с государственной. Другим важным событием, имевшим целью стремление к централизации в области древнерусской письменности, было составление Четых Миней. По задаче, поставленной при осуществлении этого начинания - собрать и переписать "все святые книги, которые в Русской земле обретаются, Минеи Макария - самое отважное предприятие в древнерусской письменности".^[65]

Эти два фактора оказали очень сильное влияние на литературу послесоборного периода, в том числе на составление жития преподобного

Стефана Махрицкого.

Рассмотрим более подробно процесс и условия канонизации святых в данный период, многие моменты которого кратко описаны игуменом Иоасафом.

Почитание большинства подвижников благочестия, предварявшее их официальную канонизацию, начиналось "спустя то или другое время после их кончины по сверхъестественным знамениям и указаниям".^[66] Это почитание состояло в том, что при гробах возносились молитвы за них, и в том, что над могилами подвижников поставлялись гробницы.

Чтившие память подвижника христиане пели при гробах панихиды, а в дни преставления совершалась заупокойная литургия. Еще до обретения мощей в качестве вещественного памятника над могилой угодника Божия ставилась небольшая часовня, а в часовне на могиле устанавливалась гробница, которая покрывалась покровом и перед ней ставилась свеча. В Житии преподобного Стефана Махрицкого об этом сказано так: *"Тейже Арсение ... повеле поставити гробницу надъ гробомъ святого и покрыти ю покровом, и свещу велику поставити. Самже совершивъ Божественную службу соборне и братию учредивъ, и устави оттоле вселетнюю память преподобному Стефану."*^[67]

Слово "гробница" Е.Е. Голубинский понимал в трех значениях - в смысле надгробного возвышения в виде раки с мощами или гроба; в значении "палатки или склепа под церковью для погребения тел покойников или для поставления поверх земли гробов с телами покойников"; и в значении палатки или небольшой часовни над могилою, если подвижник был погребен вне церкви на погосте или в монастыре, и в этой часовне на могиле устраивалась также надгробие.^[68] Затем это надгробие покрывалось покровом и перед ним ставилась свеча.

Очевидно, в житии преподобного Стефана это слово было использовано в третьем значении, так как в описании чудес от могилы преподобного упоминается "некий брат" *"иже приседя у гроба святого всегда и о болящихъ попечение имея"*^[69]; также и имущему "скорчену ногу" во время голода игумен повелел *"сидети близъ гроба святого"*^[70], а после исцеления болящий *"поверже ходило свое древяное у гроба преподобнаго въ свидетельство преславного чудеси"*^[71]. Логичнее предположить, что над могилой была построена именно небольшая часовня, ибо сооружение склепа под деревянной церковью маловероятно и также сомнительно, что свеча и покров на гробе подвижника оставались под открытым небом.

В качестве условий, необходимых для совершения канонизации, В. Васильев приводит наличие жития, канона и зафиксированных чудес. Когда накапливалось некоторое количество чудес, их начинали записывать. Причем наличие чудотворений было важнейшим аргументом при подготовке к прославлению, ибо, по мнению Е.Е.

Голубинского, общим основанием для причтения усопших подвижников благочестия к лику святых служило прославление их даром чудотворений^[72]. При этом братия монастыря, если чудеса происходили в их стенах, были заинтересованы в причислении основателя к лику святых. Как считает Голубинский, под жалобами авторов житий на отсутствие по небрежению монахов в течение долгого времени записей о чудесах вероятнее разумеется отсутствие самих чудес.^[73]

Когда свидетельств о происшедших чудотворениях собиралось достаточно много, настоятель монастыря с дозволения епархиального архиерея обращался к высшей церковной власти с донесением о чудесах, совершавшихся у гроба подвижника; поэтому игумен Варлаам написал донесение митрополиту Макарию с рассказом обо всех происходивших от гроба преподобного Стефана исцелений.^[74] Для канонизации необходимо было провести "обыск о новых чудотворцах", начатый после Собора 1547 года.

В случае, когда поводом к канонизации служили только чудеса святого (как при прославлении святого Стефана), то кроме сбора сведений о святом, необходимых для его прославления, главная задача обыска состояла в проверке подлинности этих чудес. Возможно, именно с целью проведения "обыска", а не только сбора сведений о святом приезжал в Махрицкий монастырь игумен Иоасаф. Поэтому у него имелись достаточно подробные сведения для описания происходивших от гроба святого Стефана чудес. Но В. Васильев полагает, что освидетельствование мощей при канонизации преподобного Стефана Махрицкого, как и преподобных Григория и Кассиана Авнежских, было поручено местному архиерею^[75] (о чем нет упоминания в житии преподобного Стефана).

Кроме этого, как было указано, для причтения праведника к лику святых необходимо было наличие службы и жития его. "Служба нужна была для того, чтобы по ней совершаемо было празднование святому; а что касается жития, то оно нужно было как оправдательный документ относительно того, что канонизированный святой был истинный святой".^[76] Также житие входило в богослужение и прочитывалось в церкви после шестой песни канона на утрени в день памяти святого. В результате "из всех этих элементов, с привоскуплением службы угоднику, составлялось полное целое, части которого следующие: служба угоднику, самое житие, похвала, обыкновенно по случаю открытия мощей, потом чудеса, заключаемые тоже похвалою".^[77]

Завершающим моментом канонизации был Собор, на котором и совершалось причисление к лику святых того или иного подвижника. Проведение обыска имело подготовительное значение, собирая необходимые агиобиографические данные, его службу, чудеса. Результаты обыска направлялись митрополиту, который, по повелению царя, собирал Собор епископов. Здесь материал снова

"свидетельствовался". Если Собор признавал данные соответствующими цели, то отцы Собора давали благословение праздновать память святого - "канон пети и житие чести"^[78].

Всего скорее, игумен Варлаам в послании к царю и митрополиту описал только "виденные и слышанные им чудеса Стефана"^[79] и не касался самого жизнеописания святого, поэтому последние поручили игумену Иоасафу составить полное житие преподобного, ввиду чего тот отправился в Махрицкий монастырь для подробного знакомства с жизнью святого Стефана. Игумен Иоасаф должен был быть знаком также с результатами проведенного "обыска", даже если он сам не принимал в нем участия.

Канонизация преподобного Стефана была типичным примером того, когда инициатива прославления святого, появившаяся снизу, от игумена монастыря, в котором подвизался святой, вызывало со стороны церковной власти поручение написать житие и службу. В случае, если монастырь был "скуден книжными людьми, то это поручение падало на постороннего писателя, вовсе не принадлежащего к тому монастырю; иногда оно входило в число задач духовной комиссии, назначавшейся для проверки чудес, свидетельствования мощей. Таким именно образом явились жития - Стефана Махрицкого, Григория и Кассиана Авнежских."^[80] Как пишет игумен Иоасаф, прежде составления Жития преподобного Стефана Махрицкого он написал сказание о явлении мощей и чудесах преподобных Григория и Кассиана Авнежских. Сведения об этих святых, собранные игуменом Махрицкого монастыря Варлаамом, были доставлены митрополиту Макарию. Последний для проверки этих сведений, а также для свидетельствования мощей посылает в Авнежский монастырь игумена Данилова монастыря Иоасафа, и для этой же цели приезжал в Авнежский монастырь Вологодский епископ Иоасаф.^[81] Предоставленные сведения митрополит передал на рассмотрение Собора, который постановил праздновать память новых чудотворцев и повелел составить сказание о них. Это было исполнено игуменом Иоасафом на основании предоставленных сведений. При участии тех же лиц, как считает В. Васильев, совершилась в этом же (1560) году и канонизация преподобного Стефана Махрицкого. Но прежде чем было установлено празднование памяти Стефана как общецерковно признанного святого, было установлено "почитание его памяти как "чаемого святого".^[82]

Поэтому игумен Иоасаф, рассказывая о погребении преподобного Стефана, пишет: *"И тако положиша честное тело преподобного в созданной от него обители, идеже совершается собор его"*.^[83]

Как известно, в 1526 - 1527 г.г. старец Герман увидел ночью на гробе основателя монастыря блистающий огонь; свидетелем этого чуда стал и игумен Махрицкого монастыря Иона. О чудесном видении было сообщено прибывшему в

монастырь игумену Троице - Сергиева монастыря Арсению, который установил почитание памяти преподобного. Именно тогда на могиле была поставлена гробница, гроб был покрыт покровом, перед ним установлена свеча. Игумен [Арсений](#) совершил там "Божественную службу соборне" - очевидно, это было заупокойное богослужение, так как святой еще не имел церковного прославления. К моменту посещения игуменом Иоасафом Махрицкого монастыря почитание памяти основателя обители уже вошло в обычай. Как считал В.О. Ключевский, в подобных случаях день кончины подвижника "собирал окрестных окрестных жителей в обитель на богомолье. Сначала пели панихиды, которые потом, с появлением тропаря и кондака, заменялись молебнами преподобному, и таким образом устанавливалось местное его чествование".^[84]

Относительно времени составления жития преподобного Стефана Махрицкого точных данных нет. Можно обозначить лишь возможный период с 1560 (канонизация преподобных Григория и Кассиана Авнежских) по 1563 год (дата смерти митрополита Макария, по поручению которого было написано житие). Сама же канонизация произошла несколько ранее, в 1557 - 1558 годах, и вскоре, при строительстве каменного храма, состоялось обретение мощей преподобного.

Надо полагать, что служба преподобному Стефану была написана ранее жития, так как в ней имеются только общие места. Игумен Иоасаф должен был написать ее еще до посещения Махрицкого монастыря и знакомства с находившимися там документами. Иначе в каноне должны были присутствовать хотя бы упоминания о важнейших событиях из жизни преподобного и об обретении его мощей. Хотя митрополит Макарий считает, что написанные в тот период службы были "невысокого достоинства".^[85] Церковные песнописцы пользовались существовавшими службами не только как образцами, но и как источниками, заимствовали из них мысли, выражения и целые обороты речи. Есть службы, которые писались под влиянием одного какого - либо образца, другие составлялись под влиянием двух или нескольких образцов, а отдельные службы можно назвать просто списками или копиями других служб.^[86] Поэтому наличие в службе преподобному Стефану только общих мест можно объяснить и подобного рода компиляциями при ее составлении.

Установление празднования памяти основателя монастыря и происходившие после этого события чудеса от его гроба дали основания для общецерковного прославления Стефана Махрицкого как святого. Возможно, что при этом имело некоторое значение и недавнее прославление преподобных Григория и Кассиана Авнежских, учеников преподобного Стефана, в котором принимал участие и игумен Варлаам.

Можно вполне определенно указать источники, на основании которых игумен Иоасаф он составил свое Житие. Автор сам упоминает о них в своем

произведении. Поэтому И.У. Будовниц указывал, что житие составлено "по рассказам и преданиям, а также по кратким записям прадеда игумена Варлаама. Иоасаф пользовался также данными "Жития" преподобного Сергия Радонежского, с которым Стефану приходилось встречаться, и Кирилла Белозерского"^[87]. Эти источники можно условно разделить на устные и письменные.

К устным относятся рассказы и воспоминания об основателе обители монастырской братии, ради чего изначально игумен Иоасаф и предпринял данную поездку. Отчасти рассказы получивших исцеление от гробницы преподобного должны были войти и в повествования о чудесах святого, хотя основной материал заимствовался из документов "обыска", проведенного при подготовке общецерковной канонизации преподобного Стефана Махрищского, а также из послания игумена Иоасафа к царю и митрополиту о чудесах от гроба Стефана.

Из письменных источников в первую очередь обращают на себя внимание "свитцы на хартиях", написанные священноиноком Серапионом. Также игумен Иоасаф упоминает о княжеских грамотах, полученных святым Стефаном от великого князя Иоанна II Иоанновича на основание Махрищского монастыря, и которые "доднесь хранятся во обители". Эти грамоты в качестве исторических документов автор мог использовать при уточнении времени в повествовании об основании монастыря.

К сожалению, все вышеперечисленные письменные источники до нашего времени не сохранились. Всего скорее, они погибли во время разорения монастыря польско - литовскими войсками в начале XVII века. Поэтому остается только предполагать возможное содержание этих документов на основании жития преподобного Стефана.

Основным источником сведений о святом Стефане Махрищском послужили, по его отзыву, "Записки" священноинока Серапиона, принесенные игумену Иоасафу иноками монастыря. Эти записки можно считать протографом жития преподобного Стефана. И. Некрасов называл их "первичными редакциями"^[88] житий.

Жития святых подвижников составлялись в разные времена и житие одного и того же святого могло иметь несколько редакций. Инициатива составления жития могла, как и в целом канонизация, происходить сверху - от церковных инстанций, ввиду возникновения вопроса об общецерковной канонизации, и снизу, от богомольцев, насельников монастыря и окрестных жителей. В первом случае житие сразу писалось литературным языком, с использованием житийных формул, хотя первоначально могло представлять собой короткую редакцию. Во втором случае первичная редакция появлялась вскоре после смерти подвижника; она составлялась наиболее грамотным монахом из братии монастыря и не

претендовала на литературность. Создание памятных записок с жизнеописанием подвижника или основателя монастыря было делом нередким в XV - XVI в.в. Впоследствии они служили важным фактором при канонизации святого и составлении его литературного жития. Многие агиографы указывали, на основании каких источников они составляли свою редакцию жития святого. Это могли быть устные рассказы самих очевидцев жизни и чудес святого, рассказы тех, кто слышал о святом от предыдущих поколений, наконец, старые монастырские записи. Иногда агиограф прямо указывал на наличие ранних записей, сделанных простым языком, иногда он просто отмечает литературные недостатки предыдущих редакций жития.

"Обыкновенно, прежде литературной обработки, в форме настоящего жизнеописания, сказания о жизни и подвигах святого существовали или в устных преданиях или в простых записках современников"^[89]. При составлении таких записок автор имел целью лишь "сохранить свидетельства о святом, факты его жизни, его посмертные чудеса"^[90], если они происходили вскоре после кончины подвижника. Поэтому такие записки не являлись житием в полном смысле слова, не были связаны с общецерковным прославлением, а служили только напоминанием братии об основателе монастыря. "Если житие не было следствием церковного прославления святого, оно писалось с мыслью вызвать это прославление или ускорить его. Только первоначальные биографические записки и небольшая группа житий, приближавшихся по характеру к простой биографии, не имели ни такого происхождения, ни такой цели"^[91].

Обычно такого типа жития составлялись, когда начиналось почитание памяти этого подвижника и таким образом предшествовало его официальной канонизации. "С половины XIV века развитие монастырской колонизации выставило необозримый ряд подвижников, основавших монашеские общины в лесных пустынях. Благоговейное воспоминание, которое основатель оставлял по себе в братстве и окрестном населении, большею частью не скоро облекалось в формы церковного чествования, но возбуждало желание сбегать, записать черты его жизни, пока они были свежи в памяти."^[92]

И. Некрасов полагал, что эти первичные записи представляют собой целый еще не исследованный отдел в древнерусской литературе и являются памятниками чисто национальными, не испытавшими на себе прямого влияния византийского и южнославянского стили. С XV века начало появляться значительное количество таких жизнеописаний святых в форме первичных редакций. "В ряду прочих литературных памятников нашей древней Руси ... в них по преимуществу мы видим зарождение чисто национальной литературы в великой и северной Руси."^[93] Он считал, что всякое литературное искусство и умение в древней Руси были тесно связаны с церковно - славянским языком, и меньшая степень литературных

способностей автора вела к сближению с языком народным. Появление большей части "первичных" редакций относилось в XV веке к северной Руси, причем к более глухим и отдаленным местам. В этом можно проследить определенную взаимосвязь: в тех местах, где литературное искусство отставало, эта отсталость удерживала много народного в литературе; и наоборот, развитие литературы приводило к отдалению от народности.

В Киевской Руси было сильно византийское влияние, и в то же время была развита народная поэзия. На Севере эти факторы проявлялись меньше, поэтому литературное творчество представляло собой "совершенно новое и отличное от Юга направление в нашей литературе"^[94]. Основой северной литературы служило Киевское и новгородское влияние, но на новой почве оно меняло свой характер. В результате на протяжении нескольких веков вместе с переработкой житий на языке церковно - славянском существовала другая литературная струя, сохранившая связь с народным языком. Эти два течения не были изолированы друг от друга, и язык первичных редакций оказал определенное влияние на особенности лексики последующих редакций.

С другой стороны, нельзя относить первичные редакции житий только к области народного творчества и языка. "Изложение этих записок и отрывков неодинаково по степени книжности, но ни в одном памятнике не переходит в чисто народную речь; во всех преобладает церковно - славянский язык с большею или меньшею примесью особенностей русского языка."^[95] По отзывам составителей литературных редакций житий, первичные редакции были написаны "просто", "не ухищренно", "не украшено". И. Некрасов полагал, что в этих словах имеется ввиду указание на отсутствие в речи первых авторов искусственности, а не неправильность грамматическая.^[96] Указания позднейших авторов на то, что предыдущие записки были составлены "просто", "неукрашено" не обязательно характеризовали первичные редакции как народные. "Простые словеса" не всегда указывали на простонародную, разговорную речь в отличие от книжной церковно - славянской. Чаще они противопоставлялись "широким словесам", - изложению, в котором широко использовались риторические обороты и украшения, и означали "простой рассказ на том же книжном церковно - славянском языке, но без риторического размаха, без общих мест; разница, следовательно, в стиле, а не в грамматике"^[97]. Нужно также заметить, что авторы последующих литературных редакций в сходных выражениях отзывались о своих произведениях.

"Первичные" редакции находились в тесной связи с жизнью, действительностью, сохраняя много реальных фактов. Взгляд автора на жизнь святого еще не определялся аскетическим идеалом или нравственной пользой для читающих, что в значительной мере влияло на позднейшие, литературные

редакции жития. Они находились на той ступени развития агиографической литературы, когда в произведении воспроизводится просто реальная жизнь, и индивидуальные особенности из жизни святого не возводятся к общему идеальному образцу. Такие редакции являлись более достоверными в историческом отношении и не относились к легендарным сказаниям и преданиям, составившимся в народе о подвижнике. Первый писатель "как зеркало, мог отразить действительность, потому что у него не было условных выражений, которыми бы он скрыл или затемнил свою мысль."[\[98\]](#)

Поэтому исследователи полагали, что эти первоначальные жития были далеки от традиционных житийных канонов. "Жития святых первоначально слагались простой речью ... драгоценнее были бы для нас эти простые первоначальные предания, но, к сожалению, их не сохранили хартии."[\[99\]](#) И. Некрасов видел в этих редакциях житий "литературу самоучек", которые при умении писать не получили навыков излагать свои мысли стройно, используя готовые обороты речи и обладая некоторым запасом начитанности.[\[100\]](#)

До церковной канонизации жизнеописатель имел больше простора для своего пера. Ничто не заставляло его избегать простых житейских подробностей, не подходивших под принятые в житиях обобщения, хотя, возможно, и тогда искал в описываемом лице знакомых ему черт идеального типа. В.О. Ключевский связывал особенности агиографических канонов с гимнографией ввиду того, что житие должно было прочитываться после шестой песни канона. Отсюда он связывал структуру построения кондака, икоса и жития. В данном случае автор "писал не для церковной службы, а для читателей - современников, в памяти которых подробности о жизни знакомого им человека и в своем реальном виде еще не потеряли живого интереса. Таким образом здесь большая простота биографического рассказа, близость его к действительности была следствием того, что он по своему происхождению и назначению удалялся от церковной службы."[\[101\]](#)

Содержание первичных редакций могло излагаться не "порядку", отсутствовали риторические обороты речи. Отдельные мысли и части текста сопоставлялись так, что отсутствовали ясность, взаимосвязь предложений. Различные отрывки предложений могли повторять друг друга или даже противоречить самим себе; в тексте отсутствовала стройность. Писатели первичных редакций излагали события "потонку" в смысле неточности, отсутствия литературной связи между частями и эпизодами, которые по смыслу могли легко разрываться. Под "краткостью" жития могло пониматься и "отсутствие распространенности мыслей."[\[102\]](#)

Первичные редакции приближались по своим особенностям к летописным записям, в которых не требовалось проводить тесную связь с предыдущими частями. Ф.И. Буслаев считал, что "житие краткое, как летописная основа,

впоследствии распространялась различными подробностями, интересными для истории русского быта и литературы... Потом для потреб русских читателей распространенное житие вновь сокращалось, и, за выпуском интересных бытовых подробностей, удерживало позднейшую витиеватость"[\[103\]](#). В кратких первоначальных редакциях отсутствовало традиционное для агиографии трехчастное построение текста: предисловие, главная часть и заключение.[\[104\]](#) В таких записках не было необходимости писать вступление, составлять похвальное слово, так как они появлялись по преимуществу еще до обретения мощей святого и его канонизации.

И. Некрасов считал, что первичные редакции житий или памятные записки о святом "могли составлять исключительно монастырскую собственность и не пускались в народ. Сами владельцы смотрели на них только как на запас и могли беречь только до того времени, пока не являлось составленное на основании их искусное жизнеописание"[\[105\]](#). Возможно, что по причине такого рода закрытости и неизвестности свитцев старца Серапиона игумен Иоасаф заметил, что о житии преподобного Стефана " *даже и донесъ ... никто же въспомяну.*"[\[106\]](#)

В эпоху митрополита Макария из монастырских хранилищ было извлечено множество таких хартий, которые были использованы при общецерковном прославлении святых. "Иногда житие, написанное начерно, на свитке, благодаря равнодушию или безграмотности братии, ложилось в кладовую без употребления, портилось и потом извлекалось на свет Божий в таком виде, который делал необходимой новую обработку."[\[107\]](#)

При литературной обработке эти сказания подвергались критике, становились более "удобренными" и риторичными. Все, что "не выдерживало критики или что не согласно было с прямой целью жизнеописателя, отбрасывалось."[\[108\]](#) В результате из нового текста исчезали многие бытовые подробности, события будничной жизни святого и все то, что не представляло значения для нравственного назидания читателей. Характер святого во многом сглаживался, терял свою индивидуальность. "Простая биографическая записка о безвестном подвижнике, составленная для памяти по смерти его, становилась недостойной прославленного святого после открытия мощей и установления ему празднования."[\[109\]](#) Житие начинало соответствовать общепринятым агиографическим канонам, оно начиналось вступлением и заканчивалось похвальным словом святому. "Очень часто простая речь краткого первоначального жития принимала характер витиеватый и даже напыщенный под пером искусного книжника."[\[110\]](#)

Так происходило вытеснение литературными редакциями житий первоначальных записок о святых в тех местах, где началось почитание памяти подвижника. "Некнижные редакции житий, записки о них свидетелей сменяются

книжными редакциями их житий.”^[111] При появлении литературной редакции жития святого первоначальные записки о нем теряли свою ценность и со временем погибали. Поэтому до настоящего времени “первичные” редакции житий практически не дошли.

В результате своих исследований И. Некрасов пришел к заключению, что “первичные” редакции представляет собой первый шаг русской агиографии. Язык этих редакций был близок к народному литературному; форма и стиль этих записок не зависели от образцов агиографии, пришедших к нам из Византии или от южных славян. “Основной, характеристической чертой литературной стороны первичных редакций нужно признать простоту и безыскусственность.”^[112] В первичных редакциях сохранилось изображение более жизненное, более близкое к действительности. Также он считал, что такие редакции представляют очень малую долю воссоздания, сохраняют реальные факты, копию жизни, не возводя ее к общему идеальному образцу. Однако В.О. Ключевский был не согласен с такими выводами. По его мнению, “первоначальная обработка жития простой речью не была явлением не только общим или обыкновенным, но даже частым.”^[113] Простая же речь считалась случайной необходимостью, временным недостатком, который извинялся только уровнем книжного образования автора или его читателей. Однако “утверждение И. Некрасова справедливо в том отношении, что первые редакции свободны от позднейших наслоений “мудрых писателей,” которые ... стремились “удобрить” старинную редакцию “плетением словес”, обильными цитатами из Священного Писания, святоотеческой литературы и риторическими рассуждениями.”^[114]

Ключевский не связывал первичность редакции с ее языком и некнижностью речи и считал, что особенности церковно – славянского и русского языка постепенно сливались в книжной речи. Также и Л.А. Дмитриев считал, что “И.С. Некрасов ошибался, считая народные или, как он называет их, “первичные” редакции документами разговорного языка эпохи.”^[115] Г.П. Федотов же не соглашался “с утверждением В.О. Ключевского, что определяемые И.С. Некрасовым как “первоначальные”, “народные” редакции житий – не более чем черновые или малограмотные записки, не сыгравшие никакой роли в истории литературы.”^[116]

Также представляется несколько преувеличенной оценка данного слоя агиографических произведений как зарождение особой, национальной литературы Руси. Такие редакции имели некоторое распространение на протяжении двух – трех столетий, особенно на русском Севере, но затем они были вытеснены житиями, написанными в традиционном агиографическом стиле. Поэтому Л.А. Дмитриев заметил по этому поводу: “Конечно, мы не можем считать древнерусского агиографа основоположником литературного течения XIX

века.”^[117] Также этот исследователь с сожалением признавал – “к народным редакциям И.С. Некрасов не относил легенды, сказания и предания, “составившиеся в народе об известном лице” и вошедшие в агиографию. Положение это представляется нам неверным.”^[118]

В случае с созданием Жития преподобного Стефана Махрищского, нельзя полностью отрицать влияния так называемой “народной редакции” на язык редакции жития, написанного игуменом Иоасафом, но более правильным представляется считать это влияние незначительным. Исследуя первоначальные записи, агиограф использовал при составлении жития в основном исторические факты, имена участников событий, название местностей и другой фактический материал, но в соответствующей литературной обработке.

Первичная редакция жития преподобного Стефана Махрищского появилась в XV веке. Ее автор старец Серапион был, как указывает игумен Иоасаф, “самовидецъ преподонима Сергию и Стефану”^[119] и сам рассказывал о преподобном Стефане правнуку, игумену Махрищскому Варлааму, жившему в XVI веке. Но, как известно, преподобный Сергей скончался в 1392 году, а встреча преподобных Сергия и Стефана произошла около 1370 года. Таким образом, Серапион, чтобы рассказать Варлааму о преподобных, должен был прожить по меньшей мере сто пятьдесят лет. Возможно, что автор записок и прадед игумена Варлаама - разные люди, носившие одно и тоже имя; но более вероятным представляется то, что старец Серапион в юности просто записал рассказы очевидцев жизни преподобного Стефана через некоторое время после преставления основателя монастыря, а с течением времени это обстоятельство было забыто.

Старец Серапион написал “*вкратце ... о жити и исправлениихъ святого Стефана*” на хартиях, в виде свитков. В его повествование вошли не только собственные воспоминания, но и рассказы учеников святого “*елици с ним и по нем от Киева приидоша.*” Однако, судя по тексту игумена Иоасафа, о киевском периоде жизни Стефана там было намного меньше сведений, потому что игумен Иоасаф пишет о детстве и юности подвижника только в общих житийных выражениях и не называет никаких конкретных фактов.

Эти свитки хранились в монастырской “ксенодохии” или “дохии” (по разным спискам) – в странноприимном доме или монастырской кладовой и не пользовались особым вниманием братии. Поэтому писатель жития и пишет, что “*даже и донесь о житии его никтоже въспомяну.*”^[120] Всего скорее, это были оригинальные записи, написанные рукой самого Серапиона. Данная редакция не содержала или почти не содержала описания посмертных чудес преподобного, потому что игумен Варлаам “*помышляше и о чудесехъ святого, еже бы написати елико от оныхъ слышалъ и елико самъ известно виде бываемая чудеса от гроба*

святого”^[121] а сам игумен Иоасаф пишет: “никтоже въспомяну, чюдесемъ же многимъ бывшимъ от гроба святого.”^[122]

На основании этих слов игумена Иоасафа И. Некрасов делает вывод, что редакция Серапиона “настолько отличалась от его (игумена Иоасафа. – Д. К.) литературного дела, от его представления о жизнеописании, что он ... не считал ее за жизнеописание, говоря, что до его времени никто не воспомянул о преподобном Стефане.”^[123] Хотя более вероятным представляется то, что игумен Иоасаф имел ввиду только многолетнее забвение подвигов основателя монастыря в обители, когда устав преподобного Стефана был оставлен, а его память находилась в небрежении, и даже установление празднования памяти преподобного и происходившие у его гроба чудеса могли так и не пробудить особого интереса к его биографии. Возможно также, что хранившиеся в монастыре записки Серапиона не были известны прихожанам и окрестным жителям. Но нельзя отрицать и того, что стиль записок старца Серапиона расходился с представлением игумена Иоасафа о должной форме жития, ибо эти записки были написаны не с целью прославления святого, а только “памяти ради.”^[124] Некрасов также полагал, что “драгоценная первичная редакция Серапиона, сохранившая многое от самых близких очевидцев, донесла нам не подлежащий никакому сомнению, исторически достоверный факт об отношении его (преподобного Стефана Махрищского.- Д. К.) к поселянам при устройстве монастыря.”^[125]

Содержание труда инока Серапиона игумен Иоасаф характеризовал “краткостью”, поэтому автор дополнял его устными рассказами иноков монастыря. Исходя из известной нам редакции жития, написанной Иоасафом, можно попытаться восстановить приблизительное содержание той части первоисточников, которая перешла в текст жития.

Из записок Серапиона были заимствованы сведения, касающиеся жизни святого в северо – восточной Руси. Оттуда взяты географические названия, рассказ об основании общежительного монастыря, строительстве и освящении храма, хиротонии преподобного Стефана, посещении Махрищского монастыря преподобным Сергием, хотя в общем построении повествования заметно влияние жития преподобного Сергия Радонежского.

Постриг и хиротония преподобного Григория, конфликт с Юрцовскими, вынужденное переселение преподобных Стефана и Григория на Авнегу и основание там нового монастыря, постриг преподобного Кассиана – все это также должно было быть записано Серапионом, так как игумен Иоасаф приводит достаточно подробностей, имен, которые не были обязательны при составлении литературного жития. Кроме того, рассказ о жизни преподобных Григория и Кассиана Авнежских не был включен в первоначальную редакцию Сказания об

обретении мощей святых Григория и Касиана Авнежских, написанную тем же автором. Значит, в то время игумен Иоасаф еще не располагал этими сведениями. Не могло быть это связано и с поездкой игумена Варлаама на Авнегу для обретения мощей и прославления святых Григория и Кассиана, потому что Авнежский монастырь к тому времени уже давно был сожжен и даже имена преподобных находились в забвении. В более позднюю редакцию данного сказания заимствованный из жития преподобного Стефана рассказ о жизни преподобных Григория и Кассиана уже был включен.

Очевидно, старец Серапион располагал довольно подробными сведениями о событиях, происходивших в Авнежском монастыре. Игумен Иоасаф даже называет мирское имя и отчество Кассиана; мирское имя преподобного Григория не сохранилось, хотя он до пострига жил вблизи Махрицкого монастыря, где и были составлены записки Серапиона.

Воспоминание о встрече преподобного Стефана братией Махрицкого монастыря также должны были сохранить записки Серапиона, хотя форма была заимствована из жития преподобного Сергия. Рассказ о пребывании святого Стефана в Москве и встречах с великим князем Дмитрием не мог быть написан автором только на основании традиций агиографического канона и для этого в распоряжении игумена Иоасафа должны были иметься достоверные известия, вполне возможно, также из записок Серапиона.

Надо заметить, что жизнь святого Стефана после возвращения его из Москвы содержит мало исторических фактов. Рассказ о постриге в схиму, кончине и погребении преподобного Стефана, его предсмертном завещании, бывших после него игуменах Илии и Николе написаны по общим житийным формулам, хотя там также можно предположить наличие исторической основы.

Стоит отметить также интересную деталь жития – рассказ о трех березах, выросших на могиле преподобного. Подтверждение этого рассказа имеется в *“Чуде о имущем дух недуга”*, когда болящий *“уломивъ отъ древа, еже бе надъ гробом святого Стефана израсте, и навяза на шею себе.”*^[126] Сам Иоасаф не мог видеть эти деревья, потому что при строительстве каменного храма Святой Троицы они должны были быть срублены.

Из других письменных источников сам автор называет грамоты князя Иоанна Иоанновича, *“яже быша и донине въ обители святого.”*^[127] Должны были сохраниться в монастыре и дарственные грамоты великого князя Дмитрия Иоанновича о пожертвовании монастырю *“нивы же и удолия, и езера на пропитание мнихом.”*^[128]

Рассказы о видении огня на гробнице преподобного Стефана, о начале почитания его памяти, о чуде умножения пищи и питья также имеют ряд подробностей (имя старца Германа, первым заметившего блистание света на

могиле святого Стефана, количество братии монастыря и имя келаря Симеона), всего скорее, находились в послании игумена Варлаама митрополиту и царю. О своем отношении к щедрой раздаче монастырских запасов паломникам по приказанию игумена автору жития мог рассказать сам Симеон. Описание чудес могли быть включены в текст жития на основании донесений игумена Варлаама или особых лиц, присланных в монастырь для свидетельствования исцелений, а также Иоасаф мог сам слышать рассказы свидетелей чудес при посещении монастыря.

Таким образом, игумен Иоасаф имел в своем распоряжении и использовал достаточное количество документального материала и рассказов очевидцев для создания произведения, включавшего в себя много подробностей, не требуемых канонами агиографического жанра и описывающих события, связанные с историей Махрицкого и Авнежского монастырей.

* * *

Обратимся теперь к источникам литературного влияния на текст жития преподобного Стефана Махрицкого. Как уже было замечено исследователями, при составлении данного жития игумен Иоасаф пользовался житиями преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.^[129] Это вполне понятно, потому что творения Пахомия Логофета служили для агиографов XVI века своего рода образцом составления житий. В данной главе выявляются места прямых заимствований из произведений Епифания Премудрого и Пахомия Логофета. Для сравнения были взяты: житие преподобного Сергия Радонежского Епифания Премудрого, житие преподобного Кирилла Белозерского и редакция жития преподобного Сергия Радонежского Пахомия Логофета.

При сравнении аналогичные места этих житий можно разделить на три группы: к первой относятся события, описанные как в житиях преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, так и в житии преподобного Стефана Махрицкого. Это рассказ о посещении преподобным Сергием Махрицкого монастыря и основание Киржачского монастыря, а также события, связанные с постригом преподобного Кирилла. Очевидно, игумен Иоасаф заимствовал некоторые сведения об этом из жития преподобного Сергия в редакции как Епифания, так и Пахомия. История посещения преподобным Сергием Махрицкого монастыря в произведении Епифания в целом соответствует рассказу Игумена Иоасафа, но изложена более кратко^[130]. Пахомий в своей редакции жития преподобного Сергия не упоминает имени преподобного Стефана и не говорит о посещении святым Сергием Махрицкого монастыря. Зато повествование о возвращении преподобного Сергия в Троицкий монастырь, несомненно, заимствовано из пахомиевой редакции, хотя и в сокращенном виде. Причем были перенесены целые выражения.^[131]

Рассказ о постриге преподобного Кирилла Белозерского в сокращенном виде был перенесен из жития преподобного Кирилла. Причем были выпущены достаточно интересные подробности об отношении окольничего Тимофея к преподобному Стефану. Уже Пахомий Логофет называет преподобного Стефана “*мужем совершенным в добродетели, всем знаему великаго ради жития его.*”^[132] Обращение отрока Козьмы к преподобному Стефану передано дословно. В житии святого Кирилла Белозерского объясняется, почему преподобный Стефан постриг Козьму только в иночество, а также рассказывается история о том, как Тимофей встретил известие о постриге отрока Козьмы. Но в целом игумен Иоасаф передает эту историю достаточно точно.

Также обращает на себя внимание обилие сходных цитат из Священного Писания, использованных в аналогичных ситуациях. Это относится не только к данным житиям, но возможно, что для своего произведения игумен Иоасаф заимствовал эти цитаты именно из житий преподобных Сергия и Кирилла. Вот некоторые из них.

Когда автор жития преподобного Стефана рассуждает о необходимости написать житие, он вспоминает притчу о ленивом рабе: “*И боящу ми ся притча оного лениваго раба, сокрывшаго иногда талант.*”^[133] Епифаний Премудрый также использует ее в аналогичном случае: “*Боюся осуждена притчи оного раба лениваго, скрывшаго талант и обленившагося.*”^[134]

Игумен Иоасаф посетил монастырь, в котором подвизался святой Стефан, чтобы расспросить там местных монахов. Игумен Иоасаф оправдывает это путешествие цитатой: “*Вопроси отца своего, и возвестит тебе, и старцы твоя, и рекут тебе.*”^[135] Эту же цитату приводит и Епифаний, когда рассказывает об обстоятельствах создания жития.^[136]

Иоасаф при описании подвигов преподобного Стефана вспоминает псаломское слово, приведенное и Епифанием: “*Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да ся не подвижу.*”^[137] Усердную службу братии Киево – Печерского монастыря игумен Иоасаф подтверждает словами: “*Удержу си тело и порабошу е.*”^[138] В рассказе о борьбе преподобного Сергия с искушениями Епифаний приводит эту же цитату: “*Удержу си тело и поработи е.*”^[139]

В качестве оправдания ухода преподобного Стефана из Киева автор жития приводит цитату: “*Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте и не прикасайтесь.*” Эта же цитата есть и в житии преподобного Сергия редакции Епифания, когда автор говорит о желании святого уйти из мира в монастырь.^[140]

При основании преподобным Стефаном Авнежского монастыря Иоасаф использует цитату, имеющую место и у Епифания, когда тот пишет о желании преподобного Сергия стать монахом: “*Се удалихся бегая и водворихся в пустыню,*

чаях Бога спасающего мя.”[\[141\]](#)

К третьей группе можно отнести отдельные выражения, которые игумен Иоасаф заимствовал из вышеупомянутых житий, но применял их по своему усмотрению, иногда вне связи с первоначальным контекстом.

Во вступлении к житию, рассуждая о русских святых, игумен Иоасаф пишет: *“В постных подвизах просиати, иже красная и в мале услаждаемая мира сего отвергших будущиа ради жизни.”*[\[142\]](#) Аналогичную фразу можно встретить в житии преподобного Кирилла Белозерского: *“Иже в посте просиявших, иже толику победу на врагы мужескы показавше, и мира сего краснаа вся, паче же суетная ... преобидевше.”*[\[143\]](#)

И игумен Иоасаф, и Пахомий Логофет пишут о себе, что взялись за составления житий по необходимости: *“Но повелен бых иже от тогда ... митрополита Макария”*[\[144\]](#) - игумен Иоасаф, и: *“Но понеже повелен быв”*[\[145\]](#) - Пахомий. Во вступлении к житию они пишут о святых: *“Сии слышаху о преподобном Стефане, елико Бог творит чудеса его ради,”*[\[146\]](#) — игумен Иоасаф, и: *“Слысах о святем колика творит Бог его ради ,”*[\[147\]](#) — Пахомий Логофет.

При рассказе о постриге преподобного Стефана автор использует выражение: *“Со отъятием же влас всяко плотское мудрование отрезует.”* Епифаний Премудрый уже приводил аналогичную фразу: *“Не токмо постризует власы главы своея, новкупе с отъятием нечувственных власов и плотскаа отрезует желаниа.”*[\[148\]](#)

Преподобный Стефан в Печерском монастыре *“день от дне якоже некоею лестницею по неких степенех текый горе”*[\[149\]](#). О русских святых Пахомий Логофет во вступлении к житию преподобного Кирилла пишет: *“Якоже по неких степенех день от дне приближающеса.”*[\[150\]](#)

Среди подвигов преподобного Стефана автор упоминает и тот, что он *“никогдаже на стену въсклонися.”*[\[151\]](#) Преподобный Кирилл также *“николиже в церкви стоа к стене преклонися.”*[\[152\]](#) О преподобном Сергии Епифаний написал, что святой: *“Никако на стену въскланяся.”*[\[153\]](#)

Выбор места для монастыря описывается в достаточно традиционных выражениях, но сходный отрывок есть и в житии преподобного Кирилла Белозерского: *“Проходя же многия места и дубравы, последи же доиде места, зовомо Махрище, идеже ныне монастырь стоит ... красно и воду имуще доволну и якоже стенами некими водою окрест ограждено,”*[\[154\]](#) – в житии преподобного Стефана; и: *“Тамо обхождаху многа места ... приидоша на место идеже ныне монастырь стоит ... зело красно, всюду яко стенами окружено водами,”*[\[155\]](#) – в житии преподобного Кирилла.

Слово “ксенодохия”, скорее всего, было заимствовано игуменом Иоасафом из

жития преподобного Кирилла Белозерского. Но Пахомий Логофет сразу поясняет его значение: “Ксенодохия сиречь казны.”^[156] Возможно, по причине не совсем точного употребления этого слова в некоторых списках жития преподобного Стефана использовалось слово “дохия.” Слово “магерница” было также заимствовано из жития преподобного Кирилла: “В магерню сиречь в поварню.”^[157]

Игумен Иоасаф написал, что преподобный Стефан построил монастырь “четвероуголен”. Подобная характеристика, возможно, перешла в данный текст из пахомиевой редакции жития преподобного Сергия; святой повелел “келии убо четверообразно устроити.”^[158]

Рассказ об освящении церкви в Махрищском монастыре во имя Святой Троицы по благословению святейшего митрополита Феогноста мог быть заимствован из жития преподобного Сергия, где монастырский храм также был посвящен Святой Троице и освящен по благословению того же митрополита.^[159] Возможно, что из жития преподобного Сергия был заимствован рассказ об установлении общежития, так как этом произведении отсутствие общежительного устава в Троицком монастыре расценивалось как недостаток.^[160]

В житии преподобного Стефана обращение святого Сергия к Стефану с просьбой дать ему ученика для основания Киржачского монастыря начинается такими же словами, как и просьба святителя Алексия за Андроника: “Да дарует ми духовная ти любовь.”^[161]

Также можно отметить ряд мест, касающихся жизни преподобного Стефана, аналогии которых есть и в творениях Епифания и Пахомия.

При постриге преподобного Григория святой Стефан : “Разуме, яко хочет в нем сосуд быти Святому Духу, еже и бысть.”^[162] Епифаний пишет, что старец, встретивший отрока Варфоломея, “прозре внутренними очима, яко хочет быти сосуд избран Святому Духу.”^[163]

Преподобные Стефан с Григорием вселяются во внутреннюю пустыню; подобное выражение есть и у Епифания.^[164]

В Авнежском монастыре преподобный Стефан занимался традиционным делом насельников северных монастырей: “По совершении церковнаго славословия и по своем обычном правиле ходити по пустыни и сеци лес и палити и отребляти всегда.”^[165] Преподобный Кирилл, по житию Пахомия Логофета, также “лес секшу и место отребившу.”^[166]

Преподобный Стефан любил ризную худость.^[167] Преподобный Кирилл также “просто хождаше в раздране ризе и многошвене.”^[168] Об одежде преподобного Сергия сказано: “Иже от сукна ризу ношаше, ветошну и многошвену,”^[169] И Епифаний писал об образе жизни святого Сергия: “Мала же

некаа словеса глаголаше наказуя братию, множайшаа паче делесы сам образ бываше братии.”^[170] Преподобный Стефан, подобно Троицкому игумену, “не токмо словом учаше их, но и делом наказуя и нравом сам во всем образ дая им,”^[171] за что многие “не мнети его настоятеля братии , но единого от последних братии непшевати,”^[172] как и преподобного Сергия: “То не мнит его самого того игумена Сергия быти, но мнит его, яко единого от чернецов.”^[173]

Надо обратить внимание и на то, что в житии преподобного Сергия Радонежского среди добродетелей святого подчеркивается и его нищелюбие, но в общей картине произведения оно несколько приглушается. В житии преподобного Стефана нищелюбие подчеркнута более сильно.

Повествование о радостной встрече преподобного Стефана братией Махрищского монастыря по его возвращении из Авнежской обители во многом заимствован из рассказа Епифания Премудрого о возвращении святого Сергия: “Ови убо бяху руце отцу лобызающе, инии же нозе, овии же риз касающиеся целовааху, инии же пред текуще толико от желания зрети нань: вси убо купно радовахуся и славяху Бога.”^[174]

Завещание преподобного Стефана имеет ряд сходных черт с уставом преподобного Кирилла. Святой Стефан завещал братии “ничтоже кому в келии своей имети или своим звати что от потребных ... но вся да будет обща тако и одежу и обуца всем равно.”^[175] В уставе преподобного Кирилла записано: “В монастыри и келии ничтож веляше своим звати, но вся обща имети ... и вся бо от казны имеаху, одеания же и обуца и прочая.”^[176] Определенное сходство завещания святого Стефана есть и с завещанием преподобного Сергия: “Имети же чистоту душевну и телесну ... и любовь нелицемерну, пищу же и питие немятежно.”^[177]

Кончина преподобных Кирилла и Стефана также имеет определенное сходство. Преподобный Стефан “видя себе старостию прекланяема и болезнми частыми содручаема, и ничто же ино возвещая по сих, разве смерть ...И причастився Пречистаго Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа ... и святую свою священную душу в руце Богу предаст ... и в той час исполнися место благоухания, идеже преподобный лежаше”^[178]; подобные выражения есть в описании преставления преподобного Кирилла: “Ничтоже ино възвестити могоще разве смерть ... святых и животворящих пречистых Таин Христа Бога нашего причастися, святую свою и трудолюбную душу, мирно и тихо к Богу предаст ... отюду же баше благоухание некое всем слышати.”^[179] Подобным образом Пахомий Логофет рассказывает и о преставлении преподобного Сергия: братия монастыря “плачем и рыданием сокрушахуся трудолюбное тело ...псалмопением и

надгробными того провожаю кормчия отщетившеся и учителя отяти бывше и отча разлучения не терпяще. Положиша же честное его тело в обители, иже от него созданней.”^[180]

Перед своей кончиной преподобный Сергей передает игуменство ученику, “совершенну сущу в добродетелехъ”^[181]; подобным образом поступил и преподобный Стефан. Ученик святого Сергея преподобный Никон “всяческая образы, яже виде от богоноснаго отца, вся сиа собою исправль.”^[182] Сходными словами игумен Иоасаф описывает деятельность ученика преподобного Стефана Илии.

Игумен Иоасаф сожалеет о том, что чудеса святого остались без написания: “Ниже о чудесех святого, яже бываху от гроба его, тщание ияху, но просто и без написания оставляюще.”^[183] О этом же пишет и автор жития преподобного Кирилла: “Многа и ина чудеса бышя блаженным Кириллом, и множества ради паче многими леты прешедшя. Писанию не предашеся.”^[184] Также и Епифаний удивляется, что “толико лет минуло, а житие его не писано.”^[185]

В заключении игумен Иоасаф оправдывает свой труд по составлению жития преподобного Стефана словами: “Въспомяну в себе написанное, еже тайны цареvy хранити добро есть, дела же Божия проповедати преславно есть. А еже тайны цареvy являти бедно есть, тако же и дела Божия преславная молчати пагубу души наносит.”^[186] Этим выражением начинается Похвальное слово преподобному Сергию Радонежскому: “Тайну цареvy добро есть хранити, а дела Божия проповедати преславно есть; еже бо не хранити цареvy тайны, пагубно есть и блазнено, а еже млъчати дела Божия преславнаа, беду души наносит.”^[187] Это же выражение, но в сокращенном виде, встречается и в начале редакции жития святого Сергея, принадлежащей Епифанию.

Как видно из этого обзора, игумен Иоасаф использовал при создании жития преподобного Стефана некоторые места из житий преподобных Кирилла Белозерского и Сергея Радонежского. В определенных случаях это было оправдано исторически, так как все эти святые встречались друг с другом, что отразилось и в агиографических произведениях. В других случаях игумен Иоасаф использовал подходящие цитаты из Священного Писания и просто фрагменты из творений предшествовавших авторов. Надо заметить, что большинство фрагментов из Священного Писания заимствованы из произведения Епифания Премудрого. Пахомий Логофет библейские цитаты в данных сочинениях практически не применял.

Игумен Иоасаф использовал фрагменты жизнеописаний преподобных Сергея и Кирилла достаточно искусно, в переработанном виде, в результате чего его житие представляет собой достаточно целое произведение, и все

заимствованные места гармонично вошли в общий строй повествования.

Отражение особенностей агиографического стиля XVI века в житии преподобного Стефана Махрицкого.

Жития святых были одним из первых памятников русской религиозной письменности. Они начали создаваться с появлением в Русской Церкви первых святых угодников. Так начал зарождаться особый жанр русской духовной литературы. В XIV и XV веках с усилением монашеской жизни и умножением монастырей стало появляться множество житий, описаний чудес, сказаний об основании монастырей и пустынь^[188]. Новый импульс к развитию житийного жанра был дан в эпоху митрополита Макария в связи с многочисленными канонизациями русских святых и связанной с этим необходимостью создания новых житий.

Исходя из того, что “степень историко – культурного интереса того или иного произведения определяется не только собственно литературными качествами последнего, но и общей совокупностью наших представлений о данной эпохе и отношением к ней разбираемого материала”^[189], в данной главе делается попытка описать особенности составления агиографических произведений в XVI веке, источники возможных влияний, особенности стилистики жанра, проиллюстрировав все это примерами из текста жития преподобного Стефана Махрицкого.

До XVI века появление нового жития было делом достаточно редким, поэтому составление жизнеописания подвижника поручали особо уважаемым, известным книжникам. Но с эпохи Макарьевских соборов ситуация несколько изменилась. Увеличение количества житий святых, большее число авторов привело к тому, что создание житий происходило по все более четким правилам и в следовании известным образцам. Это способствовало сохранению единой традиции, границы жанра агиографии не размывались. Но, если сравнить жития XIV – XV и XVI веков, то можно заметить, что стиль становится более простым. Традиционные особенности составления жития сохраняются (вступление начинается с раскрытия перед читателем исторической перспективы, автор говорит о своей неучености, молится о даровании ему дара слова и т.д.), но все это облекается в более краткие формы; уже нет того витийствования, эмоциональности, важнее становится повествовательная сторона произведения. Кроме того, увеличение количества житий вело к необходимости сокращения их объема.

Древнерусская агиография старалась в житиях увековечить в назидание потомству память обо всех отечественных подвижниках благочестия. Далеко не все эти повествования дошли до нас. Дошедшие древнерусские жития и сказания находятся во множестве списков – знак, что они входили в состав наиболее любимого чтения древней Руси. Эта распространенность объясняется

литературными особенностями агиографии^[190]. Древнерусское общество очень чутко относилось к подвижникам, посвятившим себя борьбе с соблазнами мира. Люди, о которых повествуют жития, были все исторические лица, привлекая к себе внимание современников и потомков. “В народной памяти они образовали сонм новых сильных людей, заслонивших собой богатырей, в которых языческая Русь воплотила свое представление о сильном человеке”^[191]. Но житие отличается от биографии или былины тем, что описывает действительную жизнь, хотя и в типических, стереотипных проявлениях, являясь назиданием в рамках биографии.

Утверждение о традиционности житийного жанра, как известно, стало общим местом в научной литературе. Но, как отмечает В.А. Колобанов, в определенной степени все жанры древнерусской литературы традиционны: “Традиционна летопись, в основе которой лежит хронологический принцип, требующий соблюдения определенной “обрядности”, традиционны “хождения”, с их своеобразным способом перечисления увиденного автором, традиционны “поучения” и тому подобное”^[192]. Но и сама традиционность не стоит на месте. Она обогащается за счет новых художественных открытий и в результате общего развития литературы. Мало кто осмелится назвать нетрадиционными творения Епифания Премудрого или Пахомия Логофета, но, например, произведения последнего оказали большое влияние на агиографию XVI века, служили образцом для трудов агиографов. Надо отметить и еще одну причину традиционности древнерусской, особенно духовной, литературы: “Традиционность сравнений, аналогий, эпитетов, метафор и другого имеет и еще одно основание: традиционность их зависит от традиционности тех богословских представлений, которые лежат в их основе”^[193], а также и религиозно – назидательную, а не литературную или историческую цель написания жития, ибо этой цели подчиняли свое творчество агиографы^[194]. Поэтому исторические моменты чередуются и соединяются в тексте жития с литературными описаниями.

В общем надо заметить, что любое древнерусское литературное произведение, светское и особенно церковное, в том числе и жития, соединяет в себе накопленный багаж из определенных литературных форм, стилистических приемов, формул и действительные события, реальные данные, историческую индивидуальность описываемого лица. Заимствования и компиляции, стремление избегать индивидуальных особенностей составляют характерную черту всей церковной литературы. Иерусалимский пресвитер Исихий в “Слове похвальном Петру и Павлу” обосновывает необходимость пользоваться другими произведениями для создания собственного, сравнивая труд писателя с составлением букета цветов – цветов из других произведений^[195].

Реальный исторический материал облекался в установленные формы,

подчинялся особым правилам изложения, которые соответствовали цели и жанру повествования. При этом реальность не исчезала, а видоизменялась, преображалась; установленные каноны и правила создания произведения не сковывали свободу творчества автора, а направляли его деятельность к известной цели. Несомненно, в большинстве древнерусских произведений был развит эстетический элемент, но не он, в отличие от произведений нового времени, руководил автором. Подобно иконе, житие в описании земной жизни святого, его земного облика должно было показать отражение сияния небесного света, высшей реальности и цель бытия. Мастерство автора могло быть выше или ниже, но в конечном счете не оно являлось определяющим фактором ценности произведения для древнерусского читателя. Агиографические произведения снова и снова напоминали читателю, что земная жизнь не самоценна, она обретает смысл и значение только в соотношении с Божественным замыслом о мире и должна соответствовать этому замыслу и высшему предназначению человека. Жизнеописание святого являлось примером исполнения этого предназначения, показывало путь к святости, к преображению земной жизни человека.

“Житие обращено не к слушателю или читателю, а к молящемуся. Оно поучает, настраивает, стремится превратить душеполезный момент в молитвенную склонность. Оно описывает индивидуальную личность; но это ценится не само по себе, а как воплощение вечного идеала ... Являясь по форме художественным произведением, житие становится назиданием в живых лицах, поэтому святые являются в нем поучительными типами”^[196]. Поэтому в рассматриваемых далее литературных приемах агиографа следует видеть лишь некие инструменты, способы достижения этой цели.

В связи с этим встает вопрос об авторстве в русской агиографии. У жизнеописателя не было цели проявить свои особые индивидуальные черты. Под общим образом агиографа он стремился спрятать свою действительную, живую личность. Отсюда в предисловиях к произведениям появлялись высказывания о своем душевном достоинстве для написания жития святого, нечистоте многострадального сердца, отсутствии должного образования (“*грамотикиа же и риторикиа никогдаже прочитахъ*”)^[197] и другие распространенные образы общего типа. При составлении жития писатель “стоял между двумя моментами в судьбе жития, ... контролирующим и читающим, и на его перо производили давление требования обоих, далеко не одинаковые, хотя и сходные во многом.”^[198] Как известно, в составлении жизнеописаний русских святых трудились самые разные писатели, люди различных слоев общества. Отсюда происходила и заметная разница в книжном мастерстве, количестве и качестве материала, во внешних индивидуальных особенностях; “но в литературных приемах, в исторических и

общественных взглядах, в чертах, какими каждый характеризует свою авторскую личность, и приезжий серб, и сын боярский, и царевич, и представители всех ступеней церковной иерархии как две капли воды похожи друг на друга.”^[199]

При этом в некоторой степени автор был и проповедником. “Проповедник чувствуетея во всех разновидностях житийного жанра, в исторических произведениях и другом.”^[200] Автор передавал не свою точку зрения, не личное отношение к изображаемому, а общую, церковную точку зрения. Поэтому агиографы и не искали выражения своего авторского начала, не стремились отличаться друг от друга.

Однако литературные достоинства житий, составленных в разные времена, неодинаково. Древние жития отличались простотой и естественностью рассказа. Иной характер имеют жития позднейшего времени – XIV и XV веков.^[201] Из Болгарии и Сербии в это время к нам пришло пристрастие к украшенному и витьеватому слогу. Простым изложением рассказа не удовлетворялись, а считали нужным украшать его. Некоторые жития, написанные ранее, переделывались искусными писцами в соответствии с новыми представлениями. В XVI веке внимание к украшенному слогу еще более утвердилось.

Школа риторического искусства пришла на Русь от южных славян и в области житийной литературы еще до митрополита Макария создала нечто определенное. “Пахомий Логофет, серб, дает образец подобного рода житий, которые он называл “украшенными”, то есть риторическими; и по внешней форме жития должны стать памятником, прославляющим святого: житие становится чем – то средним между историей и панегириком святому.”^[202] Это направление получило свое продолжение в эпоху митрополита Макария.

С.А. Богуславский, вскрывая основные особенности стилистики северо – восточных житий, считал, что на творчество северо – восточных агиографов оказывала влияние и старая литературная традиция, восходящая к житиям переводным и домонгольским.^[203] Также и Н. Коноплев отмечал, что “прототипом русской агиобиографии является агиобиография восточная.”^[204]

Богуславский обратился к киевским житиям, и, сравнивая их с северо – восточными, проследил стилистические формулы северо – восточной агиографии сравнительно с переводной и домонгольской. Он пришел к выводу, что северо – восточные агиографы достаточно хорошо знали домонгольские жития и пользовались ими. Стилистика северо – восточных житий, по его мнению, указывает на то, что византийско – киевская традиция не прерывалась. Автор приводит “наиболее ходкие формулы”, общие византийским, киевским и северо – восточным житиям. Для удобства сравнения с примерами из жития преподобного Стефана Махрицкого эти формулы приводятся в виде таблицы:

Таблица 1

Формулы, предложенные С.А. Богуславским.	Примеры из жития преподобного Стефана Махрицкого.
<p>1. Прием самоумаления автора.</p> <p>2. Наименование святых земными ангелами.</p> <p>3. Для описания козней дьявола агиографы знают устойчивые трафареты стиля: “Ненавидя исперва человек злы советник дьявол” (формула восходит к евангельскому тексту).</p> <p>4. Часто встречается в житиях киевских и северных прием оставлять тему, чтобы вернуться к ней позже с оговоркой “инде скажем”.</p> <p>5. Распространение чудес “по всей земле” излагается у большинства агиографов.</p> <p>6. Уподобление праведника светилу – прием византийских житий, часто применяемый в киевских и северо – восточных житиях.</p> <p>7. Трафаретные сюжетные мотивы северных житий о раннем благочестии святого, о его внимательном вслушивании в слова Писания.</p> <p>8. Схема изложения и тематика чудес в северных русских житиях также не бытового, а литературного происхождения.</p> <p>9. М о т и в добровольного обречения святого на съедение комарам – общее место ряда житий.</p>	<p>1. <i>Мне же смиренному ... и не яко премудру и художества исполнену ми сущу ... но паче грешну ми и смирену, и просту ... и невежда слову. Азь же и разумъ кратокъ и недостоинъ некако имехъ.</i></p> <p>2. Нет.</p> <p>3. <i>Искони же ненавидяй добра роду человечьскому диаволь ... подстрекает лукавыя человеки на святаго.</i></p> <p>4. После краткого пересказа жития преподобного Кирилла автор пишет: <i>“Мы же къ подлежащему возвратимся, о немже повесть начахомъ.”</i></p> <p>5. Нет.</p> <p>6. О всех русских святых: <i>“Якоже звезды сияюще ... или якоже светилницы на свещницехъ.”</i> О преподобных Сергии и Стефане: <i>“Две светиле въ братии сияюще.”</i></p> <p>7. <i>Растущу же му во всякомъ благочестии и чистоте, ... бе бо от младыхъ ногтей любя смирение ... послушая божественаго Писания со всяуемъ вниманиемъ и трезвениемъ.</i></p> <p>8. --</p> <p>9. Нет.</p>

Таким образом, в данном житии находится пять мест, аналогичных приведенным С.А. Богуславским формулам. Действительно, похожие места можно найти во многих агиографических произведениях, написанных как на юге, так и северо – востоке Руси. Но представляется не совсем верным видеть в этом явное влияние византийской традиции, хотя всякую связь между византийской, киевской и северо

– восточной агиографической традицией отрицать невозможно.

Надо заметить, что традиции, заложенные византийской агиографией, в общих чертах прослеживаются на протяжении всего периода истории древнерусской житийной литературы. Л.А. Дмитриев выделил типические черты византийских житий: сообщение о родителях и месте рождения святого, рассказ об учении. В подвигах святого повторялись определенные штампы. Описание кончины подвижника было сходно в разных житиях. Далее следовали рассказы о чудесах. В заключении – похвала святому. “Эти типические черты были характерны для всех византийских житий VIII – IX веков. Все они стали столь же типическими и обязательными для произведений русской агиографии.”^[205] Их можно встретить и в житии преподобного Стефана Махрищского. Е.В. Петухов пишет, что в области книжного просвещения и литературы русские получили от Византии из ее огромного запаса то, что могли воспринять в качестве переводов с греческого отчасти своими силами, но больше “при деятельной помощи южного славянства.”^[206] Такое влияние на русской почве распределялось на целый ряд веков в последовательном ходе русской литературы древнего периода. А в XIV – XV веках образуется даже особая полоса юго – славянского влияния на русскую письменность. В ней, вместе с некоторыми новыми чертами самостоятельной, преимущественно сербской, литературной жизни, входят в русскую литературу уже знакомые элементы старого византийского влияния. В эпоху митрополита Макария традиция византийской агиографии вошла опосредовано, через тексты житий, стоящих значительно ближе к XVI веку.

Обзор развития житийной литературы показывает, как “господствующий в ней стиль изменялся сообразно с близостью к той или другой из двух сфер, в пределах которых совершалось ее развитие, то есть к церковному богослужению или к ищущей назидательного чтения публике. От первой ее стиль получил свои начальные очертания и основные мотивы; вторая, развивая и упрощая их, приближала житие к простой биографии.”^[207] Исследованию общих вопросов особенностей средневековой стилистики посвятил несколько своих трудов Д.С. Лихачев.

Медленное развитие средневековой литературы было обусловлено тем, что читатели, а, значит, и писатели не стремились к чему – то новому как самоцели. Отправной точкой движения литературы служила вся совокупность произведений, находящихся в читательском обиходе, а не только последние, “новые” произведения. Историческое отношение к литературе отсутствовало, произведение существовало независимо от того, когда оно было создано. И новые, и старые памятники находились как бы в одном ряду. Литература не движется вперед, а растет на всем том, что было уже создано.

Это отражало и представление людей о неизменяемости мира. Прошло

напряжение, связанное с ожиданием конца света по истечении семи тысяч лет от сотворения мира. Московское государство крепло, укоренялось осознание Москвы как третьего Рима. Поэтому и в задачи авторов произведений входило выявить в мире вечное, неизменяемое. Этот абстрагирующий метод стремился извлечь общее, перенести на второй план частное и конкретное, не требовал обновления.

Касаясь вопроса стиля древнерусской литературы, Д.С. Лихачев отмечает, что “литературный стиль имеет не только в своем составе стиль языка литературы, но и весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям – их видения и близкого к этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе.”^[208] При этом стиль – это не только форма языка, но и объединяющий эстетический принцип структуры всего содержания и формы произведения. Он отражает как общее восприятие окружающей действительности, так и методы и задачи писателя.

Также важным представляется вопрос о жанрах древнерусской литературы. Часто древнерусские произведения соединяли в себе несколько жанров. Жанровая система средневековой литературы имела достаточно сложную структуру. То, что современные читатели относят в целом к житийной литературе, имело для древнерусского писателя определенное деление. Например, игумен Иоасаф создает “Житие и подвизи преподобного отца нашего Стефана” и “Явление мощей преподобных отец наших, Григория, и Касияна.” Причиной этому служило то, что в древнерусской литературе основой для выделения жанра был в первую очередь предмет, тема произведения, та практическая цель, для которой предназначалось творение автора. Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту – светском и церковном. “Даже келейное чтение имело свою жанровую регламентацию. Отсюда и несколько типов житий.”^[209]

Соединение в названии произведения нескольких определений часто являлось результатом того, что древнерусские произведения соединяли в себе несколько жанров. К жизнеописанию святого присоединялись его посмертные чудеса, повествование об обретении мощей, рассказ о создании самого произведения. Игумен Иоасаф рассказал читателям не только о самой жизни преподобного Стефана Махрицкого, но и краткую историю монастыря, чудеса от могилы святого, описал создание текста своего произведения. При этом к первоначальному тексту по мере необходимости могли присоединяться последующими поколениями новые части (жизнеописание дополнялось чудесами от мощей святого), превращаясь в некий ансамбль. “Житие – это целое архитектурное сооружение, напоминающее некоторыми деталями архитектурную постройку.”^[210]

Отсюда и понятие произведения было сложным в древнерусской литературе. Это и житие в целом, и описание чудес, похвалы, служба святому. Поэтому произведение в разных своих частях могло быть написано различными художественными методами.

Кроме того, церковные жанры имели определенные функции в структуре богослужения.” Житие святого само составляло принадлежность богослужения в день его памяти, будучи обязательно прочитываемо в церкви на шестой песне канона после кондака и икоса.”[\[211\]](#)

При обозрении истории канонизации святых в XVI веке было замечено, что для церковного прославления святого необходимо наличие жизнеописания и церковной службы. Поэтому зачастую в одном произведении сочетались житие святого и служба ему. Так, в некоторых списках житие преподобного Стефана соединялось со службой ему.[\[212\]](#) И в этом заключался глубокий нравственный смысл. Переходя от одной части произведения к другой, читатель углублялся в ритмическое чередование ее частей. Во вступлении к житию автор обычно говорил о своей неспособности во всей полноте прославить подвижника, затем он вел читателя, как правило, в порядке хронологии, по ступеням подвигов святого, затем следовала похвала и посмертные чудеса. В тексте богослужения автор в обобщенном виде еще раз прославлял добродетели и подвиги святого. Эти части были разностильны, иногда принадлежали разным авторам и могли быть написаны в разное время, но все они собраны в единый ансамбль и подчинены одной задаче – прославить святого и внушить молитвенное настроение читателю, показав ему образец святости и силы веры.

В Древней Руси не было руководств по написанию литературных произведений, не было в прямом смысле литературной критики и науки, хотя нельзя отрицать присутствия некоторых элементов этого, например, в соборном свидетельствовании жития и службы святому. Но ориентиры для определения нужного жанра нового произведения находились для книжника в основном во внелитературной области. Жанры различались по практическому предназначению. Они были не только разновидностями литературного творчества, но и определенными явлениями древнерусского жизненного уклада, обихода, и быта в самом широком смысле слова.[\[213\]](#) Г.К. Вагнер относил житийный жанр к группе повествовательных жанров и разделял его на поджанры житий минейных, проложных и так далее.[\[214\]](#) Жития минейные и проложные различались не только по своему объему и включением соответственно в Чети и Mineи или Прологи, но и потому, что они предназначались для чтения в различной обстановке. Минейные жития читались преимущественно в монастырях или домашней обстановке, проложные назначались для использования за богослужением. Кроме того, некоторые минейные жития находили свое отражение в иконописи (иконы святых

“с житием”).

Несмотря на большое значение внелитературных факторов жанрообразования, литературный характер жанров проявлялся достаточно сильно. В древней Руси жанр определял собой образ автора. Личность автора не имела большого значения. Писатель стремился выразить общее, церковное отношение к описываемому. Отсюда многое зависело не от создателя произведения, а от жанра, к которому данное произведение принадлежит. Житийный жанр имел традиционный образ автора, хотя и мог несколько отличаться в зависимости от того, житие какого святого составлялось (благоверного князя, преподобного). Автор не имел цели внести в создаваемый текст свою индивидуальность. Индивидуальные особенности в большей части были случайны и не входили в художественный замысел произведения. Литературная структура жанров проявлялась и в том, что они были связаны с определенными литературными стилями. Отсюда появляется стиль житий, богослужебный стиль.

Жанр древнерусского произведения обычно уже в самом заглавии. Упомянутая традиционность литературы обуславливала наличие в произведении определенных стилистических формул, тем, мотивов, создававших у читателя определенное настроение. И эти традиционность и предсказуемость не были признаками бездарности автора или слабости его произведения. Наоборот, такие особенности выявляли суть художественной системы древнерусской литературы. Даже чтение произведения было своеобразным обрядом. Читатель узнавал в тексте привычные мотивы и темы. Читающая среда “искала в житии не знакомства с событиями прошедшего, не исторического знания, а назидательных примеров для практической жизни; подчиняясь этим влияниям, и биограф думал не столько о самых явлениях изображаемой им жизни, сколько о способе и тоне их изображения.”^[215] Поэтому и искусство ориентировалось на нечто знакомое. Отсюда же появлялись и достаточно обширные названия древнерусских литературных произведений или даже их частей, подготавливающих читателя к определенному восприятию произведения. Той же цели служат названия отдельных частей жития и чудес, в которых кратко излагается их содержание (О видении огня на гробе преподобного Стефана, О девице, имущей дух недуга).

Приготовление к чтению занимало у древнерусского человека серьезное место. Д.С. Лихачев приводит пример наставления о чтении книг из одного из слов о книжном учении: “Седящу ти на почитании и послушающу божественных слов, то первее помолися Богу,- да ти отверзет очи сердечныя, не токмо написанное чести, но и творити я, и да не во грех себе учения святых прочитаем.”^[216] В этом отражается очень важная особенность подхода древнерусского читателя к изучению книг: этим занимались в первую очередь с практической целью – исполнять прочитанное в своей жизни. Во многих случаях чтение книг, в том числе

и житий, было связано с церковной традицией и многие произведения следовало прочитывать в особые дни года. Как заметил В.О. Ключевский, в “стенах монастыря житие имело не одно церковное употребление: его читали всей братии за трапезой в день памяти святого.”^[217] В заглавии житий обычно указывалось, в каком месяце и какого числа совершается память святого, и это житие следовало прочитывать в указанный день.

Для более точной постановки проблемы художественного языка в древнерусской литературе Д.С. Лихачев ввел термин “литературный этикет.” Г.К. Вагнер считал, что с появлением этого термина проблема изобразительного языка в литературе “осветилась по – новому.”^[218] Но Лихачев не ограничивал этикет только рамками искусства: “Взаимоотношения людей между собой и их отношение к Богу подчинялись этикету, традиции ... до такой степени развитым, что они пронизывали собой и в известной степени овладевали мировоззрением и мышлением человека. Этикету подчинялось также и изображение событий из жизни святых или событий Священной истории.”^[219] Литературный этикет и выработанные им литературные каноны являлись наиболее типичными связями содержания с формой. Н.К. Гудзий определял литературный шаблон русской агиографии: “Обычно житие святого начиналось с краткого упоминания о его родителях, которые оказывались большей частью людьми благочестивыми и в то же время знатными. Далее шла речь о поведении будущего святого в детстве. Он отличается скромностью, послушанием, прилежанием к книжному делу, чуждается игр со сверстниками всецело проникнут благочестием. В дальнейшем, часто с юности, начинается его подвижническая жизнь, большей частью в монастыре или в пустынном уединении. Она сопровождается аскетическими умервщлениями плоти и борьбой со всяческими страстями. Кончина святого большей частью бывает мирная и тихая: святой безболезненно отходит в иной мир, и тело его после смерти издает благоухание; у гроба святого и на его могиле происходят чудесные исцеления. Заканчивается житие обычно похвалой святому.”^[220] Этот шаблон во многом совпадает с построением жития преподобного Стефана Махрищского, за исключением знатного происхождения его родителей, отношения к детским играм и борьбой со страстями. Также можно сказать, что похвальное слово святому почти отсутствует.

Однако, как замечает Д.С. Лихачев, данные формулы могли встречаться и вне житий, например, в летописи. Выбор формул и выражений определяется в основном не жанром произведения, а лицом, о котором идет речь. Если рассказывается о святом, то житийные формулы будут присутствовать как в житии, так и в летописи и в хронографе, потому что они подбирались в зависимости от того, о каком роде событий повествует автор.^[221]

Требования литературного этикета вызвали появление различных формул.

При этом словесное выражение определенных трафаретных ситуаций могло быть различным. Не только определенный стиль изложения подбирались автором в соответствии с описываемой ситуацией, но и сами ситуации создавались писателем в соответствии с этикетными требованиями. Автор описывает поведение подвижника в каком – либо определенном случае так, как это приличествует святому. Этикетные правила появлялись из двух источников: жизненных правил поведения данной эпохи и из литературных источников. Если автор доподлинно не знал, как поступил преподобный в данной ситуации, то он описывал ее, исходя из своих представлений о том, как должен был вести себя святой в таком случае. Очевидно, именно по этому принципу игумен Иоасаф описал встречу преподобных Сергия Радонежского и Стефана Махрицкого, а также ряд эпизодов, например, прощание преподобного Стефана с князем Иоанном Иоанновичем или пребывание святого в Москве по приглашению благоверного князя Дмитрия Иоанновича.

Отсюда также проистекали распространенные в древнерусской литературе приемы переноса писателем отдельных эпизодов, речей, формул из одного произведения в другое, как это произошло с эпизодом встречи преподобного Сергия по возвращении его из Киржачского монастыря братией Троицкой обители. Игумен Иоасаф заимствовал его почти дословно для рассказа о встрече преподобного Стефана насельниками Махрицкого монастыря. Это не было попыткой обмануть читателя, выдать за исторический факт то, что на самом деле взято из другого произведения. В.О. Ключевский полагал, что все эти стереотипные подробности были “требованиями агиографического стиля, а не биографическими данными. Он и не скрывал этого”^[222].

Переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, приличествующие данному случаю, отношение к храму и молитве, достойное преподобного, поступки, соответствующие в данной ситуации образу святого. Писатель определял своим представлением об этикете поведение описываемого лица, идеализировал его. “Идеализация средневековья в значительной степени подчинена этикету. Этикет в ней ставится формой и существом идеализации. Этикет же объясняет заимствования из одного произведения в другое, устойчивость формул и ситуаций ... отчасти интерпретацию тех фактов, которые легли в основу произведений и многое другое.”^[223] Поэтому древнерусский писатель излагал происшедшее в соответствии с определенными формами, отсюда же появлялись разнообразные литературные каноны, житийные формулы.

Очень часто определенные поступки святого, особенно если они, по мнению автора, могли вызвать какие – то сомнения у читателя, подтверждались цитатами из Священного Писания и примерами из Патериков. Так автор жития преподобного Стефана Махрицкого утверждает цитатами как из Нового, так и Ветхого Заветов

многие поступки и намерения святого, а встречу преподобных Сергия и Стефана сравнивает с приходом блаженного Зосимы к преподобной Марии Египетской. Этим автор раскрывает метафизический аспект земных поступков подвижника и показывает, что святой во всех своих делах поступал в соответствии со Словом Божиим, исполняя его в реальной жизни, осмысливает значение происходящего.

Писатель при создании произведения основывался на прошлом, искал в соответствующих произведениях образцы, аналогии, подчинял описываемые события, поступки действующих лиц, свой собственный язык установленному чину, канону. Целью писателя было не нарушение, а соблюдение литературных правил, минимальное внесение своего, стремление писать обо всем, как подобает в данном случае. Переходя от одних эпизодов к другим, он везде подбирал приличествующие слова и выражения.

Таким образом, литературный этикет средневекового писателя складывался из трех составляющих: “из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся.”^[224]

Кроме этого, в агиографии XVI века можно встретить элементы подражания наиболее известным житиям, которые стали образцами для последующих авторов. “Можно назвать подражанием применение старой формы оригинала к близкому содержанию, к однородной теме и сюжету.”^[225] В определенной степени некоторые части жития преподобного Стефана Махрицкого можно назвать подражанием житию преподобного Сергия Радонежского (например, рассказ об основании Авнежского монастыря близок к эпизоду построения Киржачского монастыря в житии преподобного Сергия). Надо отметить, что при подражании форма “не определяется целиком содержанием, а накладывается на содержание как внешняя оболочка, применяется извне, наперед задана.”^[226]

Иногда стилистические обороты оригинала механически соединяются с элементами более привычного автору стиля. В такой ситуации отдельные части произведения могут быть написаны в авторском стиле (например, повествование об истории создания жития), а другие сохраняют особенности оригинала. Поэтому подражательное произведение более или менее неоднородно. Автор использует только отдельные элементы формы, остановившие его внимание. Другие элементы оригинального произведения опускаются.

Некоторые литературоведы, особенно советского периода, видят в этом один из главных недостатков древнерусской литературы, усматривают здесь только совокупность повторяющихся шаблонов и трафаретов, отсутствие авторского начала, препятствие для индивидуального творчества писателя.

Во – первых, в этом случае ошибочны сами критерии оценки произведения, проявляется непонимание цели и задачи автора. Цель написания любого жития – сугубо практическая. “Основная задача этого жанра – служить религиозно – назидательным чтением для всех христиан.”^[227] Автор создавал церковное произведение в соответствии с церковными канонами, и в этом следует видеть не проявление костности сознания, а особую эстетическую систему. Во – вторых, все словесные формулы, стилистические особенности, трафареты применялись древнерусским автором лишь там, где они требовались. Писатель сам их выбирал; литературные каноны варьировались, трафаретные ситуации, шаблоны не только сами изменялись, но появлялись и исчезали по мере необходимости. Поэтому Д.С. Лихачев рассматривал литературные каноны как следствие этикетности средневекового мировоззрения в целом, говорил о литературном этикете, а не просто о наборе литературных трафаретов и шаблонов.

Традиционность литературных приемов было естественным свойством литературы. Само творчество древнерусского писателя выражалось не столько в изобретении нового, сколько в выражении своих представлений, опираясь на старое. “Компилятивность житий, заимствование самого разнообразного характера из одних житий в другие, - явление в агиографии, так сказать, исконное, характерная даже обязательная черта этого жанра, и видеть в этом что – то предосудительное нет никаких оснований.”^[228] Агиографическое произведение зачастую носило “ансамблевый характер.”^[229] Отдельные части жития могли быть написаны по – разному. Вступление, рассказ о написании жития, заключительная похвала святому, описание посмертных чудес с некоторыми бытовыми моментами писались с использованием различных художественных приемов. Это давало читателю возможность представить более полную картину происходящего, выявить отдельные нюансы и особенности каждой части жития.

Рассмотрим теперь некоторые художественные приемы, которыми пользовались древнерусские агиографы при составлении житий.

Абстрагирование. Оно было особенно развито в XIV – XV веках, а затем начало спадать, но отдельные примеры его можно обнаружить и в агиографии XVI века. Абстрагирование было характерно для “высоких” жанров литературы: агиографии, гимнографии, отчасти проповеди. Оно вызывалось “попытками увидеть во всем временном и тленном, в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, духовного, Божественного.”^[230] Язык церковной литературы обособлялся от бытовой речи; он был приподнятым и возвышенным. Поэтому по возможности в таких произведениях не использовалась бытовая терминология. Даже перед

употреблением конкретного понятия автор использует более общее (*“надъ гробомъ его израстоша три великие древа от единого корени, глаголемые брезы”*^[231]). Иногда вместо русского слова использовался его греческий эквивалент. Например, в тексте жизнеописания преподобного Стефана Махрищского автор пользуется словом “ксенодохия” или “дохия”, но в описании чудес от гроба преподобного он уже использует слово *“гостинница.”*^[232] Таким же образом греческое слово “магерница” (в житии) заменяется в чуде о иступившем ума “пеколницей.”^[233]

Абстрагирование использует постоянные аналогии из Священного Писания. Такие аналогии помогали видеть всю жизнь подвижника “под знаком вечности, видеть во всем только самое общее, искать во всем наставительный смысл.”^[234]

Характерные трафаретные сочетания, повторяемость образов, метафор, которые могли переходить из произведения в произведение, а также повторяться в границах одного памятника. Привычность образов и их повторяемость делают их отвлеченными, и кроме того, выстраивают у читателя определенный ассоциативный ряд.

Привычные литературные выражения и образы являются одним из существенных элементов “высокого” литературного стиля. Древнерусский литературный язык имеет множество таких трафаретов, как присущих данному жанру, так и связанных с богослужебным языком, богословскими произведениями и творениями Отцов Церкви. Такие заимствования и компиляции происходят из стремления избежать индивидуальных особенностей стиля и составляют характерную черту литературы церковных жанров, имеющих богатый запас трафаретных образов.

Еще одной особенностью “высокого” стиля является использование сходных по смыслу или синонимических выражений. Автор как бы сомневается при выборе и ставит рядом несколько синонимов. “В результате внимание читателя привлекают не оттенки и различия в значениях, а то самое общее, что есть между ними”^[235], создает перед читателем более полную картину происходящего. Игумен Иоасаф пользовался этим приемом не очень часто, но в тексте жития можно встретить несколько примеров использования сходных по смыслу выражений. Преподобный Стефан *“славу же мира сего яко маловременну и суетну, и мимотекущу, и пустошну преобиде весма.”*^[236] О своей неспособности к написанию жития преподобного автор говорит: *“извития словесемъ не вемъ и решения притчам не навыкохъ, ни у философ учихся. Грамотикия же и риторикия никогдаже прочитахъ.”*^[237] Но чаще он использует двойные сочетания слов: *“Братия же плачемъ и рыданиемъ сокрушахуся, ... словесъ умильныхъ и жалостныхъ тогда с плачемъ не изглаголаху.*

”[238] Сложные построения из множества синонимов в тексте отсутствуют.

Употребление эпитетов в агиографии обычно имеет целью раскрыть идеальные качества описываемого лица или события. Эпитеты указывают на “идеальный, желаемый признак или на самую высокую степень признака”[239] (“люди христоименитые, суетная слава, мужа добродетелна”). Иногда эпитет открывал основное качество (“божественный Павел, чадолюбивый отец”) лица, о котором идет речь.

Еще одной характеристикой “высокого” стиля было симметричное построение фраз и предложений. Для более точного раскрытия смысла фразы одна ее половина противопоставляется другой. В житии преподобного Стефана Махрищского самым ярким примером симметрии может служить фраза, заимствованная автором из жития преподобного Сергия Радонежского: “Еже тайны цареvy хранити добро есть, дела же Божия проповедати преславно есть. А еже тайны цареvy являти бедно есть, тако же и дела Божия преславная молчати пагубу души наноситъ.”[240] Но симметричное построение предложений встречается в различных местах текста. Святой Стефан трудился “не яко обогатитися сим, но да не безделен и празден яст хлеб свой.” В монастыре преподобного “не мнети его настоятеля братии, но единого от последних братии.” В других случаях одна часть предложения почти повторяла другую: “Он же болма подвизаяся в монастыри и труды к трудом прилагаше.”

Наряду с абстрагированием в житиях святых можно встретить элементы реалистичности. Среди традиционных трафаретных формулировок вводятся художественные детали, позволяющие наглядно представить себе описываемые события. В этом случае каноны смягчаются, начинают ярче проявляться особенности авторского стиля. Автор стремится представить читателю живую картину происходящего; он может отказаться от приемов “высокого” стиля и начинает использовать более распространенные, бытовые слова и выражения. Особенно часто элементы реализма используются при описании чудес от гробницы святого. Так, игумен Иоасаф описывает состояние бесноватого в рассказе о чуде о беснующемся следующим образом: “и нелепая глаголаше и творяше, и гласы нелепых испкщаше, яко же и всегда обычай есть беснующимся творити, ризы своя терзая, и человеки бия, и зубы хапая.”[241]

В житийной литературе достаточно часто использовались различные метафоры. В.П. Адрианова – Перетц считала, что “наличие в художественном сознании древнерусского книжника образцов народно – поэтического применения метафор – солнце, месяц, звезда – облегчало ему и поддерживало усвоение аналогичных метафор книжного библейско – византийского литературного языка.”[242] Надо полагать, что большинство метафор в житиях XVI века были

заимствованы из Священного Писания и переводной церковной литературы, но они же встречались и в народной поэзии. Распространенным было сравнение святых с солнцем или, более широко, со светилами. Игумен Иоасаф использует этот прием, когда говорит о встрече преподобных Сергия и Стефана в Махрищском монастыре: *“Якоже рещи, две светиле въ братии сияюще.”*^[243]

Противопоставление света тьме также часто использовалось в агиографии. Адрианова – Перетц считала, что это было “перенесено в русскую литературу в готовом виде из памятников переводной библейско – византийской литературы.”^[244] Свет отождествлялся с христианством, православием, а тьма – как с язычеством, так и с ересями. Автор жития преподобного Стефана Махрищского называет языческую Русь “омрачаемой” идолослужением. Латинство противопоставляется православию как тьма свету.

Метафоры, связанные с растительным миром, бытом были очень понятны русскому человеку. Поэтому игумен Иоасаф сравнил притеснение православных латинянами с “класами пшеничными тернием подавляемыми”, хотя данное место ближе к метафорическому сравнению. Митрополит Макарий “корень ересем посече” при помощи “словесной секиры”. Преподобные Стефан и Сергий были “клеветами единого поля.” Надо заметить, что в житии преподобного Стефана Махрищского метафоры используются мало. Чаще в этом тексте можно встретить сравнения.

Сравнения стоят достаточно близко к метафорам и широко использовались в житийной литературе. В древнерусской агиографии имелся определенный набор сравнений, которые использовались в определенных случаях. Иногда сравнения касались внутренней сущности сравниваемых объектов, и в таком случае внешнее сходство не имело особого значения; живые лица могли сравниваться с неодушевленными предметами. Игумен Иоасаф использовал традиционное сравнение святых со светильниками; следуя евангельской притче, сравнивает преподобного с градом, стоящим на верху горы. Святой Стефан, подвизаясь в Киеве, *“якоже некоею лестницею по неких степенехъ текый горе.”*^[245] Преподобные Григорий и Кассиан Авнежские были воспитаны преподобным Стефаном *“яко голубие подъ крилома его.”*^[246] В этом случае писатель не стремился к наглядности, а выражал внутренние качества и свойства сравниваемого объекта. Иногда автор не ограничивался одним сравнением, а выстраивал целую цепь образов. Апостол Андрей сравнивается и с орлом и с молнией. Святые сравниваются и со звездами и со светильниками.

В других случаях сравнения касались внешнего сходства. В этом случае у агиографа также был некий запас традиционных сравнений. Место для постройки Махрищского монастыря было ограждено водой *“якоже стенами некими окрест.”*

Видимо, это сравнение нравилось игумену Иоасафу, потому что он использует его неоднократно. Выросшие над могилой святого три березы были как “храм прекрасен верху гроба.” Часто при выборе предмета для сравнения важную роль играла как церковный жанр произведения, так и церковность мировоззрения автора в целом. Конечно, это не было твердым правилом, но в любом случае внешние, эмоциональные характеристики не имели большого значения для агиографа, и потому сравнение в древнерусской литературе “подсказывались не мироощущением, а мировоззрением.”[\[247\]](#)

Надо заметить, что описание внешнего облика святого редко встречается в житиях и присутствует обычно там, где оно необходимо по сюжету. Но и в этом случае используются в основном общепринятые выражения и меньше внимания уделяется индивидуальным чертам. В житии преподобного Стефана Махрищского можно встретить очень краткое описание святого, когда он являлся в видении нуждающимся в исцелении. Это описание соответствовало представлению о том, как должен был выглядеть преподобный. Внешний облик святого находил отражение в иконографии, но и там он подчинялся строгим канонам.

Художественное время. Литературное произведение обычно разворачивается во времени. В произведении время может протекать быстро или медленно, последовательно или непоследовательно. При этом оно тесно связано с происходящими событиями. Даже если о времени специально ничего не говорится, то, следуя цепи событий, читатель мог проследить его течение. Правда, в художественном произведении промежутки времени между двумя событиями мог опускаться. Поэтому реальное и сюжетное время не совпадали.

Сам жанр агиографии заранее определял, что произведение должно было охватить период времени по меньшей мере от рождения святого до его смерти, хотя чаще вступление к житию охватывает определенный период (от пришествия Христа на землю, от Крещения Руси), предшествующий земной жизни подвижника и художественное время могло продолжаться и в описании посмертных чудес святого.

В древнерусской агиографии время замедлялось или убыстрялось лишь в зависимости от потребности самого произведения, а не от субъективных желаний автора или его стремления достичь определенного художественного эффекта. О событиях рассказывается от начала до конца, поэтому они могли уплотняться. Все, что автор считал второстепенным или случайным, опускалось. Отсутствовало также и условное наклонение – в житии излагались только происшедшие, а не возможные при каких – либо условиях события. С другой стороны, писатель мог домыслить некоторые моменты, чтобы сделать повествование более полным и ясным. Читатель не имел нужды догадываться о чем – то, что не вошло в повествование. В житии по порядку рассказывается о жизни святого: о его

рождении, детстве, постриге, главных событиях его жизни, смерти и посмертных чудесах. Повествование не забегаёт вперед и не возвращается назад; автор следит за событиями, стараясь не нарушать их последовательность.

Игумен Иоасаф начинает свое повествование с эпохи пророческого служения; затем он упоминает о пришествии Господа Иисуса Христа на землю и проповеди апостолов. Рассказ о крещении Руси плавно перетекает в восхвалению русских святых, одним из которых и был преподобный Стефан Махрицкий. После такого традиционного вступления автор рассказывает об обстоятельствах, связанных с созданием жития. Жизнь святого Стефана описана достаточно традиционно. Рождение от благочестивых родителей, учеба, начало подвигов в Киево - Печерском монастыре, основание Махрицкого монастыря, из которого подвижник был изгнан местными жителями, основание еще одного, Авнежского монастыря, возвращение в первую обитель, где он и скончался, - все эти события описаны полно и построены в хронологическом порядке. Но автор не останавливается на этом и продолжает рассказ об истории монастыря, вплоть до времени написания самого жития.

В тех случаях, когда речь шла о лицах, мало связанных с основной линией повествования, автор старался хотя бы кратко рассказать о них. Если писатель уходил в сторону, описывая дальнейшее развитие события, выходящего за пределы основного сюжета, то затем он возвращался к тому моменту, где был оставлен основной сюжет, и продолжал последовательное повествование. Это часто сопровождалось указанием: “Мы же к предлежащему возвратимся.”

В житии преподобного Стефана Махрицкого Игумен Иоасаф, начав рассказ об уходе преподобного Сергия из Троицкой обители, продолжает его до того момента, когда преподобный вернулся в лавру. Рассказывая о постриге преподобного Кирилла Белозерского, автор кратко описывает всю его дальнейшую жизнь и даже упоминает о посмертных чудесах. Но затем повествование вновь возвращается к тому моменту, где был начат рассказ о преподобном Кирилле, с указанием: “*Мы же къ предлежащему возвратимся, о нем же повесть начяхомъ.*”[\[248\]](#)

Все происходящее в житии воспринимается автором как единое целое. Следуя тексту жития, трудно сказать, какой период реального времени отделяет одно событие от другого. Под указанием “по мале времени” мог скрываться отрезок времени продолжительностью от нескольких месяцев до десятка лет. Игумен Иоасаф, рассказывая о строительстве Авнежского монастыря, говорит, что вторая церковь в монастыре была построена “*днем же многымъ минувшим*”[\[249\]](#), хотя, надо полагать, здесь речь идет о нескольких годах. Про период же времени от возвращения преподобного Стефана в Махрицкий монастырь до его кончины автор говорит, что преподобный отец “*поживе въ монастыри своемъ дни*

некиа,”^[250] но это был отрезок времени продолжительностью не менее тридцати лет.

Это могло быть связано с тем, что в сознании древнерусского человека события жизни происходили во времени, но имели уже вневременной смысл; истинное их значение раскрывалось в вечности – конечной цели всего происходящего. Также житие обычно сопровождалось списанием посмертных чудес святого. Повествование не заканчивалось в прошлом со смертью подвижника, оно имело продолжение. Этим выявлялся еще один аспект художественного времени в агиографии – святой, отошедший из временной жизни в жизнь вечную, продолжает участвовать в земной жизни своими молитвами и чудотворениями. Читателю демонстрировалась неразрывная связь двух сфер бытия: временного и вневременного, земного и вечного.

Житие было рассчитано на многократное повторение в чтении, оно само по себе обладало “вневременным бытием.”^[251] Его содержание часто знали заранее. Чтение житий подчинялось церковному календарю. Составление Четиих Миней, Прологов также подчинялось временному принципу и зависело от даты празднования памяти святого. Сборники составлялись по числам месяца и в такой же последовательности должны были прочитываться.

Таким образом, в русской агиографии существовало достаточное количество литературных особенностей и приемов, которые активно использовались древнерусскими авторами. Многие из этих особенностей являлись следствием мировоззрения и мышления как самого агиографа, так и читателей его произведения. В данной главе была сделана попытка остановиться на некоторых особенностях русской житийной литературы. И как можно видеть, многие из этих особенностей и приемов нашли место в житии преподобного Стефана Махрицкого.

Почитание памяти святого Стефана Махрицкого в Русской Церкви в XVI – XVIII веках.

В качестве источников, на основании которых возможно судить о распространении почитания памяти преподобного Стефана Махрицкого, стоит обратиться к тем богослужебным книгам, в которых содержатся перечни празднуемых в Русской Церкви святых. Е.Е. Голубинский использовал для составления своего перечня русских святых Святцы при богослужебных книгах^[252], обратив особое внимание на церковный Устав. В настоящем исследовании в качестве источников были использованы рукописные и старопечатные Святцы и Месяцесловы XVI – XVIII веков, а также различные издания старопечатных Уставов, служебных Миней и Прологов.

Преподобного Стефана Махрицкого архимандрит Сергей (Спаский) относит к общероссийским святым.^[253] Однако указания на празднование его памяти находятся не во всех богослужебных книгах.

По мнению Е.Е. Голубинского, “настоящим образом полнота памяти русских святых началась с печатного Устава 1610 года.”^[254] Но ни в этом, ни в последующих изданиях церковного Устава память преподобного Стефана не обозначена. Отсюда возникает вопрос – если канонизация святого Стефана была совершена около 1560 года, то на основании каких данных редактор первопечатного Устава составил список русских святых? Е.Е. Голубинский предполагал, что данный список был взят из практики Московского Успенского собора.^[255] В таком случае это означает, что в Москве в начале XVII века богослужебное почитание памяти преподобного Стефана Махрицкого не совершалось. Данное положение подтверждается и тем, что богослужебные Минеи за июль также не содержат службы преподобному Стефану. Такое же положение сохранялось и в XVIII веке. Из этого можно заключить, что служба святому Стефану, написанная также игуменом Иоасафом, не нашла широкого распространения и общецерковное празднование памяти преподобного Стефана в XVII – XVIII веках в Русской Церкви не совершалась.

Несколько иная картина предстает, если обратиться к другим источникам. Как заметил архимандрит Сергей (Спаский), “есть русские святые, которых памяти не находятся в Уставе, но находятся в Прологе.”^[256] Это в полной мере относится к памяти преподобного Стефана Махрицкого.

Что касается изданий Пролога XVII – XVIII веков, то в большинстве из них приводится краткое житие преподобного Стефана Махрицкого. Возможно, данная редакция представляет собой сокращение полного текста жития игумена Иоасафа, так как этот вариант имел наибольшее распространение. Но не исключена возможность и дальнейшего сокращения краткой редакции жития, содержащейся в рукописных Святцах. В тексте проложного жития сокращены все имена и большинство событий полной редакции, в том числе и рассказ об основании Авнежского монастыря. Этим оно отличается от текста в Месяцесловах и Святцах, где временем переселения преподобного Стефана из Киева в Москву называется правление князя Иоанна Даниловича Калиты. Поэтому возможно, что данные тексты были написаны независимо друг от друга.

В текст проложного жития добавлена одна подробность, отсутствующая у игумена Иоасафа – что Махрицкий монастырь находится “близ града Городца.”^[257] Сам текст выглядит так: “Сей бяше от града Киева, благочестиву родителю сынъ, и измлада Христа возлюбивъ: и егда достигъ въ совершенъ возрастъ, отъиде въ Киевъ въ Печерский монастырь, и бысть монахъ, и неколико время въ томъ монастыре подвижася богоугодно. Некогдаже граду Киеву от

латинь обладаему бывшу: сейже святой Стефан от туду преселися, и прииде на место зовомо Махрище, близъ града Городца, и монастырь честенъ состави. И добродетельного ради жития его, поставляемъ бываетъ тояже обители игуменомъ, и много инокъ собра: и присно пребывъ въ постѣ, и в воздержании. И преуведевъ свое еже къ Богу отшествие, созва братию свою, и поучивъ о ползе душевной, и причастися Тела, и Крове Христовы, и въздевъ руце на небо молитву сотвори. И предаде душу свою въ руце Божии, месяца июля, въ ДІ день.”^[258]

Текст жития преподобного Стефана Махищского в различных изданиях Прологов почти не претерпел изменений. Издание 1662 года отличают от последующих три малозначительных изменения:

- 1) вместо “благочестиву родителю” – “благочестивых родителей”;
- 2) вместо “игуменомъ” – “игумень”;
- 3) вместо “инокъ” – “монаховъ”.

Также во всех изданиях, начиная с 1735 года, дата кончины преподобного “въ ДІ день” заменяется на “въ четвертынадесять день.”

Житие преподобного Стефана впервые встречается в Прологе издания 1662 года. В изданиях 1643 и 1660 годов оно отсутствует. Значит, проложная редакция жития была написана приблизительно в начале 1660 – х годов.

Но начиная с издания 1662 года данное житие находится во всех изданиях, напечатанных в Москве сначала на Печатном дворе, а затем в Синодальной типографии. Прологи, напечатанные в Клинцах в типографии Дм. Рукавишникова и Як. Железнякова (1786 и 1788 годов), этого жития не содержат.

Вот список печатных Прологов с указанием наличия в них жития преподобного Стефана Махищского:

- 1) Пролог печатный (III – VIII). М., Печатный двор. 6. XII. 1643. – жития преподобного Стефана нет.
- 2) Пролог печатный (III - VIII) . М., Печатный двор. 1660. – жития преподобного Стефана нет.
- 3) Пролог печатный (март – август). М., Печатный двор. 17. III. 1662. – житие преподобного Стефана есть.
- 4) Пролог печатный (март – август). М., Печатный двор. I. 1677. – житие преподобного Стефана есть.
- 5) Пролог печатный (2 – е полугодие). М., Печатный двор. XII. 1685. – житие преподобного Стефана есть.
- 6) Пролог печатный (III - VIII). М., Печатный двор. XI. 1689. – житие преподобного Стефана есть.
- 7) Пролог печатный (март – август). М., Печатный двор. II. 1696. – житие преподобного Стефана есть.
- 8) Пролог печатный (ч. 2). М., Печатный двор. XI. 1702. – житие преподобного

Стефана есть.

9) Пролог печатный (ч. 2). М., Печатный двор. V. 1718. – житие преподобного Стефана есть.

10) Пролог печатный (2 - полугодие). М., Синодальная типография. I. 1735. – житие преподобного Стефана есть.

11) Пролог печатный (2 – е полугодие). М., Синодальная типография. IX. 1747. – житие преподобного Стефана есть.

12) Пролог печатный (июнь - август). М., Синодальная типография. III. 1752. – житие преподобного Стефана есть.

13) Пролог печатный (2 – е полугодие). М., Синодальная типография. IV. 1765. – житие преподобного Стефана есть.

14) Пролог печатный (2 – е полугодие). М., Синодальная типография. XII. 1779. – житие преподобного Стефана есть.

15) Пролог печатный (VI - VIII). Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 21. I. - 24. III. 1786. – жития преподобного Стефана нет.

16) Пролог печатный (июнь - август). Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 1788. – жития преподобного Стефана нет.

17) Пролог печатный (2 – е полугодие). М., Синодальная типография. X. 1792. – житие преподобного Стефана есть.

Другим важным источником являются Святцы и Месяцесловы. Архимандрит Сергей (Спасский) отмечал, что “...веки XVI и XVII богаты отдельными Святцами по иерусалимскому уставу... Большая часть из них буквально сходны между собою и различаются главным образом большим или меньшим обилием русских святых.”^[259] В данном обзоре использованы как рукописные, так и старопечатные Святцы из собраний РГБ.

В рукописных Святцах XVI века упоминание имени преподобного Стефана Махрицкого встречается редко. Из семи рукописей указание на празднование памяти святого Стефана есть только в рукописи РГБ Ф. 218, № 606, где святой Стефан, а также преподобные Григорий и Кассиан Авнежские названы “новыми чудотворцами.” Надо заметить, что имена святых Григория и Кассиана Авнежских, учеников преподобного Стефана, достаточно часто упоминаются в рукописных Святцах и Месяцесловах, но полностью отсутствуют в печатных изданиях этих книг.

В XVII веке имена этих святых встречаются немного чаще. Из девятнадцати списков Святцев память преподобного Стефана находится в семи рукописях. Интересно, что имена преподобных Григория и Кассиана Авнежских, иногда встречаются в списках, где имени самого Стефана нет.^[260]

В XVIII веке ситуация практически не изменилась. Из пяти списков имя преподобного Стефана есть в одном.

Среди рукописей встречаются краткие Святцы, где под каждым числом месяца указывается только один святой, а в некоторых из них приводятся лишь особо почитаемые святые месяца; прочие же дни пропускаются.^[261]

В двух рукописях Святцев преподобный Стефан называется “братом преподобного Сергия Радонежского.” Рукопись РГБ Ф. 310 № 234 содержит указание: “и преподобнаго отца нашего Стефана Магрицского брата Сергию Радонежскому,” а Святцы РГБ Ф. 310 № 233: “и преподобнаго отца нашего Стефана игумена Махрицского брата Сергию Радонежскому. Стефанъ в лета СЦДІ (6914) постриженникъ Кирилла Белозерскаго.”^[262] Причем в конце последней рукописи есть указание: “Сии святцы в летописи сведены с печатными летописными святцами подлинно московской печати в лете 7167 (1659)”. Значит, в XVII веке преподобный Стефан Махрицкий иногда ассоциировался с братом святого Сергия Радонежского, носившим то же имя.

Надо также отметить, что в “Святцах с летописью и пасхалией”^[263] содержатся жития преподобных Стефана Махрицкого, Григория и Кассиана Авнежских, которые представляют собой краткую редакцию жития, написанного игуменом Иоасафом.

В рукописях XVIII – XIX веков имя святого Стефана упоминается лишь в трех списках. Полный перечень рукописных Святцев по собранию Отдела рукописей РГБ таков:

- 1) Ф. 304 № 364, Святцы, сер. XVI века – памяти преподобного Стефана нет.
- 2) М (Амфилох. 27) № 667 – Святцы с воследованием. 1571 г. – памяти преподобного Стефана нет.(рукопись до мая, далее чистые листы).
- 3) Ф. 218 № 606 – Святцы с календарными и грамматическими статьями, кон. XVI века – память преподобного Стефана есть.
- 4) М (Большаков) № 241, Святцы, 1600 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 5) Ф. 304 № 365, Святцы, XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 6) Ф. 304 № 650, Святцы, XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 7) М (Пискарев 12) № 446 Святцы, XVI в.– памяти преподобного Стефана нет.
- 8) М (Амфилох. 26) № 666, Святцы, XVI в. - памяти преподобного Стефана нет (Святцы заканчиваются Благовещением).
- 9) Ф. 304 № 366, Святцы, нач. XVII в. - память преподобного Стефана есть.
- 10) Ф.299 № 457, Святцы, 1617 г. - память преподобного Стефана есть.
- 11) Ф.310 № 237, Святцы с житиями, 1621 г. - памяти преподобного Стефана нет.
- 12) Ф. 310 № 236, Святцы с житиями, пер. пол. XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 13) Ф. 310 № 438, Святцы и пасхалия, Сийский монастырь, 1672 г. – память

преподобного Стефана есть.

- 14) Ф. 310 № 446, Святцы, кон. XVII в. - память преподобного Стефана есть.
- 15) Ф. 310 № 235, Святцы с летописью и пасхалией, кон. XVII в. - память преподобного Стефана есть.
- 16) О.Р. № 216, Святцы с пасхалией, втор. пол. XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 17) Ф. 310 № 439, Святцы, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 18) Ф. 304 № 367, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 19) Ф. 310 № 234, Святцы с житиями, XVII в. (1621 г.?) – память преподобного Стефана есть.
- 20) Ф. 310 № 122, Святцы с тропарями и кондаками, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 21) Ф. 299 № 60, Святцы, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 22) Ф. 299 № 68, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 23) М (Большаков) № 340, Святцы, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 24) Ф. 299, № 546, Святцы с уставом, кон. XVI – нач. XVII в.в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 25) Ф. 310 № 435, Святцы в таблицах, XVII в. - памяти преподобного Стефана нет (памятей святых нет; пасхалия, индиктион).
- 26) Ф. 310 № 233, Святцы с летописью или краткими житиями, XVII в. - память преподобного Стефана есть.
- 27) О.Р. № 36, Святцы, нач. XVIII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 28) Ф. 178 № 1499, Святцы с дополнительными статьями, втор. пол. XVIII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 29) Ф. 310 № 455, Святцы, кон. XVIII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 30) Ф. 310, № 124, Святцы в кругах, XVIII в. - память преподобного Стефана есть.
- 31) Никиф. № 676, Святцы, XVIII в. - памяти преподобного Стефана нет.
- 32) Ф. 218 № 607, Святцы с пасхалией и другими статьями, перв. пол. XIX в. - память преподобного Стефана есть.
- 33) Ф. 310 № 125, Святцы – выписка о русских святых, XIX в. - память преподобного Стефана есть (под 13 июля).

Из обзора старопечатных Святцев видно, что имя преподобного Стефана упоминается почти во всех изданиях. Только в издании Святцев 1639 года память преподобного Стефана Махрищского еще не встречается. Святцы 1646 года “по объему ... обширнейшие из всех виденных нами Святцев ... русских святых и праздников в них довольно прибавлено против Святцев 1639 года.”^[264] Там впервые появляется упоминание имени преподобного Стефана. К сожалению,

Святцы, напечатанные в Венеции в 1571 году и в Амстердаме в 1702 году, в настоящее время недоступны для исследования.

В остальных изданиях под 14 июля находится указание на празднование памяти преподобного Стефана Махрицкого. Этому способствовал и тот факт, что многие более поздние издания печатались “с переводу” более ранних без изменения. Так, Святцы Супрасльской типографии 1786 года, Виленской типографии 1799 года были напечатаны с издания “Москва. ЗРНЗ (7157 г.)”, о чем свидетельствуют указания на последних листах этих книг.^[265] Также Киевские Святцы 1680 года были перепечатаны со Святцев 1648 года.^[266]

Во многих изданиях Святцев помещены краткие жизнеописания святых. “В Святцах и Месяцесловах иногда обстоятельства жизни святых описываются несколько подробнее, показываются время их жизни, образ кончины их. Такие Святцы можно назвать историческими; называют их еще Святцами с летописью.”^[267] Содержание этих кратких жизнеописаний не изменялось, различались лишь написания отдельных слов.

В изданиях: Святцы. М., Печатный двор. 1646; 1648; Супрасль. 1774; 1786; 1796; 1797; Вильно. 1799 год под 14 июля находится следующий текст: “Память преподобного отца нашего Стефана игоумена Махрицкого чудотворца. Сей Стефанъ родомъ от Киева постриженъ в Печерском монастыре, прииде ис Киева къ Москве въ княжение великаго князя Иоанна Даниловича Калиты, преставися въ лета СЦДІ (6914).”^[268] Надо заметить, что в супрасльских изданиях 1774, 1796, 1797 год преставления преподобного напечатан как СЦДИ.

Интересной особенностью напечатанных во всех Святцах заметок о преподобном Стефане является то, что временем переселения святого из Киева в Москву называется княжение великого князя Иоанна Даниловича Калиты, умершего в 1341 году, а не Иоанна Иоанновича, как об этом свидетельствует житие, написанное игуменом Иоасафом. Житие, включенное в печатные Прологи, вообще не упоминает о том, в правление какого князя преподобный Стефан переселился в Москву.

Очевидно, данное расхождение произошло ввиду ошибки издателя при подготовке одного из изданий Святцев, возможно, 1646 года, по причине сходства имен великих князей. Затем текст Святцев перепечатывался без проверки и исправлений в последующих изданиях.

Список исследованных изданий Святцев выглядит так:

- 1) Святцы. М., Печатный двор. 11. IX. 1639. – памяти преподобного Стефана нет.
- 2) Святцы. М., Печатный двор. 6. XII. 1646. – память преподобного Стефана есть.
- 3) Святцы. М., Печатный двор. 14. XI. 1648. – память преподобного Стефана есть.
- 4) Святцы. Антониев – Сийский монастырь. 1672. – память преподобного Стефана

есть.

- 5) Святцы. Киев. Типография Печерской лавры. 1680. – память преподобного Стефана есть.
- 6) Святцы. Супрасль. 1774. – память преподобного Стефана есть.
- 7) Святцы. Почаев. 1778. – память преподобного Стефана есть.
- 8) Святцы. Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 20. VIII. 1786. – память преподобного Стефана есть.
- 9) Святцы. Супрасль. Супрасльская типография. 1786. – память преподобного Стефана есть.
- 10) Святцы. Супрасль. Старообрядческая типография. 1796. – память преподобного Стефана есть.
- 11) Святцы. Супрасль. Старообрядческая типография. 1797. – память преподобного Стефана есть.
- 12) Святцы. Вильно. Типография виленская. 1799. – память преподобного Стефана есть.

В рукописных Месяцесловах XVI века имя преподобного Стефана отсутствует, причем его нет даже в “Месяцеслове всего лета с тропарями, кондаками и новыми русскими чудотворцами.”^[269] В XVII – XVIII веках указание на празднование памяти святого Стефана также встречается нечасто. Из двадцати девяти рукописей имя преподобного Стефана находится в семи списках. В Месяцеслове из собрания Отдела рукописей РГБ М. (Большаков) № 249 XVII века преподобный, подобно вышеназванным Святцам, называется братом преподобного Сергия Радонежского. В рукописном Месяцеслове 1782 года находится краткое жизнеописание святого Стефана, очень близкое к тексту печатных Святцев: “Преподобнаго отца нашего Стефана игумена Махрищского чудотворца. Стефанъ родомъ бе от Киева, постриженникъ в Печерскомъ монастыре, прииде к сих еда к Москве въ княжение великаго князя Иоанна Даниловича Калиты преставися в лето от Адама СЦДІ (6914) лета от Христа АУДІ (1414).”^[270] Эта близость понятна, потому что на последней странице этой рукописи есть указание на источники, откуда были заимствованы сведения для этого Месяцеслова: “Во первыхъ месяцеслова московскаго, печатаннаго в Московской типографии ... в лето от Рождества Христова 1770: и изъ месяцеслова московскаго летописнаго печатаннаго в Москве въ лето от создания мира 7170года от Рождества сие Бога Слова 1642года... , и киевскаго молитвослова печатаннаго в Чернигове въ лето от создания мира 7255 от Рождества Христова 1747 года ... и изъ прологов печатанных въ московской типографии, въ лето 1747, въ лето 1677 ... и изъ миней четиихъ ... 1767 года. А написася сия книга в лето от Рождества Христова 1782.”

В рукописных Месяцесловах, также как и в рукописных Святцах, встречаются

имена преподобных Григория и Кассиана Авнежских, отсутствующие в печатных Месяцесловах. Список рукописных Месяцесловов XVI – XVIII веков из собрания РГБ таков:

- 1) Ф 256 № 330. Месяцеслов. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 2) Ф 310 № 61. Месяцеслов всего лета с тропарями и кондаками XV, XVI, XVII в.в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 3) Ф 256 № 421. Месяцеслов. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 4) Ф 256 № 140. Месяцеслов. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 5) Ф 256 № 127. Месяцеслов (в Евангелии). XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 6) Ф 310 № 53. Месяцеслов всего лета с тропарями и кондаками. Кон. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 7) Ф 310 № 51. Месяцеслов с тропарями, кондаками и новыми Русскими чудотворцами. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 8) Ф 310 № 58. Месяцеслов с тропарями и кондаками. XVI в. (нач. XVII в.) – памяти преподобного Стефана нет.
- 9) М (Большаков) № 170. Месяцеслов или Святцы. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 10) М (Большаков) № 136. Месяцеслов. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 11) М (Большаков) № 161. Месяцеслов. XVI в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 12) М (Большаков) № 160. Месяцеслов. XVI – XVII в.в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 13) М (Большаков) № 240. Ирмологий с месяцесловом. нач. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 14) Ф 379 № 22. Сборник певческий с месяцесловом. перв. пол. XVII в. – память преподобного Стефана есть.
- 15) Опт. № 106. Месяцеслов. Кон. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 16) Ф 256 № 363. Сборник текстов, месяцеслов краткий, на избранные дни месяца. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 17) Ф 310 № 436. Месяцеслов или святцы и пасхалия. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 18) Ф 299 № 499. Месяцеслов. 1673 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 19) М (Большаков) № 342. Месяцеслов. XVII в. – память преподобного Стефана есть.
- 20) М (Большаков) № 175. Месяцеслов. XVII в. – памяти преподобного

- Стефана нет.
- 21) М (Большаков) № 164. Месяцеслов. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 22) М (Большаков) № 249. Месяцеслов. XVII в. – память преподобного Стефана есть.
- 23) М (Большаков) № 179. Месяцеслов или святцы. XVII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 24) Ф 179 № 1683. Месяцеслов с краткими житиями. Кон. XVII – нач. XVIII в.в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 25) Ф 256 № 281. Месяцеслов. 1748 г. – память преподобного Стефана есть.
- 26) Ф 218 № 1162. Месяцеслов. Пер. пол. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 27) Ф 310 № 460. Месяцеслов. 1771 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 28) Ф 218 № 1299/2. Месяцеслов на 1775 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 29) Фад. № 30. Месяцеслов. 1782 г. – память преподобного Стефана есть.
- 30) Ф 439 № 22/4. Месяцеслов особого состава, старообрядческий. 1770 – 1771 г.г. – память преподобного Стефана есть.
- 31) Ф 218 № 1163. Месяцеслов. Посл. четверть XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 32) Костр. № 110. Месяцеслов. Кон. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 33) Ф 354 № 12. Месяцеслов и устав о христианском житии. Кон. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 34) Ф 178 № 1416/1. Месяцеслов. Втор. пол. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 35) Паз. XXII/5. Месяцеслов. Втор. пол. XVIII в. – память преподобного Стефана есть.
- 36) Ф 299 № 71. Месяцеслов. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 37) М (Большаков) № 295. Месяцеслов. XVIII в. – памяти преподобного Стефана нет.
- 38) О.Р. № 158. Месяцеслов на лето 1781. – памяти преподобного Стефана нет.

В изданиях старопечатных Месяцесловов память преподобного Стефана Махрищского, как и в рукописных Месяцесловах, встречается редко. Из всех изученных изданий XVII века лишь в трех Месяцесловах (М., Печатный двор. 1647; М., Печатный двор. 1659; М., Печатный двор. 1662) есть указание на празднование

памяти преподобного Стефана, сопровождаемое краткими биографическими сведениями, взятыми, возможно, из Святцев 646 года издания.^[271] Из изданий XVIII века память преподобного Стефана Махрицкого есть лишь в Месяцеслове, напечатанном в Почаеве в 1778 году и текст биографических сведений о нем соответствует Московским изданиям XVII века.

Месяцесловы Московской печати 1705 и 1727 годов краткие и содержат по преимуществу по одному святому на каждый день. Поэтому 14 июля в них обозначена только память апостола Акилы. Очевидно, этой краткостью и объясняется малое количество русских святых в печатных Месяцесловах и отсутствие там памяти преподобного Стефана Махрицкого.

Были изучены следующие Месяцесловы:

- 1) Месяцеслов. М., Печатный двор. 1647 г. – память преподобного Стефана есть.
- 2) Месяцеслов. М., Печатный двор. 1659 г. – память преподобного Стефана есть.
- 3) Месяцеслов. М., Печатный двор. 1662 г. – память преподобного Стефана есть.
- 4) Месяцеслов. М., Печатный двор. 1705 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 5) Месяцеслов. Киев. Типография лавры. 1718 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 6) Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1727 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 7) Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1734 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 8) Месяцеслов. Почаев. 1778 г. – память преподобного Стефана есть.
- 9) Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1780 (или 1784) г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 10) Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1794 г. – памяти преподобного Стефана нет.
- 11) Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1795. – памяти преподобного Стефана нет.
- 12) Месяцеслов. Спб., 1797. – памяти преподобного Стефана нет.

На основании вышеизложенного возникает вопрос: почему имя преподобного Стефана Махрицкого достаточно часто встречается в Месяцесловах, Святцах, Прологах, но полностью отсутствует в богослужебных Минеях и церковном Уставе? Представляется допустимым выдвинуть предположение, что включение памяти святых в богослужебные книги было больше связано с распространенностью в Русской Церкви написанных при их канонизации служб и канонов, а на наличие имен святых подвижников в Месяцесловах, Святцах и Прологах оказало влияние известность самого имени святого, во многом связанное с распространением его жития. В случае с памятью преподобного

Стефана Махрицкого данное предположение подтверждается и большим по сравнению со службой преподобному количеством списков его жития. Значит, житие святого Стефана оказало большее влияние на распространение его памяти в Русской Церкви в XVI – XVIII веках, чем написанная в то же время служба ему.

Также надо заметить, что преподобный Стефан Махрицкий почитался не только в областях, прилегающих к Москве. Включение его имени в издания, напечатанные в Киеве, Вильне, Почаеве, в рукописи и печатные издания старообрядцев невозможно объяснить только тем, что одни издания печатались “с переводу” более ранних. Например, имена преподобных Григория и Кассиана Авнежских, учеников преподобного Стефана, встречаются в рукописных Святцах и Месяцесловах, но полностью отсутствуют во всех печатных изданиях этих книг; архимандрит Сергей (Спасский) относит их к местночтимым святым.^[272] Имя же преподобного Стефана Махрицкого имело в рассматриваемый период общецерковное почитание.

* * *

Также необходимо отметить некоторое влияние, которое житие преподобного Стефана Махрицкого оказало на другие агиографические произведения. Это, в первую очередь, поздняя редакция Сказания о явлении мощей преподобных отец наших Григория и Кассиана иже на Авнезе и воспоминание о чудесах их. Как следует из жития преподобного Стефана, сказание было написано ранее жития. Очевидно, что во время составления повествования об обретении мощей преподобных Григория и Кассиана игумен Иоасаф ничего не знал о их жизни. Эта, первоначальная, редакция вошла в Четии Минеи Германа Тулупова.^[273] В ней после вступления сразу следует “Чудо о Гаврииле”. Но существует и другая редакция этого произведения,^[274] в которой есть главы “О отвержении мира и о пострижении преподобного Григоря”, “О приходе преподобного Стефана со учеником его Григорием в пределы града Вологды”, “О пострижении преподобного ученика его Касияна.” Эти главы совпадают с соответствующими местами из жития преподобного Стефана Махрицкого, поэтому есть основания говорить о заимствовании данных глав из жития святого Стефана.

Рассказ о видении огня на гробе преподобного Стефана и установление его местного почитания вошел во второе житие преподобного Арсения Комельского. Как известно, первое житие преподобного Арсения сгорело при пожаре в монастыре в 1596 году, а новое житие было написано на основании найденной в монастырской кладовой хартии в начале XVII века.^[275] Это житие достаточно точно пересказывает эпизод посещения преподобным Арсением Махрицкого монастыря, а последняя фраза дословно заимствована из жития преподобного Стефана.^[276]

Таким образом, рассматриваемое произведение не только испытало влияние других агиографических произведений, но, в свою очередь, и само оказывало такое влияние.

Исторические факты, содержащиеся в житии преподобного Стефана Махрищского.

Хотя житие преподобного Стефана Махрищского не является историческим повествованием по своей цели, в нем приводятся различные факты, которые стоит рассмотреть для выявления церковно-исторического значения текста. В самом житии не приводится ни одной даты, но, сравнивая описания событий и имена известных лиц той эпохи, можно постараться обозначить некоторые хронологические ориентиры, по которым историки Церкви смогут построить историческое жизнеописание преподобного Стефана Махрищского.

В тексте жития можно выделить две группы исторических фактов. Первая группа относится ко времени написания текста жития и приводит сведения о самом авторе, а также о царе и митрополите. Эти сведения содержатся в начале после традиционного вступления и в конце текста, после описания чудес. Вторая группа фактов относится непосредственно к описанию жизни преподобного Стефана Махрищского и последующих за ним событий. Можно обратить внимание на следующие моменты:

- 1) Переселение преподобного Стефана из Киево - Печерского монастыря в Московские пределы по причине "обладания" града Киева *"богомерзкой латынею"*. Тогда многие *"духовнии мужие отходятъ от Киева и отъ монастырей своихъ."*^[277]
- 2) Преподобный Стефан приходит в Москву *"в лета благочестиваго великаго князя Ивана Ивановича"*^[278], и тот дает ему грамоту и средства на устройство монастыря.
- 3) Когда вокруг преподобного Стефана собралось *"немало инок,"*^[279] тот поставил церковь во имя Святой Троицы и освятил ее *"п о благословению святейшаго митрополита Феогноста"*^[280]. От того же митрополита преподобный Стефан *"священническаго сана сподобляется."*^[281]
- 4) Описываемый случай с уходом преподобного Сергия из основанного им Троицкого монастыря и основание преподобным Киржачского монастыря, а также возвращение его снова в старый монастырь, по тексту жития, было в правление святого митрополита Алексия.
- 5) Хиротония преподобного Григория Авнежского была совершена *"божественным архиереем Алексием"* по рекомендации преподобного Стефана.
- 6) Из Авнежского монастыря преподобный Стефан призывается в Москву благоверным князем Дмитрием, где святой беседовал с великим князем и принимал благословение от святителя Алексия.

7) Во время этого же посещения Москвы преподобный Стефан совершает иноческий постриг преподобного Кирилла Белозерского (*"възлагает просто и несовершенно иноческая одеяния"*).[\[282\]](#)

8) При отшествии преподобного Стефана из Москвы имя митрополита не упоминается, но, очевидно, это был тот же святитель Алексей.

9) Разорение Авнежского монастыря и пожар в Стефано - Махрищском монастыре были, как следует из текста жития, после смерти игуменов Илии и Николы. Последующие игумены не упоминаются.

10) Видение огня над гробом преподобного Стефана было при Махрищском игумене Ионе и игумене Троице - Сергиева монастыря Арсении.

11) И, наконец, обретение мощей преподобного Стефана Махрищского произошло во время строительства каменного храма Святой Троицы при игумене Варлааме, митрополите Макарии и великом князе Иване Васильевиче.

Рассмотрим теперь более подробно каждый из приведенных фактов. О времени рождения и пострига преподобного ничего определенного в житии сказано не было. Но можно предположить, что преподобный Стефан подвизался в Киево - Печерском монастыре при настоятеле архимандрите Давиде, духовнике великой княгини литовской Иулиании, крестившем в 1377 году и самого князя Ольгерда.[\[283\]](#) Аналогичные сведения приводятся и в "Описании Киево-Печерской лавры." В списке настоятелей монастыря значатся: " ...

22. Варсонофий. В его время в 1321г. Гедимин Великий Князь Литовский завладел Киевом.

23. Давид был духовником Великой Княгини Литовской Иулиании, супруги Ольгердовой, и убедил с нею Ольгерда при кончине его, 1377 года, принять Христианскую веру Восточного исповедания, и постриг его в Схиму. Сей Давид назван в летописи Архимандритом."[\[284\]](#)

Первым же историческим указанием является описанная причина переселения преподобного Стефана из Киево - Печерского монастыря в Московские пределы: *"граду Киеву обладану бывшу богомерзкою латынею."*[\[285\]](#) По хронологии событий это могло произойти во время правления литовского князя Гедимина (1320 – 1345 г.г.) или, что более вероятно, при его сыне Ольгерде (1345 - 1377 г.г.). Но это должно было случиться до 1354 года, когда святитель Алексей был возведен в сан митрополита Киевского и всея Руси.

Митрополит Макарий сомневался в достоверности письма Гедимина, в котором тот писал, что позволяет братьям - миноритам и проповедникам распространять христианскую веру и крестить народ; более того, что он сам готов креститься по римскому обряду и подчиниться папе, если последний заставит ливонских рыцарей прекратить нападения на литовские земли, а также другой грамоты, где сказано о том, что в 1323 году латинские монахи имели в Литве три

храма, хотя и допускает такую возможность. Но во все последующее царствование Гедимины не было никаких сношений с папой или покровительства проповедникам римской веры. Он же пишет об улучшении положения Печерского монастыря после подчинения Киева литовским князьям.^[286]

В.М. Соловьев сообщает, что в 1321 году Гедимин двинулся к Киеву и захватил его, поставив там наместником Миндовга.^[287] М. Грушевский в "Очерках истории Киевской земли" приводит разные гипотезы о времени захвата Киева литовскими князьями (вплоть до 1362 года),^[288] но никаких сведений о притеснениях православных не дает. Архиепископ Филарет в труде "История Русской Церкви" отмечает даже укрепление православной веры в Литве до 1364 года, когда "Петр Гаштольд наипервый принял веру римскую и до Литвы принес, а римской веры в Литве не было, только русская замешалась."^[289] Лишь в Галиции были притеснения православных от католиков при князе Болеславе и, особенно, при Казимире (1340 г.), как про это пишет митрополит Макарий,^[290] но подобные случаи не касались Киева. Притеснения православных в Литве начались уже при князе Ягайле, который начал обращение литовцев в латинство лишь в 1387 году.

Подобные сведения приводятся и в "Описании Киево-Печерской лавры": Литовский князь Гедимин взял Киев без сражения и посадил там наместника, своего племянника Миндова, князя Голшанского, исповедовавшего "греческую веру". Такое изменение было благоприятно для Киева, который оказался защищенным от набегов татар и других князей. Поэтому город и его окрестности вновь начали заселяться (среди этих поселенцев могла оказаться и семья преподобного Стефана). Преемники наместника Миндова в течение ста пятидесяти лет были "того же исповедания"^[291] (т.е. греческого), до 1471 г., когда наместником короля Казимира IV в Киеве стал литовец Мартин Гаштольд, католик.

При преемнике Гедимины князе Ольгерде (1345 - 1377 г.г.), по словам митрополита Макария, не было видно никаких успехов латинской веры в земле Литовской. Его семейство исповедовало православие, и сам он, хотя и непостоянно, держался той же веры. Он не препятствовал митрополиту Киприану обращать в православие многих литовцев. Хотя были у князя и контакты с Западом: император Карл присылал пражского архиепископа Эригенса, который при участии немецких рыцарей старался склонить литовцев к принятию римского исповедания. Но опять, ввиду разногласий по земельным вопросам, попытка императора Карла осталась без последствий. Митрополит Макарий указывает, что Ольгерд, не стесняя своих православных подданных в вере, не давал в обиду и последователей латинства.

Таким образом, указанная в житии причина переселения преподобного Стефана из Киева в Москву с точки зрения исторических данных вызывает сомнения и могла быть приведена автором жития благодаря сохранившимся

известиям о позднейших притеснениях православных в Литве. Хотя, может быть, игумен Иоасаф имел ввиду попытки Литовских князей из политических соображений поставить своего особого митрополита в Киеве независимо от Москвы и вызванные этим церковные нестроения. Следуя Е.Е. Голубинскому, можно выделить три возможных эпизода: 1) в 1330 – 1331 г.г. в Константинополе был поставлен особый Галицкий митрополит, распространявший власть и на Литву. Эта кафедра закрыта в 1347 году благодаря усилиям митрополита Феогноста и великого князя Симеона Ивановича 2) в 1352 или 1353 году незаконно поставленный митрополит Феодорит был принят князем Ольгердом и сел в Киеве, откуда вскоре был изгнан 3) и, наконец, в 1354 году в Киев поставлен особый Литовско - Галицкий митрополит Роман, остававшийся на кафедре до 1361 года [\[292\]](#)

Следующий исторический факт, отмеченный в житии - прибытие преподобного Стефана в Москву во время правления князя Ивана Ивановича, который принимает его как уже известного подвижника, предлагает ему поселиться в московском монастыре; но преподобный Стефан уходит в отдаление от городской суеты, и князь дает ему *«довольная вся, яже на потребу строения монастырскаго, и своя царская писания... и милостыню довольну..., и отпусти его»* [\[293\]](#).

Очевидно, здесь автор жития имеет ввиду великого князя Ивана II Ивановича Красного (1353 – 1359 г.г.). Митрополит Макарий в “Истории Русской Церкви” приводит как исторический факт основание Стефано -Махрищского монастыря при этом князе: "...Свято - Троицкий Махрищский, ... основанный преподобным Стефаном Махрицким ... во дни великого князя Ивана Ивановича." [\[294\]](#)

Но, следуя далее по тексту жития игумен Иоасаф пишет, что, когда монастырь был основан и вокруг преподобного Стефана собралось "немало инок", была построена церковь во имя Святой Троицы, освященная по благословию св. митрополита Феогноста. Этот же митрополит рукоположил преподобного Стефана во священники, после чего был основан сразу общежительный монастырь.

Святитель Феогност управлял русской митрополией с 1328 по 1353 годы и скончался после тяжелой продолжительной болезни 11 марта 1353 года. [\[295\]](#) Очевидно, автор жития допустил хронологическую неточность, так как со времени правления митрополита Феогноста и князя Ивана II Ивановича до написания жития прошло более двухсот лет. Можно предположить, что переселение преподобного Стефана в Москву произошло при великом князе Симеоне Ивановиче Гордом (1340 - 1353 г.г.) и митрополите Феогносте, а принять преподобного Стефана и оказать помощь в строительстве монастыря мог и Иван Иванович, еще не став великим князем.

Архмандрит Леонид (Кавелин) полагал, что настоятельство преподобного Стефана в Махрищском монастыре началось в 1360-е годы.^[296] В издании "Истории Русской Церкви" митрополита Макария временем основания Махрищского монастыря считается 1370 год.^[297]

Но, так или иначе, дата основания монастыря пока точно не установлена. Если все-таки допустить, что игумен Иоасаф правильно назвал имя митрополита, при котором произошли описанные в житии события, то не только основание монастыря, но и освящение первого монастырского Троицкого храма и хиротония преподобного Стефана состоялись до 1353 года.

Следующий эпизод, имеющий, несомненно, историческое основание - встреча преподобных Сергия Радонежского и Стефана Махрищского.

Преподобный Сергий основал монастырь на Киржаче после посещения Махрищского монастыря, где и произошла встреча двух подвижников. Преподобный Стефан дал Радонежскому игумену в качестве проводника одного из своих учеников, Симона, который и указал место для будущего монастыря на реке Киржач. Точная дата этого события неизвестна, но исследователи предполагают, что уход преподобного Сергия на Киржач (и, соответственно, основание Благовещенского монастыря - относится к 1377 году- после приезда послов Константинопольского патриарха Филофея (зимой 1376 - 1377 г.г.) и введения общежительного устава в Троицком монастыре^[298], но до кончины святителя Алексия (12 февраля 1378 года), потому что этот митрополит, как следует из текста жития, послал к преподобному Сергию *"два архимандрита и с ними книги своя, да возвратится в свою ему великую обитель"*.^[299] Митрополит Макарий относил основание Киржачского монастыря к 1376 году.^[300]

Рукоположение святого Григория Авнежского, ученика преподобного Стефана, возможно, также совершил митрополит Алексей. Об этом свидетельствует и одинаковое наименование *"божественный архиерей"*, - как в случае с преподобным Сергием, так и при хиротонии святого Григория. Но, может быть, здесь имеется ввиду и [Алексий](#), епископ Суздальский, Нижегородский и Городецкий, о котором известно, что в 1364 году митрополит Алексей отнял у него епископию Новгородскую и Городецкую^[301]. К этому же году он относит и кончину епископа Алексия.^[302] П. Строев приводит о нем такие данные: "Епископы Суздальские: ...10) Алексей, 1363 – 65, (лишен епархии)."^[303] И.У. Будовниц считает, что хиротония преподобного Григория относится к "промежутку времени между 1363 и 1365 г.г., когда Алексей был Суздальским епископом."^[304] Такая возможность косвенно подтверждается и тем, что основание Авнежского монастыря относят приблизительно к 1370 году,^[305] и это не противоречит возможности пострига преподобного Григория епископом Алексием Суздальским.

Таким образом, хронологически более точным было бы расположить сначала повествование о постриге преподобного Григория, затем об основании Авнежского монастыря и возвращении в Махрицкий монастырь преподобного Стефана, а после этого - уже известие о встрече преподобных Сергия и Стефана и основание Киржачского монастыря. Также, к периоду 1370 - 1376 г.г. можно отнести и постриг преподобного Кассиана Авнежского, причем, очевидно, ближе ко времени основания монастыря, ибо он перед уходом преподобного Стефана в Москву был поставлен келарем монастыря. Несомненно, преподобный Стефан при выборе учитывал духовный возраст и добродетели кандидата на эту должность, и он не мог быть из новоначальных. Определенную роль должно было сыграть и происхождение преподобного Кассиана из "*рода честна и богата*" так как такой человек мог лучше управлять монастырским имуществом.

Из Авнежского монастыря преподобный Стефан отправился в Москву по приглашению благоверного князя Дмитрия. Там он встречался с самим великим князем, а также с митрополитом Алексием. Тогда же был совершен иноческий постриг преподобного Кирилла Белозерского. Перед уходом обратно в Махрицкий монастырь преподобный Стефан принимает благословение от "*святейшего митрополита*" (очевидно, святителя Алексия). Значит, это посещение Москвы и постриг преподобного Кирилла произошли до 12 февраля 1378 года, дня кончины святителя Алексия.

Затем игумен Иоасаф приводит самые значительные события из жизни преподобного Кирилла: поставление его архимандритом Симонова монастыря (1389 г.), основание монастыря на Белом озере (1397 г.) и кончина его (в 1427г.).[\[306\]](#)

После возвращения в Махрицкий монастырь преподобный Стефан, как следует из текста жития, больше не отлучался из своей обители до самой смерти. Перед кончиной он передал настоятельство в монастыре Илии. Кончина преподобного Стефана последовала 14 июля 1406 года.

О последующих двух игуменах монастыря краткие сведения приводит архимандрит Леонид (Кавелин) в списке настоятелей Махрицкого монастыря игуменского сана: "2) Илия преемник его (преп. Стефана) с 1406 года, † 9 марта вскоре, именуется в синодике преподобным. 3) Николай преемник вышеупомянутого".[\[307\]](#) Затем в монастыре настоятели (по данным архимандрита Леонида - начиная с Феогноста, "прежде 1434 года, при великом князе Василии Васильевиче Темном (1425 – 1462 г.г.) [\[308\]](#) перестали выполнять устав преподобного Стефана. И в это время, как следует из текста жития, вятчане с казанскими татарами разорили вологодские земли, в том числе и Авнежский монастырь, и убили преподобных Григория и Кассиана Авнежских. Приблизительно в то же время в Махрицком монастыре произошел пожар.

Однако в исторических исследованиях встречаются следующие сведения: П. Строев сообщает, что монастырь на Авнеге был основан "в исходе XIV века и вскоре разорен вятчанами."^[309] Конкретных дат он не приводит. В Истории Русской Церкви митр. Макария временем кончины преподобных Григория и Кассиана Авнежских, а, значит, и разорения Авнежского монастыря называется 1392 год.^[310] Этому же мнению придерживается и И.У. Будовниц.^[311] Л.И. Ивина относит разорение обители к 90-м годам XIV века.^[312]

Таким образом, по данным историков, мученическая кончина преподобных Григория и Кассиана Авнежских произошла еще при жизни преподобного Стефана (до 1406 года) и, значит, пожар в Махрицском монастыре никак не связан с этим нашествием татар; но, если следовать тексту жития, эти два события были если и не связаны друг с другом, то близки по времени и произошли не ранее 20-х - 30-х годов XV века - настоятельства игумена Феогноста.

Первое чудо на могиле преподобного Стефана, описанное в житии - видение огня старцем Германом. Очевидно, к тому времени монастырь уже был восстановлен после пожара. Игумен Иоасаф приводит имена игумена Махрицкого монастыря Ионы и игумена Троице - Сергиева монастыря Арсения. П. Строев указывает временем правления игумена Ионы период с 1527 по 1557 г.г.^[313]

Чудо умножения пищи и питья совершилось во время игуменства Варлаама (с 1557 г.)^[314], но до написания жития, то есть в 1557 – 1560 годы.

И последние исторические сведения жития - о построении каменной церкви Святой Троицы и обретение мощей преподобного Стефана Махрицкого. Став игуменом Махрицкого монастыря, Варлаам собрал и записал рассказы о чудесах преподобного Стефана и принес их митрополиту Макарию и Иоанну Грозному, после чего было написано житие преподобного Стефана, а царь к тому же пожертвовал средства на строительство каменного храма в монастыре. В Синодике Махрицкого монастыря находятся следующие записи: "*1557 года июля 4 дня пожаловал государь царь и великий князь Иоанн Васильевич на сооружение каменной церкви двести рублей*".^[315] В том же году, 20 января, от царя был сделан вклад в размере 15 рублей. Мощи преподобного Стефана были обретены, как следует из жития, при строительстве храма, хотя, например, П. М. Строев относит открытие мощей к 1550 году.^[316] Однако никаких записей, относящихся к 1550 году, в Синодике нет, а вот под 1558 годом там значатся следующие пожертвования: сначала 15 рублей, затем царь Иоанн приехал сам на богомолье и 4 октября пожертвовал еще 50 рублей, а царица Анастасия прислала в том же году на освящение престола индитию, воздух, покров, судари, пелены, ризы, два стихаря и покров на гроб преподобного Стефана Махрицкого чудотворца.^[317]

Вполне возможно, что после первого вклада началось строительство каменного храма и в том же 1557 году были обретены мощи основателя обители, после чего последовал очень крупный царский вклад, а царь Иоанн IV приезжал уже на освящение престола вновь построенной церкви. И затем от царя следовали неоднократные пожертвования в монастырь, что свидетельствует об особом почитании Иоанном IV преподобного Стефана Махрищского.

Таким образом, есть основания полагать, что в 1557 или в начале 1558 года было обретение мощей преподобного Стефана и в 1558 году церковь Святой Троицы была освящена.

Игумен Иоасаф отмечает также, что когда был открыт гроб преподобного Стефана, поверх мощей был обнаружен кожаный пояс с изображениями двенадцатых праздников. Историческая достоверность этого подтверждается исследованиями Т.Д. Пановой, которая приводит примеры обнаружения подобных кожаных поясов шириной 2 - 3 см в области живота погребенного в захоронениях XII - XV в.в. "Все без исключения пояса украшены тиснеными изображениями двенадцатых праздников в клеймах (с надписями или без них) или изображениями крестов".^[318] Наибольшее число таких поясов зафиксировано в Киево - Печерской лавре. Очевидно, преподобный Стефан носил этот пояс, еще будучи монахом Киево - Печерского монастыря и затем продолжал носить его по традиции Печерского монастыря и в Московских пределах.

Таким образом, не являясь историческим повествованием по цели написания, житие преподобного Стефана Махрищского содержит немало исторических фактов, подтверждаемых другими источниками или исследованиями. В.О. Ключевский, критически подходивший к исторической достоверности житийного материала, отмечает, что игумен Иоасаф "сообщает подробности, делающие его памятником первостепенной важности для истории заселения северо-восточной русской окраины. Сообщаемые Иоасафом известия о происхождении биографии Стефана не лишены интереса по отношению к литературной истории жития."^[319]

Конечно, любое житие представляет собой в первую очередь религиозно - назидательное произведение и к тому же со времени кончины преподобного до написания жития прошло около ста пятидесяти лет. Поэтому некоторые события описаны не совсем верно или имеют нарушенную хронологию; но в целом данное житие представляет ценность и в качестве исторического источника. Не ставя задачи создания точного исторического жизнеописания преподобного Стефана Махрищского, в данной главе лишь обозначены отдельные моменты, некоторые из которых требуют дополнительного исследования специалистов по истории Русской Церкви.

[Агиология жития преподобного Стефана.](#)

Проведя исследования истории и текстологии жития преподобного Стефана Махрицкого, обратим теперь внимание на образ святого, представленный читателю игуменом Иоасафом. Ибо теперь этот святой, которого лично знали и почитали великие князья Иоанн II Красный и святой Димитрий Донской, собеседник преподобного Сергия Радонежского и первый наставник преподобного Кирилла Белозерского; святой, к гробнице которого совершал паломничество царь Иоанн Грозный, в настоящее время, к сожалению, малоизвестен православным христианам.

Как известно, монголо - татарское нашествие нанесло тяжелый урон в том числе и монашеской жизни на Руси. Место иноческого подвига занимает другая форма святости - общественное служение народу, служение князей и святителей. И только в XIV веке начинается бурное возрождение монашеского подвижничества. Во многом это связано с деятельностью преподобного Сергия Радонежского и его учеников, но были и иные истоки этого движения. Например, святые Стефан Махрицкий и Димитрий Прилуцкий - не ученики, а "собеседники" Радонежского подвижника. Местом, где произошло духовное становление преподобного Стефана Махрицкого, был Киево - Печерский монастырь. Поэтому в образе святого, дошедшем до нас в житии, написанном игуменом Иоасафом, проступают черты монашеской традиции, заложенной преподобным Феодосием Печерским. И, конечно, не приходится отрицать духовной близости преподобного Стефана и преподобного Сергия Радонежского. Г. П. Федотов отмечает близость палестинского идеала святости к религиозной жизни Руси.^[320] Этот идеал, при всей его строгости, шире и доступнее египетского. "В монашестве мы почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний."^[321] И в начале жизни преподобного Стефана Махрицкого мы не встречаем чего - то сверхъестественного, недоступного для других людей. В детстве он, как и многие дети, изучал грамоту, Священное Писание. Но сразу же автором Жития отмечается одна черта, которая будет особенно характеризовать всю дальнейшую жизнь преподобного: "*бе бо от младых ногтей любя смирение.*"^[322] Отсюда и стремление к иноческому житию, совершенное послушание своему духовному отцу, любовь к богослужению. В стихире службы преподобному Стефану говорится: "*Тогда мира оставил еси, богатство же и славу ни во что же вменив, и крестъ свой на рамо вземъ, Христови последовалъ невозвратнымъ помысломъ.*"^[323] Нам сейчас неизвестно, какое послушание нес преподобный Стефан в Киево - Печерском монастыре, но, очевидно, он стал достаточно известным подвижником и слава о нем дошла даже до великого князя Московского, который, по переселении преподобного в Москву, "*паче инехъ почиташе ... слыша бо от некихъ о житии*

его."^[324] Но смирение преподобного Стефана не позволяет ему долго пребывать в почете и уважении. Поэтому он отказывается от возможности остаться в московском монастыре и, покинув шумную Москву и приемы в княжеском дворце, устремляется к новому подвигу - пустынножительству. В этом проявляется особая черта монашества XIV века. " Все известные нам монастыри Киевской Руси были городскими или пригородными. Городские монастыри продолжают строиться и в монгольское время (например, в Москве). Но большинство святых этой эпохи уходят из городов в лесную пустыню."^[325] Взяв на себя такой труднейший подвиг, они поднимают духовную жизнь на новую высоту. "Осуществление идеи настоящего иночества надобно искать в пустынных монастырях. Древнерусские жития изображают разнообразные и часто характерные условия прохождения пустынного подвижничества Древней Руси."^[326] Новое аскетическое движение пробуждается одновременно в разных местах. Преподобный Сергей Валаамский поселяется на отдаленном острове и основывает там монастырь. Святым Пахомием было положено начало Нерехтскому монастырю. Преподобный Димитрий Прилуцкий стал основателем Спасо - Прилуцкого монастыря. Конечно, самым ярким представителем этого течения явился преподобный Сергей Радонежский. И к данному течению принадлежал святой Стефан Махрицкий.

Как считал В.О. Ключевский, "пустынный монастырь признавался совершеннейшей формой общежития, основание такого монастыря – высшим подвигом инока."^[327] Автор жития ничего не сообщает читателям о молитвенном и постническом подвигах преподобного. В службе преподобному об этом сказано в общих словах: *"На страсти пагубныя постнически поставивъ, и на подобие якоже мощно возшелъ еси. Мужески бо естество понуди е. И потщался еси хоудшее покорити лучшему, и плоть поработити духу."*^[328] Игумен Иоасаф говорит лишь о многих трудах, понесенных святым Стефаном, " к симъ прилагая и поты."^[329] Также и в Авнежском монастыре он имел обычай *"по совръшении церковного славослова и по своемъ обычномъ правиле ходити по пустыни и сеци лес, и палити, и отребляти всегда. Также и Григорие и Касиянь."*^[330] Так преподобный совмещал подвиги молитвы и телесного труда. При этом игумен Иоасаф отмечает важную особенность - эти труды святой Стефан совершал не для того *"яко бо обогатится сим, но да не безделенъ и празденъ ясть хлебъ свой."* И еще одна черта характера, свойственная всей жизни преподобного, стала ярко проявляться с первых лет пребывания его на берегу Махры -нищелюбие: *"приемля всегда странныя и нищия и питаше ихъ, и подавая имъ, яже на потребу."*^[331] Игумен Иоасаф неоднократно подчеркивает ее наряду со смирением и кротостью святого. Эта добродетель подвижника нашла отражение и в службе преподобного: *"...в ъ страннолюбии приятеля, и в милостыни подателя неоскудна."*^[332] Подвиг нищелюбия не

оставлялся преподобным Стефаном ни в Махрищском, ни в Авнежском монастырях; и этот подвиг был завещан братии Махрищского монастыря его основателем. Нищелюбие характеризовало и деятельность игумена Илии, ученика преподобного Стефана. Чудо умножения пищи и питья игуменом Варлаамом также явилось исполнением завещания основателя монастыря. В целом, как отмечал Г. П. Федотов, "господствующая аскеза русских святых - пост и труд. Но хозяйственная жизнь монастыря получает свое религиозное оправдание лишь в его социальном служении миру. Все русские святые иноки настаивают на милостыни и благотворительности как условия духовного процветания."^[333] Вскоре слава о преподобном стала распространяться по окрестным местам и к нему начали стекаться ученики. Это было достаточно характерно для пустынножителей. "Отшельнику редко приходилось долго оставаться в безмолвии: его открывали окрестные крестьяне и другие пустынники. Около отшельника строились другие для желающих с ним сожительствовать, и составлялось пустынножеское братство."^[334]

Подобно преподобному Сергию, он пытался избежать нарушения своего уединения, но, видя в этом проявление воли Божией, отрекается от своего желания и становится игуменом вновь основанного монастыря, в котором учреждает общежительный устав. "Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией; ничего не считать своим, но все иметь общее – главное правило общежития."^[335] Последнее правило утверждалось и в завещании преподобного Стефана. Интересно также заметить, что монастырский храм и в Махрищской, и в Авнежской обители был освящен во имя Святой Троицы, также как и в монастыре преподобного Сергия Радонежского.

Не словесные поучения, а сам образ жизни, дела и подвиги игумена были лучшим наставлением для братии. В стихирах он прославляется как "иноковъ старейшина...добре текущимъ обучитель. Правило добродетелей известное."^[336] Как писал игумен Иоасаф, святой был "Божественнымъ Писаниямъ не токмо послушатель, но и хранитель и творец."^[337] Смирение, худость риз преподобного Стефана, подобно преподобному Сергию, делали в глазах не знающих его "единымъ от последнихъ братии."^[338] Автор жития ничего не сообщает о каких-либо особых телесных подвигах преподобного, веригах и т. п. И это достаточно характерно для русской агиографии. Поэтому Г. П. Федотов проводит параллели между палестинским и русским монашеством: "палестинцы не изобретают и не применяют искусственных упражнений для умервщления тела. Их аскеза состоит в воздержании: пост, лишение сна - и телесном труде. Их жизнь разделена между

одиноким молитвой и духовными благами общежития."^[339]

Трудолюбие, худость риз, кротость и молчаливость игумена Махрищского монастыря продолжают подвиги игумена Киево-Печерского монастыря преподобного Феодосия, ибо в этом монастыре принял постриг преподобный Стефан.

С устройением монастыря продолжалось странноприимство преподобного Стефана, о чем вновь сообщает автор жития. Возможно, монастырь имел хозяйственную направленность и плоды трудов братии щедро раздавались нуждающимся.

Неизвестно, какую духовную брань вел с врагом рода человеческого преподобный Стефан в тишине своей келии. В службе святому сказано, что он *"бесовские полки порамил еси. И ангелы возвеселиль еси."*^[340] В житии же рассказывается только о искушении, постигшем его от окрестных жителей. Будучи побеждаем *"отъ святого смириемъ и терпением"*, дьявол подстрекает некоторых окрестных жителей изгнать преподобного из монастыря из опасения за свои имения. Святой, видя духовную сущность происходящего, не стал обращаться к светским властям, великому князю, хотя, несомненно, имел такую возможность. Чтобы не довести этих людей до греха убийства, он вместе с преподобным Григорием уходит в вологодские пределы. Такие кротость и смирение преподобного принесли свой плод; был основан еще один, Авнежский монастырь, в котором ученики святого Стефана окончили свою земную жизнь мученическим подвигом.

Слава о святом подвижнике распространилась так широко, что сам великий князь Димитрий Иванович пригласил преподобного Стефана в Москву, желая беседовать с ним. Долго продолжались духовные беседы этих святых людей к удивлению приближенных князя. Там же, в Москве, преподобный Стефан совершил иноческий постриг преподобного Кирилла Белозерского, хотя никто до него не решался сделать этого против воли могущественного боярина Тимофея [Вельяминова](#). Преподобный Кирилл по благословению преподобного Стефана начал подвизаться в Симоновом монастыре под началом архимандрита Феодора, племянника преподобного Сергия Радонежского, и там встречался с самим святым Сергием. Таким образом, духовное возрастание преподобного Кирилла произошло на основании, заложенном этими великими подвижниками. Насажденное преподобным Стефаном и удобренное преподобными Сергием и Феодором принесло обильный духовный плод на берегу Белого озера. Так игумен Иоасаф выстраивает в Житии целый круг святых, тесно связанных друг с другом. Кроме преподобного Стефана, это и преподобный Сергий Радонежский, и ученики Стефана преподобные Григорий и Кассиан Авнежские, митрополиты Феогност и Алексей, благоверный князь Димитрий Иоаннович Донской и постриженник

святого Стефана преподобного Кирилл Белоозерский.

Преподобный Стефан после этих событий провел остаток дней, подвизаясь в Махрищской обители. Приняв великую схиму, он отошел в вечную жизнь.

Автор Жития выстраивает перед читателем как бы некую лестницу, по которой восходил преподобный Стефан на своем духовном пути. Юношеская чистота и смирение приводит его в Печерский монастырь. Здесь смирение инока соединяется с совершенным послушанием наставнику, любовь к богослужению и богомыслию приводит его к еще большей ревности в восхождении *"якоже некоею лестницею по неких степенех"*^[341] духовного совершенства. Отвергаясь славы мира сего, преподобный уходит в глухие леса, но, как *"град верху горы укрытися"* не может, так и к преподобному Стефану стекаются желающие иноческого жития. Рожденная от смирения добродетель любви к ближним проявляется в особом нищелюбии и странноприимстве преподобного. Святой подвижник безгневно терпит искушения от злых людей и побеждает козни врага рода человеческого. От его духовного светильника зажигаются две лампы – преподобные Григорий и Кассиан Авнежские. Сам образ жизни, добродетели преподобного Стефана лучше, чем слова и поучения, наставляли иноков созданных им обителей на путь духовную возрастания.

Автор Жития представляет читателям пример духовного роста, ведущего к святости, как назидание всем верующим.

Преподобный Стефан Махрищский, подобно преподобному Сергию, становится выразителем идеала святости нового периода истории Церкви, в котором отшельничество и жизнь в монастыре гармонично сочетаются в благодатной полноте. Необходимо также отметить, что житие и служба святому гармонично дополняют друг друга. В житии больше места уделяется внешней стороне жизни преподобного Стефана и событиям истории монастыря, а в службе все внимание обращается на духовную жизнь святого, зачастую скрытую от глаз посторонних.

* * *

Важным также представляется вопрос о взаимосвязи религиозно – нравственного идеала, выраженного в жизнеописаниях святых, с общими представлениями об этом идеале в XVI веке. Как известно, агиографические произведения служили назидательной цели, описывали жизнь святого как высокий пример для подражания. Поэтому в каждом произведении житийного жанра должны были отражаться особенности религиозно – нравственного мировоззрения той эпохи, когда это произведение было написано. Данный вопрос сформулировал А. Кадлубовский: "Научала ли эта проповедь (содержащаяся в житии. – Д.К.) каким – либо определенным добродетелям и каким именно; выражает ли она известный религиозно – нравственный идеал и может ли рассматриваться, как отражение

культурного состояния эпохи ? ”^[342] Он считал, что “в различных подробностях, которыми биографы характеризуют жизнь святого, не соображаясь подчас с действительностью, а иногда и противореча ей, - можно искать отражения образа мыслей, воззрений той или иной среды, тех или иных лиц в известную эпоху; можно думать, что на вопрос о значении житий для истории тех или иных идей возможен утвердительный ответ.”^[343]

Жития святых, написанные в XVI веке, отличаются обилием шаблонно – риторических фраз, соответствием агиографическому канону, но сам выбор этих формул, различные авторские элементы обуславливались представлениями писателя о том, какие идеи должно нести данное житие.

Эпоха XV – XVI веков, с одной стороны, характеризуется развитием пустынножительства и монастырской колонизации русского Севера; с другой стороны, “именно в эту эпоху жития отражают с большей ясностью черты более или менее определенного мирозерцания, в большей степени обнаруживаются между ними различия в указанном отношении ... которые допускают объяснение с точки зрения направлений религиозной мысли, определившихся в данную эпоху на Руси”.^[344] Особенно актуальным в это время был вопрос об отношении к монастырской собственности и некоторым образом связанный с ним вопрос об отношении духовных лиц к светской власти.

Преобладающее количество житий той эпохи описывали жизнь преподобных, ибо иночество являлось высшим идеалом русского человека. Иноческий идеал давал более реальную возможность читателю для подражания, чем идеал княжеский или святительский. Также иноческие жития предоставляли агиографу большую свободу по сравнению с житиями, к примеру, княжескими, где более ярко выраженным являлся исторический элемент.

В вопросе об отражении в агиографии религиозных представлений можно выделить два аспекта. Во – первых, в этих произведениях нашли отражения представления автора и окружающей его среды, о чем было сказано выше; во – вторых, сам материал, на основании которого агиограф составлял житие, реальные данные, например, дарственные грамоты, завещание преподобного, отдельные факты из жизни подвижника выражали отношение святого к тем или иным вопросам и явлениям церковной жизни. Конечно, важна и близость автора к описываемому святому и достоверность сведений о нем. Как видно из жития преподобного Стефана Махрицкого, игумен Иоасаф жил намного позже святого, о котором он писал, и даже не знал о преподобном Стефане до того времени, когда ему было поручено составить житие этого святого. С другой стороны, при работе над своим произведением он располагал достаточным объемом исторического материала. Поэтому не представляется возможным четко разграничить объективный (исторический) и субъективный (авторский) элементы в

данном произведении ввиду отсутствия независимых сведений о святом. Но некоторые особенности того и другого можно попытаться выделить.

Такие добродетели преподобного Стефана Махрицкого, как кротость, смирение и нищелюбие обращали на себя внимание современников преподобного и были отмечены иноком Серапионом; кроме того, они являлись типичной характеристикой всех святых иноков и поэтому особо подчеркивались игуменом Иоасафом. Следует отметить сходство этих черт, а также тяготение к безмолвию и уединению, худость риз с характеристикой преподобного Сергия Радонежского, из жития которого это, возможно, и было заимствовано. Также в рассказе о начале подвижничества преподобного Стефана автор приводит такие типичные для житий преподобных особенности, как внимание и любовь к церковной службе, послушание своему наставнику и усердное служение братии монастыря.

Стоит обратить внимание на то, что преподобный Стефан отказывался вначале принимать желающих с ним жить и подвизаться только потому, что он не хотел нарушать свое уединение. Автор жития ничего не говорит о том, что святой считал себя недостойным игуменского сана или священства; тоже самое относится и к эпизоду с хиротонией преподобного Григория. Видимо, в XVI веке игуменство и священный сан основателя обители были настолько понятны и естественны, что автор не стал уделять этому внимания.

Также в житии достаточно мало легендарных мотивов. Переселение преподобного Стефана из Киева в Москву, выбор места для Махрицкого и Авнежского монастырей объясняются вполне понятными житейскими соображениями, а не Божественным откровением или видением преподобному, хотя причину ухода из Киево – Печерского монастыря автор подтверждает цитатой из Священного Писания и риторическими рассуждениями. Надо отметить, что “во многих других жизнеописаниях святых пустынножителей ... передаются рассказы о видении святых подвижников, по прибытии на место уединения, на небе или на воздухе чудесного сияния, а иногда – церкви над тем местом, где впоследствии бывает сооружен храм”.^[345] Вообще, в житии нет ни одного рассказа о каких – либо видениях преподобному Стефану, случаях его прозорливости.

Кроме этих характерных черт, которые можно встретить во многих житийных произведениях практически любой эпохи, в тексте жития присутствуют некоторые особенности, более присущие именно XVI веку. А Кадлубовский полагал, что жития XV – XVI веков группируются по местностям. Он писал: “Первую категорию представляют жития, писанные в области, более или менее близкой к тогдашнему центру русской жизни, к Москве, вторую – писанные в пределах более или менее отдаленных, к северо – востоку.”^[346] Он связывает это с определившимися двумя течениями в монашестве: одно было сосредоточено а Волоколамском монастыре и связано с именем преподобного Иосифа Волоцкого, другое преобладало на северо

– востоке Руси и основывалось на взглядах преподобного Нила Сорского и его учеников.

По мнению Н.К. Гудзия, “две основные церковно – монастырские группировки – иосифлян и заволжских старцев – определили собой в XV и XVI веках характерные особенности идейного содержания житийной литературы, формально развивавшейся по традиционным схемам старого византийского шаблона.”^[347] Поддержка официальной властью первого течения привела к тому, что при митрополите Макарии, “в 1553 – 1554 годах, в Москве было осуждено на заточение вместе с двумя настоящими еретиками, Башкиным и Косым, много “заволжцев.” Несколько лет продолжались розыски в северных скитах. Это было настоящим разгромом целого духовного направления, и без того подавленного церковным торжеством осифлянства.”^[348] Очевидно, именно события 1553 – 1554 годов имел ввиду игумен Иоасаф, когда писал, что митрополит Макарий “*корение ересемъ посече.*”^[349]

А. Кадлубовский дал общую характеристику группам житий, отражавшим воззрения того и другого течения.

Жития, связанные с Иосифо – Волоколамским монастырем, отличает преобладание внешних форм религиозно – нравственного идеала, господство внешних определений в системе морали. В жизни святого особо выделяются также внешние формы подвижничества. Благочестие сводится по преимуществу к формальностям, букве закона; отсюда проистекает представление “о Боге карающем и грозном, идее неумолимой справедливости; эта идея заслоняет идею милосердия; религиозное начало получает характер суровый и мрачный.”^[350] Кроме того, данное направление характеризуется практическим направлением мысли и деятельности. На почве практицизма основывалась защита монастырского землевладения. Обращает на себя внимание и связь многих святых данного направления с великим князем и светской властью вообще. “Они (святые. – Д.К.) пользуются услугами светской власти и в свою очередь служат этой последней, подчиня ей Церковь и церковные дела, нередко даже отодвигая на второй план высшие, чисто религиозные и нравственные интересы.”^[351]

Жития, составленные на Северо – Востоке Руси, отличались вниманием к внутреннему совершенствованию, очищению сердца, безмолвию. Описываемые в житиях святые стараются уходить в глухие и пустынные места. В этих житиях нет “ни картин суровой нетерпимости к неверным или заблуждающимся грешникам, ни рассказов о карах, постигающих их как естественным, так и сверхъестественным путем и служащих внешним стимулом для нравственной жизни, особенно не находим мрачных и запугивающих образов эсхатологической и демонологической легенды.”^[352] В этих житиях чаще встречается элемент проповеди, назидания, который не развивает теории внешних подвигов, а указывают путь к духовному

совершенствованию, любви и смирению.

В большинстве житий данной эпохи за определенными стилистическими рамками можно проследить сочувствие автора к тому или другому течению. Конечно, агиограф не ставил целью проводить те или иные воззрения, а делал это непреднамеренно, просто стараясь возвеличить подвиги святого.

Надо отметить, что в вопросе близости определенного жития к одному из вышеуказанных направлений А. Кадлубовский не ограничивал период жизни святого только XV – XVI веками. Он относил жития преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского к группе северо – восточных житий, руководствуясь проявившимися в них “началам кротости, снисхождения и любви”^[353], нашедших выражение именно в этой школе.

Таким образом, А. Кадлубовский проследил два типа русской святости: взаимодействие с миром, социальное служение монастырей, исполнение внешних правил и особое внимание к внутреннему самосовершенствованию. Но “в ряде случаев, однако, мы не можем причислить святого к определенной школе: по недостаточной конкретности биографии или по самому характеру: умеренному, среднему – духовного пути подвижника.”^[354] Житие преподобного Стефана Махрищского показывает именно этот средний путь, свободный от крайностей того или иного направления.

Как следует из жития преподобного, святой Стефан не избегает контактов со светской властью. При переселении в Москву он встречался с князем Иоанном Иоанновичем, от которого получил грамоты для основания монастыря. Но стремление к пустынножительству заставило его поселиться в пустынном месте. Но контакты с московским князем на этом не закончились. По первому зову он навсегда покидает Авнежский монастырь и снова приходит в Москву к великому князю Димитрию Иоанновичу, с которым часто и помногу беседует. После этого преподобный Стефан по повелению великого князя (а не митрополита) до конца своих дней оставался в Махрищском монастыре.

Но преподобный не использовал такого влияния в великокняжеском дворце в своих интересах. Он не стремился к увеличению владений своего монастыря, а в известном конфликте с братьями Юрцовскими он не прибегает к помощи светской власти для их усмирения, а предпочитает подчиниться их требованиям и покидает свою обитель.

Однако в духовных вопросах преподобный Стефан не считает себя зависимым от светских лиц и не боялся навлечь на себя гнев окольничего, когда увидел особую ревность к монашеской жизни отрока Косьмы и постриг его в иночество с именем Кирилла.

Также надо заметить, что все описанные исцеления от могилы преподобного происходят только с простыми людьми, из окрестных сел и деревень. Среди них нет

ни одного знатного человека.

В житии преподобного Стефана прослеживается идея питания трудами рук своих, нестяжательства; он ходит в худых одеждах, всегда сам усердно трудится, “в поте лица яст хлеб свой”, но не отказывается и от вкладов в монастырь. Святой принимает “селитву с насеянными нивами” от преподобного Григория, вклады преподобного Кассиана, пожертвования благоверного князя Дмитрия. Но эти вклады представляли собой земельные участки, на которых нужно было трудиться, озера, провиант; в житии ничего не говорится о вкладах в виде серебра, золота, драгоценностей. Традиция пожертвований в монастырь продолжалась и после кончины преподобного. Часто исцеленные от гроба чудотворца в благодарность приносили в монастырь “потребное братиям.”

Еще при основании Махрицкого монастыря преподобный Стефан вводит общежительный устав, который завещает хранить и по его кончине. Игумен Иоасаф не сообщает, по каким правилам жили иноки в Авнежском монастыре, но можно предположить, что это также был общежительный устав. В целом, автор не останавливается на особенностях монастырской жизни, не уделяет внимания внешним формам дисциплины, общественной организации в обители, что было характерно для житий, вышедших из школы преподобных Пафнутия Боровского и Иосифа Волоцкого.[\[355\]](#)

Игумен Иоасаф не повествует о внешних подвигах преподобного Стефана. Отсутствуют рассказы о бдениях, строгом посте и умервщлении плоти подвижником. Это обстоятельство, а также примеры кротости святого в поучении братии, безгневие приближают данное житие к образцам северо – восточной агиологии. Также в житии нет описаний эсхатологических и демонологических видений и сюжетов, явных бесовских козней и искушений преподобного, ничего не говорится о наказании (прижизненном или посмертном) грешников. Автор лишь указывает, что вражда Юрцовских против преподобного возникла под действием дьявольских злоумышлений. Преподобный, понимая это, не наказывает, а прощает их. И далее в житии нет сюжета о карах, постигших этих людей.

Продолжая данное отношение преподобного к согрешающим, и в посмертных чудесах от гроба святого мы не встретим ни одного сюжета, связанного с карой Божией грешникам. Все болезни исцеленных никак не связываются с их прежними согрешениями, а само чудо исцеления приписывается только милости Божией, заступничеству преподобного Стефана и усердным молитвам самих исцеленных. Даже в случаях неверия в помощь преподобного (келаря Симеона в чуде умножения потребных пищи и питья) и невнимания к сонному видению святого (чудо о имеющим сухую руку) исправление и покаяние неверчивых происходит только благодаря увиденному чудотворению, а не каким – либо наказаниям.

С другой стороны, житие не содержит и традиционных для северо –

восточной агиографии поучений и наставлений в духовной жизни, назиданий инокам и читателям жития. Нет молитв преподобного и его прижизненных чудес.

По некоторым моментам жития в его авторе игумене Иоасафе можно увидеть писателя, принадлежащего эпохе создания единого Московского государства, времени Иоанна Грозного. Это проявляется в первую очередь в том, что автор сопровождает особыми эпитетами каждое упоминание имени Иоанна IV, называя его отца Василия III и приводя его иноческое имя. На второе место Иоасаф всегда ставит митрополита Макария, подчеркивая значение единства светской и церковной власти.

Житие было рассчитано в первую очередь на читателя, живущего в Московском государстве, поэтому игумен Иоасаф называет местом пострига преподобного Киево – Печерский монастырь как наиболее крупный и известный в Киеве. Возможно, это не соответствовало историческому факту, так как Н. Коноплев приводит сведения из обнаруженного им в Вологде иного, Авнежского варианта жития преподобного Стефана. Там сказано, что Стефан “родом киевлянин, постриженник Свято – Богоявленского монастыря”^[356], очевидно, малоизвестного в Москве. Но также остается непонятной истинная причина переселения преподобного Стефана из Киева в Москву. Автор указывает на притеснения православных латинянами, потому что московскому читателю была известна борьба литовских князей – католиков с православием и такая причина оказывалась понятной и убедительной.

Незадолго до времени написания жития, в 1551 году, войсками Иоанна Грозного была покорена Казань. Возможно, поэтому игумен Иоасаф приписывает разорение Авнежского монастыря “безбожным агарянам”, подчеркивая значение победы Иоанна IV. Об этом же пишет и Н. Коноплев: “Не нужно забывать, что игумен Иоасаф был современником покорителя Казанского царства. В его труде не мало отводится места панегиризму в честь Грозного, по поводу этого события. Вследствие этого, для него весьма естественно было, по аналогии с другими многочисленными случаями, заключить, что причина разорения Авнежского монастыря – нашествие татар, а чрез это дать себе лишний повод к восхвалению “во царех достохвального.”^[357] В Авнежском списке жития события разорения Авнежского монастыря описаны следующим образом: “Но благочестием и учением здешняя страна не просвещена, а злобою, и завистию, и прелестию помрачена: по попущению Божию, коварный супостат дьявол ... тогда самовластно живущим ... вложи злую мысль, чтобы их (преподобных. – Д.К.) имения разграбить и телеса убить и огнем сожещи. Омрачишася пианством, и несытством, и завистию и вскоре тии убиение священномученикам Григорию с Кассианом учиниша и огню предаша”^[358], то есть причина разорения монастыря заключалась в зависти и злобе окрестных жителей.

Таким образом, автор жития преподобного Стефана Махрицкого являлся типичным представителем московской агиографии второй половины XVI века. В данном житии он уделяет основное внимание наиболее типичным чертам в образе преподобного, которые характеризовали русских подвижников. Он избегает особенностей, присущих двум наиболее заметным направлениям в русской агиографии того времени, хотя наблюдается большее следование северо – восточной житийной традиции. Кроме самого авторского подхода, это могло быть связано как с самой жизнью преподобного, так и с теми документами, на основании которых было составлено это житие. Основной идеей произведения является мысль о духовном пути, умеренном и далеком от крайностей, освещаемом представлением о Боге как милующей любви и человеке, отзывающемся на эту любовь смиренной кротостью и любовью к ближним.

Заключение.

В данной работе был рассмотрен памятник древнерусской агиографии – “Житие преподобного Стефана Махрицкого.” Это житие принадлежит перу игумена Иоасафа – агиографа середины XVI века.

Житие было написано по поручению митрополита Макария и царя Иоанна Васильевича Грозного. При составлении жития автором были использованы письменные источники, хранившиеся в Стефано – Махрицком монастыре, и устные предания. В качестве образцов и источников заимствований для написания данного произведения игумен Иоасаф использовал жития преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, составленное Пахомием Логофетом, а также житие преподобного Сергия Радонежского Епифания Премудрого. В свою очередь, переработанные отрывки из жития преподобного Стефана Махрицкого вошли в одну из редакций Сказания об обретении мощей и чудесах преподобных Григория и Кассиана Авнежских. Также можно видеть, что сюжет о посещении Махрицкого монастыря игуменом Арсением, вошедший в позднее житие преподобного Арсения Комельского, был заимствован из жития преподобного Стефана Махрицкого.

Данное житие принадлежит к памятникам агиографии, написанных в эпоху митрополита Макария. Создание данного жития было неразрывно связано с общей церковно – политической обстановкой в Московском государстве в XVI веке, централизацией церковного управления, значительным числом вновь канонизированных святых, к которым принадлежит и преподобный Стефан Махрицкий. Как свидетельствует игумен Иоасаф, ранее общецерковной канонизации было установлено местное почитание памяти святого Стефана в

Махрищском монастыре и письменно зафиксированы воспоминания об основателе обители священноинока Серапиона.

План жития в целом, наличие общих мест и трафаретных формул соответствовал общепринятой агиографической традиции. Вместе с тем обращает на себя внимание присутствие в тексте значительного количества исторических фактов и эпизодов, что придает житию историческую достоверность.

Рассмотренные списки жития преподобного Стефана Махрищского в целом не имеют сколько – нибудь значительных различий и принадлежат к одной редакции. Самый ранний список жития относится к концу XVI века, самый поздний – к середине XIX века. Также в процессе работы был обнаружен не упоминавшийся ранее в научной литературе список сокращенной редакции жития преподобного Стефана, возможно, ставший переходной ступенью от редакции игумена Иоасафа к проложной редакции данного жития.

В качестве источников для определения возможного распространения почитания памяти преподобного Стефана Махрищского в Русской Церкви были использованы рукописные и старопечатные Месяцесловы, Святцы, старопечатные Прологи, богослужбные Минеи, церковные Уставы XVI – XVIII веков. Было установлено, что в большинстве изданий Пролога напечатано житие преподобного Стефана Махрищского и во многих изданиях Месяцесловов присутствует указание на празднование памяти этого святого. В рукописных Месяцесловах и Святцах, а также в старопечатных изданиях Святцев память преподобного Стефана встречается реже. Служба святому Стефану отсутствует во всех изданиях месячных Миней XVII – XVIII веков; также нет упоминания о памяти преподобному в церковном Уставе XVI – XVIII веков.

Кроме этого, было проведено сравнение исторических фактов и событий, описанных в житии преподобного Стефана Махрищского, с данными исследователей истории Русской Церкви.

В конце работы была предпринята попытка выявить в житии типические черты преподобного, сравнить их с особенностями, выделенными в службе преподобного Стефану, а также посмотреть, как в данном агиографическом произведении отразились особенности церковно – политического мировоззрения эпохи. Замечено, что в этом памятнике агиографии святому присущи черты, в целом характерные для идеального образа русского подвижника; особенно подчеркнуты его кротость, смирение и нищелюбие. Кроме того, житие преподобного Стефана Махрищского отражает особенности русского религиозного сознания XVI века. Однако автор в создании образа святого избегает крайностей, в некоторой степени свойственных агиографическим произведениям, относящимся к монашескому направлению иосифлян или заволжцев, хотя заметно некоторое преобладание типичных черт северо – восточных житий.

В целом представленное житие является достаточно типичным агиографическим произведением, принадлежащим кругу митрополита Макария, хотя и имеет ряд особенностей, свойственных литературному стилю игумена Иоасафа. К сожалению, это агиографическое произведение до сих пор привлекало мало внимания исследователей древнерусской литературы.

Библиография:

Рукописи:

1. ГИМ, Синодальное собрание № 807. Четии Минеи. Июль. Составил Иоанн Милютин. Скоропись. – Л.Л. 716 – 769 об.
2. ГИМ, Забелин, 525 – 40. Сборник житий и служб. 1760, скоропись. – Л.Л. 312 – 334.
3. ГИМ, Синодальное собрание № 542. Сборник. XVII век, полуустав, скоропись. – Л.Л. 428 – 478 об.
4. РГБ Ф 304 № 692. Жития русских святых. Сборник. Кон. XVI века, полуустав. - Л.Л. 707 – 728.
5. РГБ Ф 304 № 679. Четии Минеи. Июль. Составил Герман Тулупов. 1632, полуустав. - Л.Л. 303 – 336.
6. РГБ Ф 310 № 377. Житие Стефана Махрицкого. XVII век, скоропись. – Л.Л. 1 – 21.
7. РГБ Ф 310 № 378. Житие и служба Стефана Махрицкого. Нач. XVII века, полуустав. – 129 и 48 л.л.
8. РГБ Ф 304 № 637. Жития и службы Серапиону Новгородскому и Стефану Махрицкому. 1677, устав. – 69 л.
9. РГБ Ф 310 № 1101. Житие и служба Стефана Махрицкого. XVII век, полуустав. - 73 л.
10. РГБ Ф 199 № 121. Житие Стефана Махрицкого. Кон. XVII – нач. XVIII века, полуустав. – 39 л.
11. РГБ Ф 256 № 94. Сборник житий. XVII век, скоропись, полуустав. – Л.Л. 446 – 466 об.
12. РГБ Опт. № 228. Сборник житий. Втор. пол. XIX века, скоропись. – Л.Л. 2 – 79.
13. РГБ Ф 310 № 574. Сборник: жития, слова, поучения. XVI век, полуустав.
14. РГБ Ф 310 № 677. Четии Минеи. Июнь. Составил Герман Тулупов. 1631, полуустав. – Л.Л. 144 – 168.
15. РГБ Ф 310 № 635. Сборник житий. XVII век, устав. – Л.Л. 39 – 85.
16. РНБ, собрание М.П. Погодина № 734. Жития и службы Кирилла Белозерского и Стефана Махрицкого. 1615, полуустав. – Л.Л. 131 – 163.
17. РГАДА Ф 1204, опись 1, часть 15, дело 25797. Синодик и вкладная книга Махрицкого монастыря.
18. Ф 256 № 330. Месяцеслов. XVI в.
19. Ф 310 № 61. Месяцеслов всего лета с тропарями и кондаками XV, XVI, XVII в.в.
20. Ф 256 № 421. Месяцеслов. XVI в. – л.л. 154 – 203.
21. Ф 256 № 140. Месяцеслов. XVI в. – 391 л.

- [22. Ф 256 № 127. Месяцеслов \(в Евангелии\). XVI в. - -289 л.](#)
- [23. Ф 310 № 53. Месяцеслов всего лета с тропарями и кондаками. Кон. XVI в. – л.л. 270 – 367.](#)
- [24. Ф 310 № 51. Месяцеслов с тропарями, кондаками и новыми Русскими чудотворцами. XVI в. – л.л. 358 об. – 436.](#)
- [25. Ф 310 № 58. Месяцеслов с тропарями и кондаками. XVI в. \(нач. XVII в.\) – л.л. 226 – 272 об.](#)
- [26. М \(Большаков\) № 170. Месяцеслов или Святцы. XVI в. – 248 л.](#)
- [27. М \(Большаков\) № 136. Месяцеслов. XVI в.](#)
- [28. М \(Большаков\) № 161. Месяцеслов. XVI в. – л.л. 349 – 374.](#)
- [29. М \(Большаков\) № 160. Месяцеслов. XVI – XVII в.в. – л.л. 440 – 519.](#)
- [30. М \(Большаков\) № 240. Ирмологий с месяцесловом. нач. XVII в.](#)
- [31. Ф 379 № 22. Сборник певческий с месяцесловом. перв. пол. XVII в. – л.л. 353 – 400 об.](#)
- [32. Опт. № 106. Месяцеслов. Кон. XVII в. – 333 л.](#)
- [33. Ф 256 № 363. Сборник текстов, месяцеслов краткий, на избранные дни месяца. XVII в. – л.л. 684 – 695.](#)
- [34. Ф 310 № 436. Месяцеслов или святцы и пасхалия. XVII в. – л.л. 40 – 87.](#)
- [35. Ф 299 № 499. Месяцеслов. 1673 г. – л.л. 16 – 128.](#)
- [36. М \(Большаков\) № 342. Месяцеслов. XVII в. – л.л. 1 – 76.](#)
- [37. М \(Большаков\) № 175. Месяцеслов. XVII в. – 170 л.](#)
- [38. М \(Большаков\) № 164. Месяцеслов. XVII в. – 711 л.](#)
- [39. М \(Большаков\) № 249. Месяцеслов. XVII в.](#)
- [40. М \(Большаков\) № 179. Месяцеслов или святцы. XVII в. – 229 л.](#)
- [41. Ф 179 № 1683. Месяцеслов с краткими житиями. Кон. XVII – нач. XVIII в.в. – л.л. 201 – 259 об.](#)
- [42. Ф 256 № 281. Месяцеслов. 1748 г. – 207 л.](#)
- [43. Ф 218 № 1162. Месяцеслов. Пер. пол. XVIII в. – 143 л.](#)
- [44. Ф 310 № 460. Месяцеслов. 1771 г. – 53 л.](#)
- [45. Ф 218 № 1299/2. Месяцеслов на 1775 г. - 65 л.](#)
- [46. Фад. № 30. Месяцеслов. 1782 г. – 414 л.](#)
- [47. Ф 439 № 22/4. Месяцеслов особого состава, старообрядческий. 1770 – 1771 г.г. – 104 л.](#)
- [48. Ф 218 № 1163. Месяцеслов. Посл. четв. XVIII в. – 137 л.](#)
- [49. Костр. № 110. Месяцеслов. Кон. XVIII в. – 122 л.](#)
- [50. Ф 354 № 12. Месяцеслов и устав о христианском житии. Кон. XVIII в. – 296 л.](#)

- [51. Ф 178 № 1416/1. Месяцеслов. Втор. пол. XVIII в. – 160 л.](#)
- [52. Паз. XXII/5. Месяцеслов. Втор. пол. XVIII в. – 129 л.](#)
- [53. Ф 299 № 71. Месяцеслов. XVIII в. – л.л. 46 – 101.](#)
- [54. М \(Большаков\) № 295. Месяцеслов. XVIII в. – л.л. 1 – 20.](#)
- [55. О.Р. № 158. Месяцеслов на лето 1781. – 302 л.](#)
- [56. Ф. 304 № 364, Святцы, сер. XVI века. – 313 л.](#)
- [57. М \(Амфилох. 27\) № 667 – Святцы с воспоследованием. 1571 г. – 282 л.](#)
- [58. Ф. 218 № 606 – Святцы с календарными и грамматическими статьями, кон. XVI века. – 130 л.](#)
- [59. М \(Большаков\) № 241, Святцы, 1600 г. – 114 л.](#)
- [60. Ф. 304 № 365, Святцы, XVI в. – 164 л.](#)
- [61. Ф. 304 № 650, Святцы, XVI в. – л.л. 1 – 42.](#)
- [62. М \(Пискарев 12\) № 446 Святцы, XVI в. – 329 л.](#)
- [63. М \(Амфилох. 26\) № 666, Святцы, XVI в. – 386 л.](#)
- [64. Ф. 304 № 366, Святцы, нач. XVII в. – 209 л.](#)
- [65. Ф.299 № 457, Святцы, 1617 г. – 237 л.](#)
- [66. Ф.310 № 237, Святцы с житиями, 1621 г. – 290 л.](#)
- [67. Ф. 310 № 236, Святцы с житиями, пер. пол. XVII в. – 280 л.](#)
- [68. Ф. 310 № 438, Святцы и пасхалия, Сийский монастырь, 1672 г. – 38 л.](#)
- [69. Ф. 310 № 446, Святцы, кон. XVII в. – л.л. 1 – 4 об.; 85 – 106.](#)
- [70. Ф. 310 № 235, Святцы с летописью и пасхалией, кон. XVII в. – 683 л.](#)
- [71. О.Р. № 216, Святцы с пасхалией, втор. пол. XVII в. – 245 л.](#)
- [72. Ф. 310 № 439, Святцы, XVII в. – 112 л.](#)
- [73. Ф. 304 № 367, XVII в. – 566 л.](#)
- [74. Ф. 310 № 234, Святцы с житиями, XVII в. \(1621 г.?\) – 406 л.](#)
- [75. Ф. 310 № 122, Святцы с тропарями и кондаками, XVII в. – 179 л.](#)
- [76. Ф. 299 № 60, Святцы, XVII в. – 178 л.](#)
- [77. Ф. 299 № 68, XVII в. – 303 л.](#)
- [78. М \(Большаков\) № 340, Святцы, XVII в. – 185 л.](#)
- [79. Ф. 299 № 546, Святцы с уставом, кон. XVI – нач. XVII в.в. – 520 л.](#)
- [80. Ф. 310 № 435, Святцы в таблицах, XVII в. – л.л. 1 – 7.](#)
- [81. Ф. 310 № 233, Святцы с летописью или краткими житиями, XVII в. – 206 л.](#)
- [82. О.Р. № 36, Святцы, нач. XVIII в. – 210 л.](#)
- [83. Ф. 178 № 1499, Святцы с дополнительными статьями, втор. пол. XVIII в. – 344 л.](#)
- [84. Ф. 310 № 455, Святцы, кон. XVIII в. – л.л. 1 – 16 об.](#)

- [85. Ф. 310, № 124, Святцы в кругах, XVIII в. – 190 л.](#)
- [86. Никиф. № 676, Святцы, XVIII в. – 115 л.](#)
- [87. Ф. 218 № 607, Святцы с пасхалией и другими статьями, перв. пол. XIX в. – 197 л.](#)
- [88. Ф. 310 № 125, Святцы – выписка о русских святых, XIX в.](#)

Старопечатные книги:.

- [89. Месяцеслов. М., Печатный двор. 1647 г.](#)
- [90. Месяцеслов. М., Печатный двор. 1659 г.](#)
- [91. Месяцеслов. М., Печатный двор. 1662.](#)
- [92. Месяцеслов. М., Печатный двор. 1705.](#)
- [93. Месяцеслов. Киев. Типография лавры. 1718.](#)
- [94. Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1727.](#)
- [95. Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1734.](#)
- [96. Месяцеслов. Почаев. 1778.](#)
- [97. Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1780 \(или 1784\).](#)
- [98. Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1794.](#)
- [99. Месяцеслов. М., Синодальная типография. 1795.](#)
- [100. Месяцеслов. Спб., 1797.](#)
- [101. Минея месяц июль. М., Печатный двор. 8. II. 1629.](#)
- [102. Минея месяц июль. М., Печатный двор. 1.VI. 1646.](#)
- [103. Минея месяц июль. М., Печатный двор. IX. 1691.](#)
- [104. Минея месяц июль. М., Печатный двор. VIII. 1693.](#)
- [105. Минея месяц июль. М., Печатный двор. XII. 1705.](#)
- [106. Минея месяц июль. М., Печатный двор. VII. 1711.](#)
- [107. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. X. 1724.](#)
- [108. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. 1741.](#)
- [109. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. VIII. 1754.](#)
- [110. Минея месяц июль. Почаев, типография лавры. 1761.](#)
- [111. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. IX. 1768.](#)
- [112. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. I. 1771.](#)
- [113. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. III. 1776.](#)
- [114. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. XII. 1778.](#)
- [115. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. I. 1782.](#)
- [116. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. XI. 1788.](#)
- [117. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. XII. 1793.](#)
- [118. Минея месяц июль. М., Синодальная типография. XII. 1799.](#)

- [119. Пролог печатный \(III - VIII\). М., Печатный двор. 1660.](#)
- [120. Пролог печатный \(март – август\). М., Печатный двор. 17. III. 1662.](#)
- [121. Пролог печатный \(март – август\). М., Печатный двор. I. 1677.](#)
- [122. Пролог печатный \(2 – е полугодие\). М., Печатный двор. XII. 1685.](#)
- [123. Пролог печатный \(III - VIII\). М., Печатный двор. XI. 1689.](#)
- [124. Пролог печатный \(март – август\). М., Печатный двор. II. 1696.](#)
- [125. Пролог печатный \(ч. 2\). М., Печатный двор. XI. 1702.](#)
- [126. Пролог печатный \(ч. 2\). М., Печатный двор. V. 1718.](#)
- [127. Пролог печатный \(2 - полугодие\). М., Синодальная типография. I. 1735.](#)
- [128. Пролог печатный \(2 – е полугодие\). М., Синодальная типография. IX. 1747.](#)
- [129. Пролог печатный \(июнь - август\). М., Синодальная типография. III. 1752.](#)
- [130. Пролог печатный \(2 – е полугодие\). М., Синодальная типография. IV. 1765.](#)
- [131. Пролог печатный \(2 – е полугодие\). М., Синодальная типография. XII. 1779.](#)
- [132. Пролог печатный \(VI - VIII\). Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 21. I. - 24. III. 1786.](#)
- [133. Пролог печатный \(июнь - август\). Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 1788.](#)
- [134. Пролог печатный \(2 – е полугодие\). М., Синодальная типография. X. 1792.](#)
- [135. Устав церковный. М., Печатный двор. 25. IV. 1610.](#)
- [136. Устав церковный. М., Печатный двор. 20. II. 1633.](#)
- [137. Устав церковный. М., Печатный двор. 26. III. 1641.](#)
- [138. Устав церковный. М., Печатный двор. VIII. 1682.](#)
- [139. Устав церковный. М., Печатный двор. IV. 1695.](#)
- [140. Устав церковный. М., Печатный двор. IX. 1700.](#)
- [141. Устав церковный. М., Синодальная типография. IX. 1755.](#)
- [142. Устав церковный. М., Синодальная типография. 1763.](#)
- [143. Устав церковный. М., Синодальная типография. VI. 1782.](#)
- [144. Устав церковный. М., Синодальная типография. XI. 1796.](#)
- [145. Святцы. М., Печатный двор. 11. IX. 1639.](#)
- [146. Святцы. М., Печатный двор. 6. XII. 1646.](#)
- [147. Святцы. М., Печатный двор. 14. XI. 1648.](#)
- [148. Святцы. Антониев – Сийский монастырь. 1672.](#)
- [149. Святцы. Киев. Типография Печерской лавры. 1680.](#)
- [150. Святцы. Супрасль. 1774.](#)
- [151. Святцы. Почаев. 1778.](#)
- [152. Святцы. Клинцы. Типография Дм. Рукавишникова и Як. Железникова. 20. VIII.](#)

1786.

153. Святцы. Супрасль. Супрасльская типография. 1786.

154. Святцы. Супрасль. Старообрядческая типография. 1796.

155. Святцы. Супрасль. Старообрядческая типография. 1797.

156. Святцы. Вильно. Типография Виленская. 1799.

Исследования:

157. Адрианова – Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. - М – Л. 1947. – 185 с.

158. Архангельский А.С. Лекции по истории русской литературы. - Казань. 1913. - 526, LXXXVII с.

159. Барсуков Н.Б. Источники русской агиографии. - Спб. 1882. - XI, 616, VIII стлб.

160. Богуславский С.А. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии.//Сборник: Статьи по славянской филологии и русской словесности. - Л. 1928. – С.332 – 336.

161. Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI веках. - М.: Наука, 1966. – 392 с.

162. Будовниц И.У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. – М.: Наука, 1962. – 397 с.

163. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. - Спб. 1861. - 429 с.

164. Вагнер Г.К. Проблема жанров в древне – русском искусстве. - М.: Искусство, 1974. – 266 с.

165. Васильев В. История канонизации русских святых. - М. 1893. - 256 с.

166. Великие Чети Миней Макария митрополита Всероссийского. Сентябрь - Спб. 1883. - стлб.1393 – 2300 .

167. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. - М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории.1997. - кн. 3. Т. 2. Пол. 2. – 919 с.

168. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. - М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории.1998. - Кн. 4. Т. 2. Пол. 2. – 616 с.

169. Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. - Сергиев Посад. 1894. - 264 с.

170. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Описание собрания рукописей Оптиной пустыни. – М. 1958. Машинопись. – Т. II. – 275 с.

171. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Опись

собрания рукописных книг А.Н. Попова. Фонд № 236. XIII – XIX в.в. – М. 1964. Машинопись. – 109 с.

172. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Описание фонда № 310. Собрание В.М. Ундольского. – М. 1975. Машинопись. – Т. III. – с. 313 – 638.

173. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание Никифоровых. Ф 199. – М. 1970. Машинопись. – 254 с.

174. Грушевский М. Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV века. - Киев. 1891. – XVI, 520 с.

175. Дмитриев Л.А. История жанров в русской литературе X – XVII веков.//Труды Отдела Древнерусской Литературы. - Л., 1972. № 27. – с. 181 – 202.

176. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII веков. - Л., Наука. 1973. - 302 с.

177. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Сообщил архимандрит Леонид. - Спб. 1885. – XXVIII, 163, 14 с.

178. Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель в России в XVI веке. - Л.: Наука, 1985. - 272 с.

179. Кадлубовский А. П. Очерки по истории древне – русской литературы житий святых. 1 – 5. - Варшава. 1902. - 389 с.

180. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. - М. 1871. - 465, IV с.

181. Ключевский В.О. Курс русской истории. - М.: Госполитиздат. 1957. - т. 2. - 468 с.

182. Колобанов В.А. Владимиро – Суздальские литературные памятники XIV – XVI века. - М.:МГПИ, 1982. – 172 с.

183. Коноплев Н. Святые вологодского края. // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1895. - кн. IV. отд. IV. - с. 1 – 131.

184. Кучкин В.А. Сергей Радонежский.// Вопросы истории. - 1992. - № 10. – с. 80 – 98.

185. Леонид, архимандрит. Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга. - М. 1878. – 38 с.

186. Леонид, архимандрит. Святая Русь. Справочная книжка по русской агиографии. – Спб., 1891. – 220 с.

187. Лихачев Д.С. Избранные работы. - М.: Художественная литература, 1987. - Т. 1. - 656 с.

188. Лихачев Д.С. Избранные работы. - М.: Художественная литература, 1987. - Т. 3. - 520 с.

189. Лихачев Д.С. Исследования по русской литературе. - Л.: Наука, 1986. - 406 с.
190. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М.: Наука, 1979. - 359 с.
191. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. - М.: Издательство Спасо – Преображенского монастыря, 1995. - кн.3. т. 4 –5. - 703 с.
192. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. - М.: Издательство Спасо – Преображенского монастыря, 1996. - кн. 4. ч. 1. т. 6 – 7. - 591 с.
193. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. - М.: Издательство Спасо – Преображенского монастыря, 1996. - кн. 4. ч. 2. т.8. - 439с.
194. Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. - Одесса, 1870. - ч.1. - 6, 173, 48 с.
195. Описание Киево – Печерской Лавры. С присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов Лавры и обеих пещер. – Киев. 1831. – 366 с.
196. Описание славянских рукописей библиотеки Свято – Троицкой Сергиевой Лавры. – М. 1878. – XIX, 352, 240, 267, 44 с.
197. Орлов А.С. Древняя русская литература XI – XVI веков. - М. – Л. 1937. - 288 с.
198. Панова Т. Д. Данные археологии об атрибутике русского монашества периода средневековья.//Искусство христианского мира: Сб. статей. – М 1999. - Вып. 3. – с. 144 – 151.
199. Петухов Е. Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. - Пг. 1916. – IV, XXVIII, 476 с.
200. Порфирьев И. История русской словесности. - Казань. 1913. - ч.1. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра В. - 724, IV с.
201. Пыпин А.Н. История русской литературы. - Спб. 1898. - Т.1. - XII, 484 с.
202. Славяно – русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. – М. 1870. – III, 437, 64 с.
203. Словарь книжников и книжности Древней Руси./Отв. ред. Д.С. Лихачев. - Л.: Наука, 1988. - Вып. 2. Ч. 1. – 516 с.
204. Словарь книжников и книжности Древней Руси./Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Спб.: Наука, 1992. – Вып. 3. Ч. 1. – 410 с.
205. Словарь книжников и книжности Древней Руси./Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Спб.: Наука, 1993. – Вып. 3. Ч. 2. – 438 с.
206. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных Дел. - М. 1813. – Ч. 1. – 680 с.
207. Соловьев С.М. Сочинения. - М.: Мысль. 1988. - Кн. 2. т. 3 – 4. - 765 с.
208. Сперанский М.Н. Древняя русская литература. Московский период. - М. 1913.

209. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. - Спб.: Издательство археографической комиссии. 1877. - XXVI с., 1056, 67 стлб.
210. Шевырев С.П. История русской словесности. - М. 1859. – ч. 3 – 4. – XVI, 224, 128 с.
211. Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. - М., 1888. - Пер. 2: Монгольский, от опустошения России до разделения митрополии. (1237 – 1410). – 185 с.
212. Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы. - Харьков. 1859. - Кн. 1. – 447 с.
213. Федотов Г.П. Святые древней Руси/[вступит. статья А. Меня] - М.: Издательский центр “Терра”; книжная лавка – РТР, 1997. – 220, [3] с.
214. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. М.: Издательство МГУ, 1986. – 206 с.
215. Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. - Казань. 1881. - 377 с.

Список сокращений.

1. ГИМ – Государственный Исторический музей.
 2. РГБ – Российская Государственная библиотека.
 3. РГАДА – Российский Государственный архив Древних актов.
 4. РНБ – Российская Национальная библиотека (г. Санкт – Петербург).
 5. ТСЛ – Троице – Сергиева Лавра.
- Синод. Собр. – Синодальное собрание Отдела рукописей Государственного Исторического музея.

В тойже день житие и подвизи преподобнаго отца нашего Стефана иже на Махрищи.

Понеже убо преблагий нашъ владыка Богъ и Господь Исус Христос всегда намъ устрояя благая и полезная и о нашем спасении промышляя, прежде многих литъ пророкы своя посла прорицающих того во смотрение. На послѣдокъ же лѣтъ, посла Сына своего Единороднаго, раждающагося от жены. И бывающаго под закономъ. Да подзаконныя искупить, яко же глаголетъ божественный Павелъ. Потом же посла священныя своя^[359] и божественныя апостолы^[360] во вся языки, проповѣдати того славу, и просвѣтити насъ во тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдящая, и направити ноги наша на путь миренъ. И от многобожия на истинное богоразумие привести^[361], и и/(л. 303 об.) дольския нечистоты премѣнити святым крещениемъ. Во всю бо^[362] землю изыде вѣщание ихъ и в конца вселенныя глаголы ихъ, по глаголющему пророку Давиду^[363]. Даже и до нашего языка российскаго^[364] доиде гласъ онъ божественый, священныя трубы, великаго, глаголю, и богогласнаго апостола Андрѣя, брата Петрова яко орла, или яко же рещи молнию протещи вселенную. Егда же быти ему на мѣстѣ идѣже есть град Киевъ, и ту прорече сущимъ с нимъ учеником, яко ту хошет градъ быти великъ и многочиселеченъ, и истиннаго Бога познают, и веровати ему имутъ, и церкви многи и монастыря поставятся^[365] еже и бысть. И постави крестъ на ономъ мѣсте божественный Андрѣй.^[366] По лѣтех же нѣколицѣхъ бысть градъ на томъ мѣсте, по проречению^[367] божественаго апостола^[368]. И людие мнози бяху^[369] живущей в немъ. Но омрачае/(л. 304)ми бяху идолослужениемъ, дондеже егда воздвиже Господь Богъ яко же Моисея вожа Израилю и наставника. Сиче и новаму Израилю людем своим воздвиже великаго князя Владимира сына Свѣтослава новаго апостола. Или яко же иногда великаго въ царѣхъ Константина^[370]. Сей не от Египта насъ и работы изведе, но от идолослужения работы избави. Не море чювьсвеное проведе, но невѣрия морѣ мысленое крестною палицею раздѣли, и к богоразумию приведъ святым крещениемъ всю землю Руськую^[371], Сиче же сему бывающу, людем христоименитымъ множествующимъ^[372] и радующимся, и вѣре православнѣй цвѣтущи^[373]. Церквам же многимъ и монастыремъ поставленом бывшимъ и многимъ мужемъ духовным, яко же нѣкимъ столпомъ непоколебимым, в постныхъ подвижѣхъ просиявшим. Иже кра/(л. 304 об.)сная и в мале услаждаемая мира сего отвергъших будущая ради жизни яже уготова Богъ любящимъ Его. Якоже иногда бяше въ Египте древле идолом кланяющесе, послѣди же иноческая множества и постническая тамо^[374] умножахуся. Якоже николиже нигдѣже^[375] толико святыя мужем обрѣтатися. Идѣже бо грѣхъ умножися тамо благодать преизобилова. Якоже рече богогласный Исаия: Людие ходящеи во тмѣ свѣт восия имъ. Тако же нынѣ в Русей^[376] земли всѣми нами видимо есть. Якоже звѣзды^[377] сияюща, иже озаряютъ мысленую твердь церковную, или якоже свѣтилницы на свѣщницѣхъ поставлени быша свѣтити миру всему богоподражательным своим житиемъ и учениемъ. По смерти же чудесы и знаменми. В нихже есть сей достохвалный Стефанъ о нем же нам/(л. 305) днесъ^[378] слово предлежитъ. ^[379]Кто убо есть сей^[380] и откуда, сказати ми подобаетъ. От оного прежереченаго великаго града Киева сей бяше. Родися от родителю христиану и благочестиву^[381] и вѣрну. И да не мнить мя кто яко не истинно^[382] пишуца еже о святемъ. Обычай бо есть невѣрию ползу погубляти, рече блаженный Лѣтствичникъ. Понеже убо^[383] многа лѣта, уже преидоша отнели же сей блаженный бысть. Даже и доднесъ о житии его никто же воспомяну. Чюдесем же многимъ бывшимъ от гроба святого. Егда же царства великаго^[384] российскаго правя скипетра благочестивый и хвалам достойный самодержецъ и достохвалный въ царѣхъ Иоаннъ, сынъ приснопамятнаго онога великаго князя Василия, иже Варламъ нареченный во иноческомъ образѣ, сей велико тщание показа ко святымъ церквамъ и монастырем, и духовныя му/(л. 305 об.)жа взыская, и молитвы от нихъ приемля, и честь велику подае^[385] имъ. И елицы от

нихъ от жития сего отъидоша ихже жития почитая и памяти торжествуя, паче инѣ царей прежде его бывших^[386]. Яко же^[387] и пресвященный Макарие, иже тогда украшая престолъ Руския^[388] митрополия. Иже в лѣта паствы своя, словесною секирою корение ересемъ посѣче. Сии слышаху о преподобнемъ Стефанѣ, елико Богъ творить чудеса его ради. О семъ бо Самъ глаголетъ Господь^[389]: Славящая мя прославлѣ^[390]. Мнѣ же смиренному, прежде написавшу о явлении мощей и о чудесѣхъ преподобныхъ^[391] Григория и Касияна иже на Авнезе бывшихъ ученичѣхъ святаго Стефана. Прилучи же ся написати еже и о житии стого Стефана и о чудесѣхъ его. И не яко премудру и художества исполнену ми сушу, или высоко слово имушу, но паче грѣ/(л. 306)шну ми и смирену, и просту словом и бесѣдою. И боюшу же ми ся притча оногo лѣниваго раба, съкрывшаго иногда талантъ. И никтоже ми о семъ да зазрит, понеже быхъ посѣлянинъ и невѣжда слову, по глаголющему: Быхъ невѣжда словом, но не разумомъ. Азъ же и разумъ кратокъ, и недостаточенъ нѣкако имѣхъ, но и осемъ подобает ми содѣтеля моего Бога благодарити. Иже от Духа своего на всяку плоть излиавшу, и слово сложно и разума исполнено даровавшу овому сице, другому же сице. Но о семъ молю отеческую и духовную вашу любовь^[392], яко да молитвою вашею поможе ми. Еже подати ми ся от Всемогущаго Бога слову во отвержение устъ моихъ, еже нѣчто написати от жития преподобнаго Стефана. Понеже извития словесемъ не вѣмъ, ни рѣшени притчамъ не навыкохъ, ни у фило/(л. 306 об.)софѣ^[393] учихся грамотикия же и риторикия никогдаже прочитахъ. Ниже тщеславня ради сие дерзнухъ. Ни от человекъ славы сия мимотекуция взысках, но повелѣнъ быхъ иже от тогда украшающаго престолъ матере церквамъ Пречистыя^[394] Богородица Руския^[395] митрополия святѣйшаго, глаголю, господина митрополита Макария^[396]. Како же и отнуду^[397] начало слову положу еже о житии святаго помышлях в себѣ. Понеже лѣта многая уже^[398] преидоша, яко святый^[399] преставися^[400] от жития сего. Азъ же извѣстно о семъ^[401] не вѣмъ, како родися и воспитанъ бысть преподобный и отвержеся мира, и иноческое житие како проходя, или како преставися от жития сего. Сия же ми помышляюшу, и о семъ немало^[402] попечение ми бысть. И помыслихъ в себѣ глаголя, яко луче ми есть идти во обитель святаго, юже святый^[403] самъ своими тру/(л. 307)ды и поты созда, и тамо от добрѣ вѣдящихъ извѣстно испытати, по глаголющему: Вопросы рече отца твоего и возвестит тебѣ, и старца твоя и рекут тебѣ. Сему же бывшу. Достигох обители святаго и вопрошах ту сушаго игумена Варлама, и инѣхъ^[404] инокъ тоя обители о святѣмъ. Они же принесоша ми от монастырскаго ксенодохия^[405] свитцы на хартияхъ написаны бяху прежде многа времени, от нѣкоего старца саномъ суца священника тоя обители, именованъ Серапиона, прадеда бывша тому игумену Варламу.^[406] Иже бысть самовидецъ^[407] преподобному Сергию и Стефану. И многа еже о добродѣтелях исправления ихъ своима очима видѣ той Серапионъ. Ина же от юности творимая добродѣтели святаго Стефана от ученикъ его извѣстно слыша. Елицы снимъ и по немъ от Киева приидо/(л. 307 об)ша. Сего^[408] же Серапиона свитцы прияхъ и прочтохъ, в нихже обрѣтохъ вкратцѣ написано бяхе еже о житии и исправлениихъ преподобнаго Стефана.^[409] И радости исполнихся, яко не вотще труд ми бысть^[410]. И тако простре убогую мою десницу. И милости от Бога всемогущаго^[411] прося, могущаго невежду умудрити, и младенцемъ неразумнымъ разумъ даровати. Паче же и милость^[412] святаго надѣяся и от вас самѣхъ милость^[413] прикоснухся^[414] дѣлу. Егда^[415] же родившуся сему блаженному, и крестивша и во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Егда же устрабившуся отроку, и времени приспевшу, вданъ бываетъ от родителей своих на учение божественнымъ книгамъ. И вскоре извыче божественныхъ книгъ писания. Растушу же ему во всякомъ благовѣиинствѣ и чистотѣ, и просвещеномъ разумѣ, и дошедъ совершенна возраста, желаяше/(л. 308) иноческаго жития, бѣ бо от младыхъ ногтй^[416] любя смирение. И тако отшедъ в Печерский^[417] монастырь и от сушаго ту архимарита постризается. Со отъятиемъ же власъ всяко плотское мудрование отрѣзуетъ и бываетъ во всемъ совершенъ послушникъ. Духовному своему отцу послѣдуя въ дневныхъ убо и ношныхъ правилѣхъ, въ церкви прежде всѣхъ обрѣтатися, и последи

всѣхъ исходити, на молитвѣ же вцеркви егда стояти ему послуша божественаго писанна со всяцемъ вниманиемъ и трезвениемъ, нозѣ неподвижнѣ имѣя, ниже от мѣста на мѣсто преходя до отпушения пѣнию, ниже очима своима помѣтая сѣмо и овамо. Яко да не отлучитися умъ его от Бога, зрѣниемъ суетныхъ и мимоходящихъ вещей, но горѣ всегда седечнии свои очи^[418] имѣя и руцѣ согбенѣ имѣя яко осуженикъ и никогдаже на сѣгну восклонися, но всегда поминая псаломское слово^[419] въ сердцы своемъ, глаголя: Предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть^[420], да ся не подвижу. Лѣта же доволна в такомъ устроении препроводивъ, день от дни^[421] якоже нѣкоею лѣствицею по нѣкихъ степѣнехъ текий горѣ послѣшаяся. Восхождение въ сердцы^[422] полагая, задняя забывая, къ преднимъ простираяся. Славу же мира сего яко маловременну и суетну и^[423] пустошну^[424] преобидѣ весма^[425], поминая апостола, глаголюща: Яко видимая временна, невидимая же вѣчна. Толико же наставника своего почиташе, яко ни единому же словеси его дати пасти на землю, поминая апостола Павла, глаголюща: Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся,/(л. 309) ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще.^[426] Братиямъ же безлѣности служба, не яко человекомъ, но яко самому Богу^[427], глаголя к себѣ апостольско слово сице: Удержу си тѣло и порабощу е. И всѣмъ образъ бываше в монастыри, добродѣтельнаго ради жития его. Смирения реку и кротости и молчания, паче же и послушания. **В** то же время грѣхъ ради нашихъ, граду Киеву обладану бывшу богомерскою латыною^[428] и утѣсняеми и насилуеми благочестивии от нечестивыхъ. Якоже класы пшеничны терниемъ подавляеми. Мнози тогда духовнии мужи отходятъ от Киева и от монастырей своихъ. Кое бо причастие свѣту ко тмѣ, или кая часть вѣрну с неверными, или кое сложение церкви Божией со идолы, кое ли согласие Христови к Велиару глаголетъ божественный апостоль. **Что** же^[429] творит тогда преподобный Стефанъ? Восприемлет/(л. 309 об) въ сердцы своемъ слово пророческое глаголющее: Изыдите от среды ихъ и отлучитесь и нечистотѣ не прикасайтесь. **И** исходит блаженный тогда от Киева и пути водящаго къ сѣвернымъ странамъ пресловущаго града Москвы касается, бѣ бо слыша тамо непоколеблему и непорочну Христовою благодатию^[430] христианскую православную вѣру^[431], глаголя сице: Стопы моя направи по словеси твоему, да не одолѣетъ^[432] ми всяко беззаконие. И избави мя от клеветы человеческия и сохранию заповѣди твоя. Лице твое просвети на раба твоего, и научи мя оправданиемъ.^[433] **И** паки: Настави мя, Господи, на путь твой, и пойду во истиннѣ твоей, да возвеселится сердце мое боятися имени твоего. **И** сотворивъ молитву радуясь идяше в путь. **И** тако помале достизаетъ предреченнаго гра/(л. 310 об.)да Москвы, и видѣ православную вѣру добре цвѣтущу, и церкви многы и монастыря, и преспѣвающихъ во оной православней вѣрѣ^[434] людей. **В** лѣта благочестиваго великаго князя Ивана Ивановичя. **И** возрадовася душею преподобный, видѣвъ его добрѣ правяща скипетра великия Росия, и утвержающа православную святую христианскую веру^[435]. **И** поставляюща святыя Божия церкви и устрояюща монастыря. Любяща священники^[436], и милостыню доволну подавая убогимъ, и иноческому же чину честь велию воздая. **С**его же блаженнаго Стефана приимъ, добрѣ и паче инѣхъ почиташе, вѣдый его мужа суща праведна и свята, и в добродѣтеляхъ совершена, и божественнымъ писаниемъ сказательна. Слыша бо от нѣкихъ о житии его. **И** часто бесѣдоваше с нимъ о ползѣ душевной. **Б**лаженный же Стефанъ, от младенства нена/(л. 310 об.)видя славы от человеческия^[437], и любя безмолвие и смирение, и зазираше себе^[438] о семъ. **И** начат молити самодержьца^[439]: **О** благовѣрный и христоролюбивый самодержьце! **О** семъ молю тя, да ми повелитъ^[440] твоя дрѣжава во области царствия твоего устроити монастырь. Боголюбивый же самодержьецъ, благоверный и христоролюбивый великий^[441] князь Ываннъ^[442], дастъ ему доволная^[443] вся, яже на потребу строения монастырьска, и своя царская писанна, яже быша^[444] и донинѣ во обители святого. **И** милостыню доволну подаде и отпусти его. Преподобный же Стефанъ давъ миръ благовѣрному великому князю Иоанну, и сотворивъ молитву и отъиде. Проходя убомногия мѣста, и дубравы, послѣдиже доиде мѣста зовомое Махрище, идѣже нынѣ монастырь

стоит. И возлюби оно мѣсто [445]. Бѣ бо угодно зѣло [446] к мона/(л. 311)стырьскому строению и красно и воду имуще доволну. И якоже сг҃нами н҃жкими водою окрестъ ограждено. И сотвори молитву и водрузи крестъ на ономъ мѣсте. Потомже к҃лию постави. Многи же труды к симъ прилагая и поты. Л҃хсѣ с҃ччаше, и нивы нас҃чяше. Не яко да обогатится симъ, но да не бездѣленъ и празденъ ястъ хл҃бъ свой. И во вся дни яко осуженикъ мняшеся быти, поминая оно Господне [447] слово, еже къ праотцу Адаму: В потѣ лица твоего сн҃си хл҃бъ твой. Также [448] и Павла апостола глаголюща: Аще [449] кто не хочет дѣлати ниже да ястъ [450]. Онъ бо самъ глаголетъ о себѣ: "Требованию моему и сущим со мною послужисте, роуцѣ мои сии [451]. Тако же и блаженный Стефанъ, приемля всегда странныя и нищия и питаше ихъ, и подавая имъ, яже на потребу, поминая премудраго Соломона/(л. 311 об.) глаголющи: Чти Господа от твоихъ праведных трудовъ и прочее. И нитакже возможе утаитися преподобный [452] от человекъ в пустыни сый, якоже ни градъ верху горы стоя [453] укрытися может. Начаша мниси отвсюду приходити к нему. Онъ же едва умоленъ бысть от нихъ и повинувся приимати ихъ. Исперва же не хотяше приимати ихъ, яко пресѣцати имуть безмолвие его [454]. Егда же собравшемся братиамъ къ нему отвсюду, число немало инокъ [455], и поставляетъ преподобный молитвенный дом церкви вславу Святыя Живоначальныя и Нераздѣлимыя Троицы [456]. И освящаетъ ю по благословию святѣйшаго митрополита Феогнаста. И потомъ от того же святѣйшаго митрополита [457] священническа сана сподобляется, и поставляетъ монастырь четверуголенъ. Трапезу же и магерницу и келии братиямъ по чину устра/(л. 312)яетъ, и сотворяетъ тогда общее жительство. Окрестъ [458] же бѣ мѣста того живущей христороубивии мужие, приходяще мнози от нихъ постризахуся, жительствовати с нимъ хотяще, и доброму о Христѣ житию его подражати. Преподобный же Стефанъ приемля ихъ с радостию и нелѣстно [459] учаше ихъ и наказуя. Самъ же болма подвизаяся о церковном устроении. И еже в монастыри совокупленнии братии, и о сихъ спасении яко отецъ чадолюбивый печашеся. Не токмо словомъ учаше ихъ, но и дѣломъ наказуя и нравомъ самъ во всем образъ [460] дая имъ, по глаголющему: Творити же и учити. Кротокъ же бѣ от юности и тихъ, и молчаливъ, и божественнымъ писаниемъ не токмо послушатель, но и хранитель и творецъ. О сихъ бо самъ глаголетъ Господь: На кого рече призрю? Но на кроткаго и [461] молчаливаго и трепещущаго моихъ словес./ (л. 312 об.) И паки рече: Блаженн [462] слышашеи Слово Божие и храняще е. Многим же видящимъ его смирение и кротость, паче же и ризную худость, не мнѣти его настоятеля братии, но единого от послѣднихъ в братии непщевати [463]. Николиже бо видѣти его когда разъярившася на кого согршающаго, но с тихостию словомъ и смирениемъ учаше. Бѣ же милостивъ толико яко николиже просяща убога или странна [464] отпустити тщама рукама, поминая рекшаго: Милуящая Богу [465] взаимъ даетъ, и паки: Блаженн милостивии, яко ти помиловани будут, и паки: Будите милостиви, якоже Отецъ вашъ [466] небесный милостивъ есть. И слышаху же сия добродѣтелна многая [467] блаженаго Стефана исправления окрестъ мѣста того живущей людие христороубивии [468] прихождаху к нему ползы ради. Приходит [469] же к нему на посеще/(л. 313)ние и великий Сергие, [470] дивный в добродѣтеляхъ, и постничестве и чудесѣхъ. Слышавже преподобный Стефанъ приход святаго Сергия и повелѣ ударити в било. Собравшимся братиямъ, изыде с ними преподобный Стефанъ въ срѣтение святаго [471] Сергия. Бѣста бо клеветета едину волю, творяще Господа своего духовную бразду воздѣлающе, и словесное с҃мя с҃вающе. [472] Сотвориста же обычное поклонение другъ ко другу до земли. И молитвы же и благословения другъ от друга просяще: Благослови рече, о отче, благослови. Также и другий рече. [473] Якоже иногда бысть древле [474] блаженному Зосимѣ прийти к преподобнѣй Мариин в Маиоумскоую [475] пустыню, и просити другъ от друга благословения и молитвы. Тако же и здѣ бысть. Лежащима же на земли преподобными Сергию и Стефану на долгъ часъ. И едва умоленъ бысть святой Сергие от Стефана и повиновся, еже дати

молитву^[476] и благословение. И еже о^[477] Христе целование Стефану и сущим с ним братьямъ. Потом же внидоша въ церковь и молебная совершивше, еже о цари и о архиепископѣ, якоже есть обычай и о воинствѣ царя, и о устроении мира, и о тишинѣ. Потом же вкусиша пища, и веселяхуся духовно, бесѣдующе еже о ползѣ душевнѣй, и якоже рещи, двѣ свѣтилѣ в братии сияюще. Пребысть же преподобный Сергие у Стефана нѣколько дний ходя по пустыни, и веселяхуся духовнѣ, сматря мѣсто, окружено^[478] источники водными, якоже нѣкими стѣнами. Сповѣдает еже святой^[479] Стефану^[480] помысль свой, глаголя: Хошу бо рече Богу наставляющу мя, идѣже бы обрѣсти мѣсто ко уединению потребно, и в нем хошу безмолствовати. И о семъ молю тя, да ми/(л. 314) даруетъ духовная ти любовь, единого от ученикъ твоихъ, вѣдуща мѣста пустынная. Стефан же отвѣща, яко ничтоже есть в монастыри, еже возбранимо тебѣ. И дасть ему единого от ученикъ своихъ Симона именемъ, мужа в добродѣтеляхъ^[481] искусна, и свѣдуща добрѣ мѣста пустынная. Сергие же, сотворивъ молитву и давъ миръ и благословение, и о Христе целование Стефану и сущимъ^[482] братьямъ, тако же и самъ благословения и молитвы испроси от нихъ. И поемъ с собою Симона, и отъиде. Проходя многия поустья. Богу наставляющу ихъ. Обрѣтоша мѣсто красно и высоко, на рецѣ зовомѣй Киржачь. И возлюби е зѣло. Сотворивъ молитву, и постави церковь во имя Пречистыя Богородица честнаго ея Благовещения, и устрои монастырь красенъ, еже есть и донинѣ благодатию Христовою. Братия же великия Лавры святаго Сергия непряху^[483]/(л. 314 об.) надолзѣ разлучения духовнаго си отца и учителя, якоже тщету нѣкоую великою вмѣняхоу. Исходяще^[484] многая мѣста, ищуще своего пастыря. Потом же приходятъ в Махрищский монастырь, и возвѣщаютъ свое сиротство от своего отца игумену Стефану. Он же Сергие рече^[485] состави себѣ обитель на Киржаче. Они же слышавше сие^[486] от Стефана, достизаютъ Киржачьскаго монастыря. И молиша святаго, да возвратится паки в свою ему велию обитель. Он же никакоже послушаше ихъ. Они же яко видѣша его непреклонна молениемъ ихъ, достизаютъ пресловуща града Москвы и молятъ архиереа Алексѣя еже послати ко святому, да повѣлитъ ему паки возвратитися во свою ему болшую обитель. Сему же бывшу. Посылаетъ/(л. 315)божественный архиерей ко святому два архимандрита, и с ними книги своя, да возвратится въ свою ему^[487] великую^[488] обитель. Он же не могий преслушати архиерея, паки возвращается во свою ему Лавру.^[489] Стефан же болми подвижася к добродѣтелемъ, и труды ко трудомъ прилагаше. Братия же въ обители множахуся. Бѣ^[490] же близ монастыря святаго Стефана яко вдалѣе единого поприща, живой мужъ христоролюбивъ, именемъ Григорие. Измлада навиче божественному Писанию, часто же приходя в монастырь къ преподобному Стефану. Глаголаше же нѣци о нем, яко имѣти емоу от юности его телесную чистоту и незлобие. Даетъ тѣмъ Григорие селитвою свою^[491] с насѣянными нивами преподобному Стефану^[492]. И молить его, еже сотворити инока.^[493] Стефанъ же, разумѣ, яко хошет в нем/(л. 315) сосуд быти Святому Духу, еже и бысть. Поучивъ же его о ползѣ душевнѣй, и постриже и'. И велми подвижася к добродѣтелемъ той Григорие, и во всемъ наставника своего послушаше, смирение же имѣя и любовь нелицемѣрною ко всѣмъ. Во дни на службу монастырьскую исходя, в нощи же почитая божественныя книги, в нихъ же обрѣте божию благодать. Тѣмже и посылается^[494] от святаго Стефана ко архиерѣю божественному Алексию, да сотворитъ его презвитера. Архиерѣй же божественный Алексие, священству того сподобляетъ, яко достойну ему сушу. И паки посылаетъ его в монастырь къ Стефану. Онъ болма подвижася в монастыри и труды ко трудомъ прилагая. Стефанъ же смирение и безмолвие паче всего любляше, поминая во святѣмъ Евангелии реченое, яко всякъ смиря/(л. 316)яйся вознесетъ. Искони^[495] же ненавидя добра роду человеку диаволь, видя себе от святаго побѣждаема смирениемъ и терпѣниемъ, подстрекаетъ лукавыя человеки на святаго близъ живущихъ монастыря. Алексия глаголю, и Фиодора, Ивана же, и Петра, иже глаголются Юрцовския.^[496] Часто прихожаху в монастырь, и поносяще святому и которующе, и смертию претяще, аще не отъидетъ от монастыря. Видяху бо святаго почитаема от человекъ, паче же от самодержавца^[497] великаго князя Димитрия. И мняху себѣ, яко иматъ владѣти селомъ ихъ и нивами. Святой же кротостию и тихо

отвѣщеваше им: Богъ да проститъ вы, чада. Не вы бо сие творите, но лукавый диаволь". Они же паче излиха устремляются на святаго, дышюще убийствомъ. Онъ же призываетъ старѣйшаго обители священника [\[498\]](#) Илию именемъ, [\[499\]](#)/(л.316 об.) мужа добродѣтелна. И сему поручаетъ пасти словесное Христово стадо, дондеже возвращуся глаголя. Сам же творяшеся недалече нѣгдѣ иди нѣкия ради potreбы. Ноши же наставши отходить преподобный никому же вѣдущу съ предпомянутымъ послушникомъ Григориемъ, ученикомъ своимъ. И устремляются к сѣвернымъ странамъ прямо окіяна [\[500\]](#), въ предѣлы града Вологды. И многия дебри и блата преходятъ, и вселяются во внутреннюю пустыню близъ рѣки Сухоны, при потоцѣ еже глаголется Юрьевъ. И возлюби мѣсто оно. и сотворивъ молитву, и рече: Се удалихся бѣгая и водворихся в пустыню, чаях Бога, спасающаго мя. И начяша дѣло [\[501\]](#), и посѣкоша древеся, и състроиша мѣсто, и крест водрузиша. Потомже по днехъ нѣкихъ церковь поставляютъ въ славоу Святыя Живонача/(л. 317)лныя Троица и рече: Господи, призри на храмъ сей и сотвори в нѣмъ обитель себѣ, и услыши молитву рабъ своихъ. Днемъ многимъ минувшимъ и другою церковь поставляютъ, во имя святаго великомученика Христова [\[502\]](#) Георгия. И по благословению архиерѣя освящаетъ церкви. Также и устраетъ трапезу, и кѣлии братии по чину. Елицы же близъ монастыря живущии мужие, слышавше еже по Бозѣ добродѣтельное [\[503\]](#) его житие, и приходяще к нему [\[504\]](#) постризахуся хотяще, жительствовати с нимъ [\[505\]](#) и подражати доброму еже по Бозѣ житию его [\[506\]](#). И совокупишася к нему братии числомъ немало. Близъ [\[507\]](#) же бѣ поустыни святаго живый человекъ нѣкий, именемъ Константинъ, сынъ Димитриевъ, рода честна и богата. Сей принесе имѣнна немало къ Стефану на строение монастыря и братии милостыню доволну подаде./ (л. 317 об.) И молить преподобнаго, еже облещи во иноческа. Преподобный же приимъ и облече [\[508\]](#) и во иноческа, [\[509\]](#) и нарече [\[510\]](#) имя емоу Касиянъ. И дасть его ученику своему преже помянутому священноиноку Григорию, яко совершени сушу в добродѣтеляхъ, да наставитъ его иноческому житию. Касиянъ же, елико видѣ отца своего творяща, и тщашеся вся та собою исправити. Блаженному же Стефану обычай бѣ, по совршении церковнаго славословия, и по своемъ обычномъ правилѣ ходити по поустыни, и сѣщи лѣсъ, и палити, и отребляти всегда. Также и Григорие и Касиянъ с нимъ творяще и милостыню доволну подаваху убогимъ. И тако Божию благодатию составиша монастырь. Мнози же от окрестныхъ градовъ и весей приходяху в монастырь и милостыню подаваху, и вся яже на потребу/(л. 318) и сущимъ [\[511\]](#) с нимъ братиямъ, благословения же и молитвы от нихъ приемлюще отходяху в дома своя. И никакоже возможе градъ укрытися, верху горы стоя, ниже свѣтилникъ в темнѣ мѣсте. Велика бо слава о немъ повсюду проходилаше. [\[512\]](#) И тако посылаетъ к нему благовѣрный самодержецъ великий князь Димитрие милостыню доволну, и книги своя, да приидетъ к нему на Москву. Стефанъ же [\[513\]](#) вниде в молитвенный храмъ и созва братию, и совершивъ молебная, и вручаетъ паству духовнаго стада пасти преже помянутому блаженному Григорию. Касияноу же келарную службу. Сия бо яко голубие под криламо его. Воспитани быша духовною пищею учения [\[514\]](#). Самъ [\[515\]](#) же, сотвори молитву и братию благословивъ и поучивъ, и давъ миръ и о Христе и целование, и поиде в поуть свой. Помалѣ же паки прииде в Махрищъ/(л. 318 об.)ский монастырь. Братия же пришествие преподобнаго Стефана слышахоу, скоро течаху на срѣтение отца, радости многия исполняхуся. И обычное поклонение до земли сотворяютъ, и молитвы и благословения от него сподобляются. Ови убо руцѣ облобызающе отцу, ови же ризамъ касающеся, инии же преди текуще хотяще зрѣти нань. Все убо вкупѣ радуящеся, славяху Бога. Стефанъ же мало дний пребысть в монастыри [\[516\]](#), потомъ же отходитъ [\[517\]](#) в пресловущий градъ Москву. И от преосвященнаго митрополита Алексия благословение приимъ. Также [\[518\]](#) и от самодержца великаго князя Димитрия с великою честью и дароношениемъ приемлется. Тойже благоверный великий князь Димитрие имѣя въ сердцы своемъ страхъ [\[519\]](#) Божий, добрѣ разсмотряя и правя скипетра царствия своего. Божиа/(л. 319) церкви украшая и монастыри устрая. Священническамоу же и иноческому [\[520\]](#) чину честь велию воздая. Стефану же и еже от него поставленнымъ монастыремъ братиямъ милостыню подавая. Нивы же и удолия и езера на

пропитание мнихом. Игумену же Стефану повелѣ да жительствуетъ [\[521\]](#) в Махришьском монастырѣ егоже преже состави. Бѣ же тогда въ пресловушемъ градѣ Москвѣ у самодержца околничей, именемъ Тимофѣй, богатствомъ же и честью паче инѣхъ превосходя. И той имѣя сродника себѣ, именемъ Козму, юнна суца, но тысящулѣтна разумомъ, от младенства имѣя страхъ Божий въ сердцы своем, и желая иноческаго [\[522\]](#) образа [\[523\]](#) жития [\[524\]](#). Приходитъ къ [\[525\]](#) Стефану и молит его еже облещи его во иноческая [\[526\]](#). Бѣ бо от многих слыша [\[527\]](#) добродѣтельное его еже по Бозѣ житие. Желалъ тебе (л. 319 об.) рече, от многа времени, о священная главо. Но нынѣ сподоби мя Богъ видѣти честную ти святыню. Но молю ти ся Господа ради, не отрини мене грѣшнаго и нетребнаго, подражавый своего владыку. Онъ убо не отрину, но приемый грѣшники, мытаря же и блудника. Тѣмже убо приими и мене грѣшнаго якоже онъ тѣхъ приялъ есть. Твое же рече, и твоя святыни дѣло, се аще восхощеши. Сия же и ина многа глаголющу ему, и слезы якоже рѣки от очию проливающу. Стефанъ же, видѣвъ любовь его еже к Богу, [\[528\]](#) и разжжение сердца его и слезы. Паче же прозя яко хочет быти сосуд Духу Святому, еже и бысть. Повелѣваетъ ему от слез престати и возлагает на него просто и несвершено иноческая [\[529\]](#) одѣяния. И нарече имя ему Кирилъ. И предаде его архимандриту Феодору Симонова монастыря. И той по обычаю постри/(л.320)гаеть его [\[530\]](#), и то же именование нарече ему Кирилъ. Пребысть же во мнозѣ послушании и смирении, и въ прочихъ добродѣтелях. И велми труждаяся и постясь блаженный Кирилъ. И славѣ прошедши о немъ повсюду и многия ради добродетели его поставленъ бываетъ архимаритомъ Симонову монастырю. И мнози начаша приходити к нему ползы ради. Он же, не хотя славы от человекъ, оставляетъ начальство, и нощю [\[531\]](#) отходит на Бѣло озеро, по гласу Пречистыя Богородица. И тою наставляемъ, тамо поставляетъ монастырь въ славу Пречистыя Богородица честнаго ея Успения, еже и до днесь Кириловъ именуется, благодатию Христовою. И тамо много потрудися, и многа чудеса сотвори Богу прославляющу его и с миром ко Господу отъиде, его же возлюби. И по смерти от гроба его многа знамения и чудеса быша и бывають, даже и доднесь. Мы же/(л. 320 об.) ко предлежащему возвратимся о немже повѣсть начахомъ. Блаженный [\[532\]](#) же Стефанъ восхотѣ отъити въ монастырь свой преже помянутый Махришьский, по повелѣнию самодержца. И приходит к нему, и якоже преже приемлетъ [\[533\]](#) от него с великою честью и дароношениемъ. Бѣ бо паче инѣхъ многих, той благовѣрный самодержецъ любя преподобнаго Стефана и часто бесѣдуя с нимъ, якоже и преже сказахомъ. И бывши бесѣдѣ духовнѣ и на долгъ часъ, якоже многимъ от велмож дивитися [\[534\]](#) о внимании глаголь самодержца от устъ блаженнаго Стефана. По сих же воставъ преподобный Стефанъ, давъ миръ и благословение самодежду великому князю Димитрию, и сотвори о немъ молитву и отъиде. По семже благословение приемлетъ от святѣйшаго митрополита, [\[535\]](#) и от пресловущаго града Москвы отходить, и при/(л. 321)ходитъ въ своему монастырь Махришьский. И паки братия радости исполнишася пришествия ради преподобнаго отца. И поживе в монастыри своем дни нѣкия. Помале же блаженный видя себе старостию прекланяема [\[536\]](#) и ничто же ино возвѣщающа по сих, развѣ смерть, еже естества отдати долгъ. Созываетъ богоизбранное словесное [\[537\]](#) стадо. И поучивъ ихъ имѣти выну [\[538\]](#) страхъ Божий и память смерти [\[539\]](#), и любовь нелицемѣрну, и пищу, и питие не мятежно. Тако же и одежда [\[540\]](#) и обоуца всѣмъ равно, ни единому же другаго вящше, и ничтоже кому в кѣлии своей имѣти, или своим звати что от. потребных, но вся да будут обща. От мирскихъ молвъ удалятися, и славы мира сего суетнаго, яко маловременныя не искати, и смирение имѣти пред всѣми [\[541\]](#). И царствия ради небеснаго всякия скорби терпѣти. И тружати, и милостыня тво/(л. 321 об.)рити, и чистоту хранити душѣвную и телесную. И повиноватися наставнику своему во всемъ, и почитати его. И ина многа изрече им, и поучивъ их о полезныхъ. И предаетъ старѣйшинство паствы преже помянутому Илии, яко совершену сушу в добродѣтеляхъ и могущу пасти словесное стадо и поучивъ его, еже пещися о спасении ихъ, яко слово хотящу воздати о нихъ. И разумѣ свое къ Богу отшествие, возложи на ся ангельский образъ святую схиму, и причастивъ пречистаго Тела и Крови Господа нашего Исуса Христа, и руцѣ на небо воздѣвъ и сотворивъ молитву, и святую свою

священную душу в руцѣ Богу предасть месяца июля Дї. И в той часъ исполнися мѣсто благоуханія, идѣже преподобный лежаше. И от сего многимъ разумно бысть, яко приятымъ быти от Бога трудомъ его. Сицева /(л. 322) отца течения, сицева исправления преподобнаго Стефана,^[542] сицевы труды, сицева воздержанія ищуще лице Бога Ияковля. Братія же плачемъ и рыданиемъ сокрушахуся. Кихъ словесъ умилныхъ и жалостныхъ тогда съ плачемъ не изглаголаху. И трудолюбное^[543] отца тѣло со псалмы и пѣсньми надгробными провожаху. Слезы от очию точаху, яко^[544] кормѣчія отщетившеся, и учителя отъяти бывше.^[545] Отча разлученія не терпяще^[546], и тако положиша честное тѣло преподобнаго в созданнѣй от него Махрищѣской обители, идѣже совершается соборъ его. По преставленіи же преподобнаго Стефана игумень Илія многы троуды собою исправи^[547] во всякомъ благочиніи и смиреніи и соблюдая своего житія любомудріе. Яко да ничтоже останеть^[548] дѣлы неисправлено, елико убо видѣ отца творяща/(л. 322 об). толико тщашеся собою^[549] исправи. Память же преподобнаго Стефана почитая сице: братію учрежая, и убогихъ и странныхъ насыщая нескудно.^[550] Бѣ бо тогда братіямъ умножившемся, и потребныхъ довольно баше^[551] во обители. Помале же^[552] игумень Илія ко Богу отходит.^[553] И положиша его близ гроба преподобнаго Стефана. Потомъ же поручено бысть пасти словесное стадо игумену Николѣ именемъ. Тойже Никола смиреніе соблюдая и труды многы подъемля, и худость ризную возлюби, яко единъ от просителей^[554]. И той также упасе^[555] порученное ему стадо, въ старости совершеннѣ къ Господу отъиде.^[556] По сихъже тѣма обителима быша настоятели^[557], мнѣху нѣчто собою исправи, но не тако, якоже преподобный Стефанъ уставъ положи, но просто обычай оставиша/(л. 323) настоящей тоя обители. **В** то же время вятчане самоволне отлучишася Московскія державы, и соединишася съ агаряны живущими в Казани. И вкоупѣ воеваху на христианы въ окрестныхъ себѣ градѣхъ и весехъ даже и Вологды достигоша. И грады плѣняху, и многія окрестъ града веси. Егда же быти имъ на Авнезѣ и ноцію пришедше. Монастырь егоже преподобный Стефанъ многими труды постави, зажегше, и мнѣху емлюще яко агньцы незлобивии закалаху. Внихъ же тогда глаголютъ прежде помянутымъ Григорию и Касіану ученикомъ святаго Стефана, убиенымъ быти. Махрискій же монастырь грѣхъ ради нашихъ погорѣ,^[558] церкви и трапеза и кѣлии. Стаду же богоизбранному^[559] обсирѣвшу и особъ каждо ихъ^[560] живяху, и нерадящимъ о устроении монастыря, и память преподобнаго Стефана оставиша, но Богъ не остави угодника своего/(л. 323 об.) безъ памяти быти, аще и погорѣша труды отца монастырь, глаголю, преподобнаго^[561] къ искушенію нашему на время. Богу тако изволишу. Но святой^[562] яко отецъ чадолюбивъ. Якоже в животѣ своемъ пекийся своими чады, тако^[563] же и по смерти прият от Бога даръ чудодѣйствія, еже от гроба его точитися исцѣленіемъ съ вѣрою приходящимъ даже и до днесь. Да видящии чудеса его вѣровати имут, яко не имать Богъ оставити мѣста оногo и живущихъ в немъ молитвъ ради преподобнаго Стефана. По семъ же над гробомъ его израстоша три великія древы от единого корени, глаголемыя березы, верхомъ же дрѣвъ оныхъ красно нѣкако израстьшимъ, и бысть яко храмъ прекрасенъ верху гроба преподобнаго, и мнози хотяху посѣщи дрѣвеса оны и абие удержевахуся, глаголюще яко николиже нигдѣже^[564] видѣхомъ.

О виденіи огня на гробѣ преподобнаго Стефана. /(л. 324)

Многимъ же днемъ мимошедшимъ по преставленіи преподобнаго Стефана, бѣ в монастыри его во мнозѣхъ троудѣхъ иноческаго^[565] житія, Германъ нѣкто именемъ в старости велицей, яко лѣтъ р (100) имѣя, во дне же и в нощи в молитвахъ Богови предстоя. И на ложи своемъ мало покоя приимаше. Въ единою же от ноцій, сему Герману моляхуся, и изыде ис келия своя, и видит на гробѣ преподобнаго Стефана под дрѣвомъ огонь горящъ, и окрестъ мѣста того велми блистая свѣтъ. Онъ же на многъ часъ моляшеся, и крестнымъ знаменіемъ знаменашеся, и прилѣжно смотряше, мнѣше бо привидѣніе быти. И шедъ в той часъ къ игумену Ионѣ тоя обители. И сказа емоу, еже видѣ. Игумень же скоро въставъ, сотворивъ молитву и зря оконцемъ, и видитъ также огонь горящъ. И яко луча свѣтящися, окрестъ мѣста оногo.^[566]/(л. 324 об.) И иде въ церковь, и повѣда всей братіи^[567]

бывшее чудо, и прославиша Бога. В то же время прииде Живоначальный Троица Сергия монастыря игумень Арсение на Махрище посѣщения ради игумену и братии, и сказаша ему, како видѣша в нощи на гробѣ преподобнаго Стефана огонь горящъ явися^[568] и свѣт велий блистаяся. Тойже Арсение просвѣщенъ разумомъ бысть, разоумѣваше не просту быти вещь, но от божия благодати бываему. И повелѣ поставити гробницу над гробомъ преподобнаго Стефана, и гробъ его покрыти покровомъ,^[569] и свѣшу велику поставити. Сам же совершивъ божественую службу соборнѣ, и братию велми учредивъ, и устави паки оттолѣ вселѣтнюю память преподобному Стефану.

О умножении потребныхъ пищи же и пития.^[570]

По явлении же томъ многимъ лѣтомъ прешедшимъ. Бысть нѣкогда приспѣв/(л. 325)шу праздникоу Сшествия Святаго Духа^[571] в день пятьдесятный. Братии же бѣ тогда в монастыри яко 60 и множае, народу же многу шедшуся, яко до двою тысящъ и вѣшьше праздничнаго ради торжества. Паче же не имоущи глада ради належащаго в то время. В монастыри же бѣше оскудѣнню потребныхъ, яко ни единой тысящи человекомъ удолитися пищею же и питиемъ. Игумен же о семъ печяшеся, дабы аще мощно вси помалу причастилися пищи, дабы како в чесомъ не разорити уставъ преподобнаго Стефана, якоже преже самъ преподобный уставъ положи,^[572] и заповѣда по себѣ не разорити никоуму же. Игумену же Варламу совершившоу божественую литургию, и шедъ ко гробу преподобнаго, теплѣ моляшеся, и преподобнаго отца и чудотворца Стефана в молитву^[573] на помощь призывая, глаголя: О преподобне Стефане/(л. 325 об.) Вѣмъ, аще хочещи, можещи молитвами твоими^[574] помощи намъ, яко да насытитесь народъ малыми сими хлѣбы. Самъ бо трудился еси в животѣ своемъ^[575] сего ради, по заповѣди владыки своего Христа Бога, да питаеши алчущая, нищая же и странная. сице же и намъ заповѣдалъ еси твоимъ чядомъ. И сие рекъ. Повелѣ служащему трапезамъ брату, Симеону именемъ полагати малыя оны хлѣбы на трапезахъ и питие. Народу же множеству возлежащу въ храмѣхъ же и на земли, яко не вмѣстити кѣлиямъ и инымъ храминамъ толика народа. И братиямъ такоже возлежащимъ на трапезе. Служай же братъ^[576] Симеонъ, невѣриемъ одержимъ и ропташе, и в помыслѣ сваемъ игоумена яко несмыслена шепчя, укоряше: Откуда рекъ сими хлѣбы малыми и питиемъ, братиямъ же/(л. 326) и толикоу народу насытитися? На утрие же отнюдь не имамъ ни единаго^[577] полухлѣба, ни единыя чаши пития что имамъ сотворити - не вѣде. Хлѣбомъ же и питию положеномъ бывъшимъ на трапезахъ. Егда же время^[578] ядению, вѣставъ игумень, по обычаю сотворивъ молитву, и предлагаемая на трапезахъ благословивъ, и начаша ясти. И иже^[579] иногда насытивый манною непокоривыя люди жидовския пустыни, и пятию хлѣбы и двема рыбама пять тысящ^[580] кромѣ жен и дѣтей, напитавый^[581] укрухи, то и нынѣ такоже малыми хлѣбы и питиемъ толико множества народа насытивъ. И преизбысть от нихъ множество хлѣбовъ, паче же в делвинахъ пития, яко на три месяцы братиямъ доволномъ быта. И сия видѣша Божия и преславная великая благодѣяния и чудеса/(л. 326 об.) прославиша Бога и угодника его преподобнаго Стефана, глаголюще: Воистину волю боящихся его сотворитъ Господь и молитву ихъ услышитъ и спасетъ ихъ".

О иступившемъ ума^[582]

Должно есть и сие к вашей любви сказати. Бѣ убо отстоя от монастыря Махрищска яко н^[583] (50) поприщъ близ града Юрьева^[584]/(л. 326 об.) село, зовомое Кучки,^[585] в немъ же живяше нѣкий человекъ, Ияковъ именемъ. Сей имѣя сына, именемъ Данила. Сему же Данилу от младенчества иступившоу ума своего. Сице же и до совершенна возраста дошедшу ему. Ризы своя пометаше на землю, иногда же растерзаше,^[586] и в дому своемъ мало пребываше, но проходя дебри и пустыня. И бояся отецъ его, да не како впадетъ в ровъ или в кладезь сынъ его, и умретъ^[587] злою смертию. Да нанъ нѣчто сосѣди его рѣчь нѣкую^[588] возглаголютъ, и умысли вести^[589] в Махрищский мо/(л. 327)настырь, и тамо оставити его. Семоу же бывшу. Облече его и препояса, да не смещетъ себе риз своихъ,^[590] и поемлетъ нощию сына своего. И достигаютъ монастыря, и остави его внѣ^[591]

монастыря, в гостиннице. Самъ же возвратися в домъ свой. От шествия же пути утрудившуся болящему оному Даниилу и уснувшу^[592]. Явися ему во снѣ мнихъ старъ высокъ возрастомъ, ланиты лица его влущенѣ, браду имѣя долгу, рясоу^[593] вполъ сѣду. И рече ему: Человеце, вѣставъ взыди в монастырь мой, и ту пребоуди до скончания^[594] живота твоего. Тойже Данилъ возбнувъ от сна, и обрѣтесе здоровъ и смысленъ, и повѣда всѣмъ бывшее видѣние. И оттолѣ чотыредесят лѣт пребысть в монастыри служа на братию в пеколници. И бысть прочее здоровъ и смыслен даже и до смерти своея.

О разслабленѣмъ Павле.^[595]

Такоже другий человекъ Павелъ именем^[596] тояже обители преподобнаго Стефана села глаголемаго Зеленцына. Семуже Павлоу прилоучися болезнь тяжка зѣло. И от тоя болѣзни всему телеси его острупившуся, и вси состави тѣла^[597] его расслабѣша. Не могий ни единомже от уд своихъ двигнути. И бывшу ему в той болѣзни шесть месяць. И абие привезоша его в монастырь, и несоша в церковь Живоначальная^[598] Троица и молиша игоумена и братию помолитися о немъ. И тако молебная пѣвше о немъ. И в той часъ Павелъ онъ вѣста на нозѣ свои. И струпия оного внезапно очистися. И велми Бога благодарствующи, и преподобнаго Стефана, и пребысть в монастыри, служа всяку службу даже и до скончания живота своего.

О нѣмомъ Емилианѣ. /(л. 328)

Человекъ^[599] нѣкий Емилианъ именемъ сынъ Терентиевъ порекломъ же Захова. Близъ монастыря живый, и семоу убо огничемъ недугомъ зѣлне болящу. И от тоя зѣлныя болѣзни огненаго жжения связавшуся языку его, и отнюдъ не могущу ему ни единого слова проглаголати. И сице ему бысть, I (10) месяць. Въ умѣ же своемъ и въ сердцы моляся Богу и преподобнаго Стефана на молитву призывая о себѣ. Празднику же приспѣвшю тогда Пятдесятницы Святаго Духа сошествию^[600]. Тойже Емилианъ пришед, припадая у гроба преподобнаго, и абие отверзошася уста его и разрѣшися языкъ его. И велие благодарение Богу воздая, и угоднику его преподобному Стефану. Ясно языкомъ своимъ глаголя и с веселиемъ в домъ свой отходитъ.

О девици, имущей духъ недуга.

Такоже и сие да не забвено будетъ/(л. 328 об.) но с прочими чудесы святаго скажется вам. Бѣ бо въ единъ от предѣлъ града Переяславля весь зовома Баскова. Отстоя от монастыря идѣже преподобный Стефанъ бысть яко^[601] десяти поприщъ. И бѣ в той веси человекъ нѣкий Евдокимъ именемъ. Егоже бѣ дщи Анна. И та имущи духъ недужный, падая на землю и пѣны точаше, и бываше яко мертвая и безгласна. Слыша же той Евдоким о преподобнемъ Стефанѣ елико Богъ творит чудеса его ради, и во единъ убо от дний поемлетъ дщерь свою, И достигают Махрищскаго монастыря. И молятся прилѣжно Святѣй и Живоначальнѣй^[602] Троицѣ. И преподобнаго Стефана припадают гробу с великою вѣрою. Вкупѣ же и слезами молят^[603] игумена же и братию, да помолят Бога о ней, яко да молитвами ихъ от Бога милость получитьъ и исцѣлеть от недуга. Священнику же молебная о ней /(л. 329) сотворшу и воду святившу и дастъ ей пити. Отроковица же въскоре и паче надежа здравие^[604] получи. Человекъ же той поимъ дщерь свою здраву радуяся идяше в дом свой. И оттолѣ часто приходя в монастырь, благодарение Богу воздая, и преподобному Стефану того угоднику. И милостыню подаваше братии.^[605] Отроковица же во вся дни живота своего, к тому не пострадала таковое.

И паки^[606] о имущемъ духъ недуга.

Иногда убо приспѣвшю божественному празднику святыхъ Бгоявлению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Сошедшюся народу в монастырь Святыхъ Живоначальныхъ Троица и преподобнаго Стефана на освящение^[607] воды. Прииде же нѣкий человекъ, Прокопие именемъ^[608], суца П I (13), лѣт. Семоу же Игнатию одержиму бывшу духомъ недужнымъ. Падая на землю внезапно^[609] и оцѣпеневаше. Множицею же обрѣтаху его яко мертвая./ (л. 329 об.) Сей же Прокопий с вѣрою приводитъ сына^[610] к чудотворному гробу преподобнаго Стефана, и слезы от очию проливая,

вкупѣ же и с сыномъ своимъ. Моляся прилѣжно [\[611\]](#) Богу и Пречистой его Богоматери, и [\[612\]](#) преподобному Стефану, яко да милость Божию получит. Священнику же молебная совершившу. Боляй же припадъ знаменася у гроба святаго. Потомже отецъ его поемлетъ и приводитъ его на реку, идѣже святиша воду. И повелѣ болящаго сына своего [\[613\]](#) погрузити в водѣ. И абие в той часъ бысть здоровъ яко николиже болѣвъ. Отецъ же паки поемлет его здрава. [\[614\]](#) И иде в домъ свой, радуяся. [\[615\]](#) Помале же той Прокопие приходит в монастырь, нося потребная братии, повѣдая сына своего [\[616\]](#) здрава. И велие благодарение Богу воздая, и Пречистѣй его Богородици и преподобному Стефану.

О изступившем ума. [\[617\]](#)

Бѣ же недалече от обители святаго, яко поприщъ s (6), весь, зовома / (л. 330) Бѣженино, [\[618\]](#) и в той нѣкий человекъ живой Киприанъ именемъ. Сему же убо Киприану болящю огненнымъ трудомъ, и от зѣлнаго жжения огня изступившу ему ума своего. И привезоша его в монастырь преподобнаго Стефана, [\[619\]](#) бѣ бо уже повсюду и вездѣ слышатися чудесемъ его. И приходятъ ко гробу [\[620\]](#) святаго. Священнику же о немъ молебная въ церкви сотворяющу, и внезапно болящий онъ здравие получи, яко [\[621\]](#) николиже болѣвъ, смыслено отвѣщеваше глаголя. И отъиде радуяся в домъ свой [\[622\]](#) Бога благодаряще, и святаго Стефана чудодѣяние прославляя. И даде милостыню в монастырь. [\[623\]](#) И оттоле по вся лѣта приходя в монастырь ко гробу святаго и молебная совершая. [\[624\]](#)

О имущем скорченную ногу.

И сие ми подобает ми ко преждереченымъ приложити. Отстоя от монастыря святаго яко далее пяти поприщъ / (л. 330 об.) село нѣкое, глаголемое Семеновское. И бѣ в немъ человекъ нѣкий живой [\[625\]](#) Григорие именем. Сего же сынъ Алексие, ему же десная нога его боляше. И сицева бѣ ему болѣзнь его, яко согнити тѣлу его и [\[626\]](#) до колѣна. И от многия [\[627\]](#) зелныя болѣзни скорчидоша жилы, [\[628\]](#) и не могущу ему ходити, и обнищавшу ему болезни ради оная. И сотвори себѣ скорчившийся нозѣ его ходило деревяное. И начат ходити, просяще милостыня. Гладу же убо тогда велику в весехъ оныхъ належащу. Той же Алексие болѣзни ради своя, едва приползе в монастырь преподобнаго Стефана. И повелѣ ему игоумень сѣдѣти близ гроба святаго да препитається тоу и не умрет от глада. Сѣдящу же ему ту и часто молящуся со слезами Богу, и преподобнаго Стефана [\[629\]](#) чудеса въспоминающу, и на молитву того призывающу. И абие [\[630\]](#) отпадоша яко / (л. 331) чешуя струпия от ноги его, [\[631\]](#) и простресе нога его. [\[632\]](#) И поверже ходило свое деревяное у гроба святаго въ свидѣтельство преславнаго чудеси и яко николи же болѣвъ, здоровъ отходить на ногахъ своихъ в домъ свой славою воздая Богу и преподобному Стефану, глаголя: Дивен Богъ въ святыхъ своихъ. И помале паки возвращается в монастырь. [\[633\]](#) И пребысть служа в монастыри, прочая дни живота своего.

О имущем суху руку. [\[634\]](#)

Ниже сие во гробѣ молчания погребу, ниже в забвение положу, еже не в темнѣ мѣсте сотворися. Но нѣкако нареду предпоставимъ бывшее чудо святаго, еже бысть сице. Бѣ убо село велико, прилежаше близ монастыря преподобнаго Стефана яко поприщъ I (10), еже глаголется Александрова слобода. И ту живой человекъ нѣкий Иоаннъ именем. Сего же сыну именем Архиппу [\[635\]](#) десная рука его усше. / (л. 331 об.) и пребысть нимало можаше двигнути ея или воздѣти ю. И сице болѣзнующу емоу нѣколько время. Явиже ся ему нощю во сну мужъ нѣкий глаголя: Что спиши, человекче? Въставъ, иди в монастырь Живоначалныя Троица на Махрища, и помолися у гроба святаго Стефанова и исцѣлеши. Он же, возбнувъ от сна, и пребысть яко нерадя, но [\[636\]](#) яко мечтание сна вмѣняя. Потомже паки явися ему очи вѣсть въ дне во вратѣхъ дому его старецъ высокъ возрастомъ и вполъ сѣдъ власы, браду имѣя долгу [\[637\]](#), и рече ему: Не рѣхъ ли ти человекче, иди в монастырь Махрищский, да тамо исцеление получиши. И сие рекъ, невидим бысть. Вѣруя же человекъ онъ и иде в монастырь. И припаде к чудотворному гробу преподобнаго Стефана, моляся. [\[638\]](#)

Священникомъ милостыню подаде да помолятъ Бога о немъ, яко да /(л. 332) молитвами ихъ исцѣление получит. Сему же бывшу. Священникомъ молебная о немъ сотворяющимъ, и взявше святую воду, и покропиша его. Внезапу же человекъ той воздвигъ руку свою болящую. И начат себе прекрещати ея. [639] И тако утвердися рука его, и бысть здрава, яко же и другая [640]. И веселяся и радуяся [641] отъиде в дом свой слава Бога и преподобнаго Стефана.

О беснующемся. [642]

Паки же на другая подвигнем слово. Творимая преподобнымъ Стефаномъ чудеса. Близъ бѣ обители преподобнаго, яко вдалѣе десяти поприщъ село нѣкое [643] Площево. И бѣ в немъ человекъ живяй Мануилъ именемъ, сынъ Козминъ, в негоже вселшуся духу нечистому, и нелѣпая глаголаше и творяше, и гласы нелѣпныя испущаше, яко же и всегда обычай есть беснующимся творити. И ризы своя терзая, и человеки бияше, и зубы хапая. Его же многажды вязаху /(л. 332об.) путы желѣзными, он же сокрушаше. Слышаху же свои ему сродницы и сосѣди чудеса бываемая от святаго Стефана, паче же и видѣша своима очима творимая имъ чудеса. Приводят того стражущаго Маноуила, моучима от нечистаго духа, в монастырь преподобнаго и связуютъ его крѣпце, и вериги желѣзныя тяжкы възскадают на выю его, и оставляютъ его у гроба святаго Стефана. Сами же отходят в дом свой. Братъ же нѣкий иже присѣдя у гроба святаго навсегда, и о болящихъ попечение имѣя, и той шедъ къ священникомъ, повѣда имъ, да пришедъ молебная сотворят о болящемъ. Той же бѣснующий отторжеся [644] и бѣжа в дебрь и скрыся. Старецъ же онъ и съ инѣми братьями шедше искаху его и не обрѣтоша, и быша в недоумѣнии о семъ, бояхуся да не впадетъ в воду и утопится. /(л. 333) Симже глаголющимъ к себѣ и скорбящим о беснуемомъ. Беснуемый же онъ Мануилъ прииде к нимъ разрѣшенъ, нося вериги в руку свою, смыслено глаголя. И шедъ припадая к чудотворному гробу святаго Стефана моляся [645] яко николиже болѣвъ. И повѣдая всѣмъ видние. Яко огню рече велику възгнѣшену, идѣже преподобный Стефанъ лежаше. И воврещи мя въ огонь хотяху нѣцыи. Азъ же не вѣдѣя како отторгохся и бѣжахъ, и скрыхся, и абие ощутих себе здрава. И тако давъ священникомъ милостыню да молебная сотворят о немъ, Самже здоровъ и смысленъ в дом свой отходить, Бога благодаряще [646] и святаго Стефана, дивнаго в чудесѣхъ. [647]

О имущемъ духъ недуга. [648]

Тояже обители Махрищския [649] преподобнаго Стефана мнихъ именемъ Андриянъ, сей имѣя сына Никитиу именемъ, в ближней веси монастыря живуща. Имущу же ему духъ не/(л. 333 об.)дужный от многа времени, внезапу паде на землю и пѣны точаше. Множицею же емоу тако стражущу, и [650] поражающу его духу недужну. Овогда о землю, иногда же о стену, или от камень и разбивашеся. [651] Овогда главою язвену имяше, или руку. Иногда же лице ему сине бяше и сокрушено. И недоумѣяся ино что сотворити. И сей вѣрою влекомъ. [652] Въ единъ от дний прииде в монастырь преподобнаго Стефана, и простираетъ молитвы своя ко всемогущему Богу, вкупѣ же и слезы многы проливает от очию своею. Священникомъ же повелѣ, да молебная о немъ совершат. Он же уломи от древа еже бѣ над гробомъ святаго Стефана израсте, и навяза на выю себѣ, и отъиде в дом свой. И оттоле бысть здоровъ прочая дни живота своего, и не пострада [653] к тому таковая. Велие [654] благодарение Богу /(л. 334) воздая и [655] преподобному Стефану. И оттоле часто приходя в монастырь моляся Богу, и братии потребная подая. [656]

О поставлении каменя церкви Живоначалныя Троица.

Знамена и чудеса [657] от гроба святаго Стефана быша и бываютъ даже и до сего дни. Настоятелие же тоя обители [658] быша мнози, по Илии же и Николѣ еже быша [659] по блаженемъ Стефанѣ, якоже и прежде рѣхомъ, своя обычая вносяще, о предании же преподобнаго Стефана небрегуще, ниже о устроении монастыря, ниже о чудесѣхъ его, еже быша от гроба его, радяху. Но оставляюще просто без написания. [660] Бывшу же по сихъ Варлааму игумену тоя обители. И [661] видѣ бываемая чудеса от гроба преподобнаго Стефана. Поминая в себѣ глаголемое [662], еже тайна царства таити [663] добро есть, дѣла же Божия проповѣдати преславно есть. А еже /(л. 334 об.) тайны царевы

являти бѣдно есть, тако же и дѣла Божия преславная молчати пагубно есть души.^[664] Житие же святаго вкратцѣ от того прадеда Серапиона священноинока^[665] памяти ради написано бяше. Обрѣте в монастырской ксенодохии^[666]. Иная же от устъ прадѣда своего своимъ ошима о преподобнем Стефане слыша. Егда еще юнну ему^[667] бывшу, тому игумену Варлааму.^[668] Ксим же помышляше и о чудесѣхъ преподобнаго Стефана^[669] написати елико самъ видѣ и елико от инѣхъ слыша извѣстно.^[670] Сему же бывшу еже о чудесѣхъ святаго еже видѣ и слыша^[671] той прежереченный Варлаамъ игумень памяти ради написа.^[672] И принесе тогда правящему скипетра всея великия Росия къ благочестивому, и хваламъ достойному^[673] въ царѣхъ великому князю Иоанну, сыноу приснопамятнаго / (л. 335) оного великаго князя Василия, иже во иноцѣхъ Варлаама нареченнаго. Тако же и пресвященному господину архиерѣю великия всеа^[674] Росии Макарию^[675] митрополиту. Они же^[676] помыслиша, еже^[677] толика такова велика и свята моужа и совершена в добродѣтелех, и дивна в чудесѣхъ не подобаетъ^[678] оставити жития его и чудесъ без написания, его же самъ Господь прослави.^[679] И повелѣша написати житие его и чудеса^[680], мнѣ смиренному Иасафу, да на память его прочитается. Да слышащеи житие его ползоватися имут, и подражати житию его восхотятъ.^[681] И повелѣ предпомянутый великий самодержецъ игумену Варлааму въ обители святаго поставити церковь камену. И на поставление церкви много сребра предасть игумену, елико доволно на поставление церкви. Тако же и всю утварь церковную,^[682] и милостыню доволну братии. Сему же бывающу.^[683] / (л. 335 об.) Егда начаша рвы копати^[684] на водружение стѣнамъ церкви, и обрѣтоша^[685] преподобнаго Стефана, и гробъ его открывша^[686]. И исполнишася вси благоухания от него. И обрѣтоша верху мощей его^[687] на персѣхъ святаго положено, яко же поясъ, тонка кожаца волуя, на нейже хитро нѣкако воображено обанадесять великих владычныхъ праздникъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Богородица.^[688] Игумень же сие сказа^[689] святѣйшему митрополиту Макарию. Он же повелѣ сотворити крестъ сребрянъ и позлатити, и положити в него праздники оны владычныя, иже обрѣтены быша верху мощей святаго. Симже крестомъ епицы знаменующеся и пьюще от него воду, с вѣрою приходяще, здравие почерпаютъ въ славу Святыя Живоначалныя^[690] Троица, Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ГИМ, Синод. собр. № 807. Минеи Чети И. Милютина. Л.л. 716 – 719:

Сей достохвальный Стефан, от великаго града Киева. Сей бяше родися от родителю християну и благочестиву и верну. Понеже убо многа лѣта уже преидоша от нелиже сей блаженный бысть, даже и до днесь о житии его никтоже доспомяну, чудесем же многимъ бывшимъ от гроба святаго. Егда же царства великаго Росийскаго правя скипетра, благочестивый и хваламъ достойный самодержецъ и достохвальный о царехъ Иванъ, сынъ приснопамятнаго оного великаго князя Василия, иже Варлаамъ нареченный во иноческомъ образѣ. Сей велико тцание показа се о святымъ церкамъ и монастыремъ. И духовныя мужи взыскаю, и молитвы от нихъ приемля, и честь велику подая имъ. И елицы от нихъ от жития сего отъидоша ихже жития почитая и памяти торжествуя, паче инѣ царей преже его бывшихъ. Яко же и пресвященный Макарие, иже тогда украшая престолъ Руския митрополия. Иже в лѣта паствы своя, словесною секирою корение ересемъ посѣче. Сии слышаху о преподобнемъ Стефанѣ, елико Богъ творитъ чудеса его ради. О семъ бо Самъ глаголетъ Господь: Славящая мя прославлю. Мнѣ же смиренному, преже написавшу о явлении мощей и о чудесѣхъ преподобныхъ Григория и Касияна иже на Авнезе бывшихъ ученицѣхъ святаго Стефана. Прилучи же ся написати еже и о житии святаго Стефана и о чудесѣхъ его / (л. 717 об.) повелениемъ святѣйшаго господина митрополита Макария Руския митрополия. Какоже и откуда начало слову положу еже о житии святаго, помышляхъ в себѣ. Понеже лѣта многа уже преидоша, яко святой преставися от жития сего. / (л. 718) Азъ же извѣстно о семъ не вемъ. Мия же ми помышляющу и о семъ. Немало попечение ми бысть. И помыслихъ в себѣ глаголю яко луче ми есть ити во обитель святаго, юже

святыи самъ своими труды и поты созда. И тамо от добрѣ вѣдѣщихъ извѣстно испытати. // (л. 718 об.) Сему же бывшу. Достигох обители святого и вопрошах ту сушаго игумена Варлама, и инѣхъ инокъ тоя обители о святѣмъ. Они же принесоша ми от монастырския ксенодохия свитцы на хартияхъ написаны бяху преже многа времени, от нѣкоего старца саном суща священника тоя обители, именемъ Серапиона, прадеда бывша тому игумену Варламу. Иже бысть самовидецъ преподобному Сергию и Стефану. И многа еже о добродѣтелях исправления ихъ своима очима видѣ той Серапионъ. Ина яже от юности творимая добродѣтели святого Стефана от ученикъ его извѣстно слыша. Елицы снимъ и по немъ от Киева приидоша. Сего же Серапиона свитцы прияхъ и прочтохъ, в нихже обрѣтохъ вкратцѣ написано бяхе еже о житии и исправлениихъ преподобнаго Стефана. И радости исполнихся, яко не вотще труд ми бысть. И тако простре убогую мою десницу. И // (л. 719) милости от Бога всемогущаго прося, могущаго невежду умудрити, и младенцемъ неразумнымъ разумъ даровати. Паче же и милость святого надѣяся и от вас самѣхъ милость коснухся дѣлу.

Приложение 2.

В тойже день преставление преподобнаго отца нашего Стефана игумена Махрицкаго новаго чюдотворца.

Преподобный отецъ нашъ Стефан бѣ родом от славнаго града Киева родися от благочестиву и вѣрна христианина. Егдаже рождѣша сей отрок и крестиша его родители во имя Отца и Сына и Святого Духа. И бывшу ему в возрасте совершеннѣ вданъ бывает родителми своими в научение книжное. И вскоре извыче писание книжное. Бѣ бо от молодыхъ ногтей любя смирение. И тако вшед в печерский монастырь. От сушаго ту архимандрита постригается со отятиемъ власъ, и вся плотское // (л. 570) мудрование отрѣзывает. И бывает во всем послушливъ своему настоятелю въ дневныхъ и в ночныхъ молитвахъ преже всѣхъ обрѣтаешя во церкви. А послѣ всѣхъ исхождаше. В таже времена грѣхъ ради нашихъ обладану бывшу граду Киеву богомерскою латыньскою силою утѣсняеми. И насилуями богочестивыи от нечестивыхъ. И тако блаженный исходит от града Киева, и касается к сивернымъ странамъ къ пресловущему граду Москвѣ. Бѣ бо слышалъ непоколебиму // (л. 570 об.) и непорочну христианскую православную вѣру. И помале достизаетъ града Москвы велми возрадовася душею. Видѣ бо церкви Божии украшены. Бѣ бо в то время великий князь Иоаннъ Ивановичъ самодержьствуя на Москвѣ, велми нача любити святого Стефана. И часто с нимъ бесѣдова о ползѣ душевней. Он же измлада ненавида славы мира сего от человекъ, любя смирение, и безмолвие. И молит царя Ивана Ивановича, глаголя Да ми повелит // (л. 571) твоя держава устроити монастырь. Боголюбивый же князь дастъ ему доволноя вся яже на потребу къ строению монастырскому. И своя царская писания дастъ ему и донинѣ во обители святого. Давъ миръ и благословение великому князю Иоанну Ивановичю, и отиде в путь свой, и проходя многая мѣста и дубровы. Послѣди же дойде мѣста зовомое махрище, идѣже нынѣ монастырь стоит, и возлюби мѣсто то. Бѣ бо оно велми красно и угодно къ строению монастырскому. И водъ // (л. 571 об.) имуще доаолно якоже стенами нѣкими водою около огражено. И молитву сотвори и крестъ водрузи на мѣсте ономъ, и кѣлию постави и лѣсъ сѣкий и нивы сѣяше, и от того пищу приимаше. Егдаже собравшимся братьямъ множайшимъ. И поставляетъ церковь во имя Святыя и Живоначальныя Троица. И освятивъ ю по благословению святѣйшаго митрополита Феогнаста и последи от тогосвятителя сподобляется священства сан. Окрестъ же мѣста того мнози христианы приходяще // (л. 572) ко святому постригати онже приимаше ихъ и причиташе къ братии. Бѣ же у святого Стефана ученицы Григорий и Касиянъ иже на Авнезѣ да Кирилъ Белозерский. Приходитъ же ко святому Стефану великий святитель Руския земли Сергий радонежский посещение. Онже с великою честью и со звономъ срѣте преподобнаго Сергия. И друг от друга благословение просяща якоже древле Мари от

Изосимы такоже и здѣ бысть обѣма има лежащимо наземли. Сергей же благослови Стефана/(л. 572 об.) (надолгъ час едва умолиша святого Сергия...) и братию его и молению совершившу во церкви о цари и о епископѣ, и много бесѣдоваша о ползе душевѣней. И тако разыдошася. И добре упасе порученое ему стадо. И многотрудное свое тѣло на сонъ преложися. А душу свою в руцѣ Господеву предасть месяца июля въ **Ді** день. И в той час исполнися мѣсто то благоухания. Идѣже лежитъ святое тѣло его погребоша со псалмы и пѣсньми духовными. И многая исцѣления подають приходящим с вѣрою и до сего дни.

Приложение 3.

Служба и житие преподобного Стефана Махрицкого. [\[691\]](#)

Далее приводятся исправления, отмеченные в данной рукописи Симеоном Полоцким. Зачеркнутые им слова помещены в скобки, приписки сверху или на полях обозначены кавычками; первоначальный текст жития выделен курсивом:

Л. 428: (понеже убо); (Иисус Христос); на полях – “и человеколюбивый” ... “вся его” вместо (прорицающих того) ... “иже убо” вместо (потом же) ... “истинно слово” вместо (того славу) ... (нас). **Л. 428 об:** И “от” идольския нечистоты ... “во благочестии” святым Крещением ... “тех проповедник” во всю (бо) землю ... (их) “рода” вместо (языка) ... глас (он Божественный) священныя “онья” трубы, великаго, (глаголю) ... яко орла “бысть паряща, или яко” (яко же рещи) ... про(тещи вселенную) “кшаго различныя страны вселенныя” ... (егдаже) быти ему ... (и ту) прорече “бывшим” вместо (сущим) и “в немже людие” истиннаго Бога познают, веровати “вонь” вместо (ему). **Л. 429:** (еже и бысть) “водрузи” вместо (и постави) крест ... (егда) воздвиже Моисея “иногда” ... “российским” (новому Израилю) ... (новаго апостола) или яко же “послужая в Риме” вместо (иногда) ... от идолослужения (работы) избави. Не “сквозе” море... **Л. 429 об.:** землю Российскую. “В нейже” вместо (сиче же сему бывающу) ... “умножившимся” вместо (множествующим и радующимся) ... (иже) красная услаждаемся ... якоже иногда “райски ризы и утвердимся правоверия” вместо (беше в Египте древле) “первее”... **Л. 430:** ... мужей “силу” обретаится ... (Якоже рече богогласный Исаия: Людие ходяще во тме, свет возсия им.) “подобает” вместо (такожде ныне) ... “идеже иногда сквернии почитахуся кумиры свет возсия богоразумия и мужие святии умноживаются, иже” вместо (всеми нами видимо есть) ... **Л. 430 об.:** ... по смерти же “дивнвми” чудеса “Богом прославлени быша о их же сословия” вместо (и знаменми, в нихже) есть сей ... пишуца (еже) о святем ... **Л. 431:** ... (и) духовныя мужи взыскупа, (и) молитвы “прося, благословения” от них ... “тех” вместо (ихже) жития почитая и памяти “совершая” вместо (торжествуя) ... **Л. 431 об.:** ... елико Бог творит чудеса “при мощех бе бо прославляя своего угодника, по оному неложному обещанию” вместо (его ради О сем бо Сам глаголет Господь)... “повеле” вместо (прилучи же ся) написати, (еже) ... **Л. 432:** ... высоко слово имущу, “точию же славы угодников Божиих рече слово” но паче (грешну ми) ... и боящу (же ми ся) ... (по глаголющему: бых невежда словом, но не разумом, аз же) ... **Л. 432 об.:** ... И недостаточен (некако имех, но о сем подобает ми содетеля моего Бога благодарити, иже от духа Своего навсяку плоть изливавшу и слово сложно и разума исполнено даровавшу овому сиче, другому же сиче. Но о сем молю вашу отеческую духовную любовь, яко да молитвою вашею поможете ми, еже подати ми ся от всемогущаго Бога слову во отвержение уст моих, еже нечто написати от жития преподобного Стефана, понеже) извития ... ни от человек “ищя сия пишу” вместо (славы сия мимотекущия) взысках, но повелен бых от (тогда) ... “от преосвященнейшаго” вместо (святейшаго) ... **Л. 433:** ... помышля(я) “вшу ми” в себе ... о сем не ве(м) “дех где”, (како) родися ... (сия же ми помышляющу и о сем) немало попечение ми бысть “да пишу истину”, и ... **Л. 433 об.:** ... по “реченному” вместо (глаголющему): вопросы, (рече), отца ... “помыслих дело” вместо (сему же бывшу) ... и вопрошах ту “бывшаго” вместо (сущаго) игумена ... свитцы, (на хартиях) написаны ... саном

“бывша” вместо (суща) ... иже “бе” вместо (бысть) самовидец ... **Л. 434:** ... о т юности твор(имая) “творенная” добродетели ... сего “убо” вместо (же) Серапиона свитцы ... напи(сано бяше) “санная” ... **Л. 434 об.:** ... и (от вас самех) молитв прося ... “сиче начиная блаженный Стефан родився от благочестиву родителю во граде Киеве, крещен бысть” вместо (егда же родившуся сему блаженному, и крестиша и) во имя Отца и Сына и Святаго Духа, егда же (устрабившуся отроку и) “и благодатию Божию” вскоре извыче ... и (дошед) “ростя дойти” совершенна возраста ... **Л. 435:** ... всякое “мирское” вместо (плотское) мудрование ... “тщашеся” на молитве ... вниманием и трезвением “пребываше” ... **Л. 435 об.:** ... руце согбенне “держаше” вместо (имея) ... презрех Господа предо мною “выну” ... да ся не подвижу “прямо” ... по ... (неких) степенех “в добродетелех” текуще горе ... в сердцы “своем” полагая ... **Л. 436:** ... “поминая апостола рекше умервщляю тело свое, и порабошу” вместо (глаголя в себе апостольское слово сиче: Удержу си тело и порабошу е.) ... **Л. 436 об.:** ... (паче же) и послушания ... грех ради “человеческих” вместо (наших) ... “латинскую веру держашу” вместо (богомерзкою латынею и) утесняеми благочестивии от нечестивых ... подавляеми. “Темже” вместо (Мнози) же тогда от(ходят) “идоша” от Киева ... (кое бо причастие свету ко тме, или кая часть верну с неверными, или кое сложение церкви Божией со идолы, кое ли согласие Христови к велиару – глаголет божественный апостол. Что же творит тогда преподобный Стефан? Восприемлет в сердцы своем слово пророческое, глаголющее: Изыдите от среды их и не прикасайтесь.) **Л. 437:** ... “в то время блаженный Стефан оставль киевскую страну” (и исходит блаженный тогда от) Киева ... тамо “пребывати” непоколебиму ... “и глаголаше ко Господу сиче” вместо (глаголя сиче: Стопы моя) ... **Л. 437 об.:** ... преспевающих во (оной) православной ... **Л. 438:** ... честь велию возд(ая. Сего же) “вша. Иже” блаженнаго... молити самодержца “сиче” о ... **Л. 438 об.:** ... проходя “же” убо ... **Л. 439:** ... “еяже” якоже стенами некими (водою) окрест “бяше” ... **Л. 439 об.:** ... “иже” вместо (он бо) сам глаголет о себе ... “подобно” вместо (также и) блаженный Стефан, “седея рукама” вместо (приемля) всегда странная и нищая питаша“ (и питаше их,) ... “И тако живя не” вместо (И нитакже) возможе ... **Л. 440:** ... пресецати “имевших” вместо (имут) безмолвие ... число “бысть” немало инок ... и “освяти” вместо (освящает) ю по благословению “преосвященнаго” вместо (святейшаго)... **Л. 440 об.:** ... и постав(ляет) “и” монастырь ... окрест же (бе) живущии преходящи ‘к нему” мнози (от них) ... **Л. 441:** ... и “о” вместо (о сих) спасении “их” яко отец ... образ дая им(, по глаголющему: Творити же и учити) ... и творец. “Поминая Господня словеса оная” вместо (О сих бо сам глаголет Господь) ... и паки “оная” вместо (рече): Блаженни слышаши ... **Л. 441 об.:** кротость, (паче же) ризную худость ... николи же “никто же” (бо) видети его когда разъярившася на (кого) согрешающаго ... не мнети его “быти” настоятеля ... “ибо в душе кротости” вместо (но с тихостию) словом и смирением учаше ... отпустити “ему” тщина рукама, поминая “сие бо реченное” вместо (рекшего)... **Л. 442:** ... И слыша(ху же) “ще убо” сия “и иная” добродетельная ... **Л. 442 об.:** ... Марии (в Майумскцю) в пустыню... **Л. 443:** ... “та же” вместо (потом же) вкусиша пищи ... **Л. 443 об.:** ... две светиле в братии сияюще. “зрястесь” ... **Л. 444:** ... тако “жде” и сам благословения ... проход(я) “я(?)юще же” многия пустыни, Богу наставляющу (их) ... и зовлюби е зело “преподобный”. Сотворив молитву ... **Л. 444 об.:** ... вменя(ху) “юще. Тем же”. Проходяще многая места, “искаху” вместо (ищуще) ... он же рече “им” Сергей состави ... **Л. 446:** ... (дает) той Григорий ... Стефану “дает” ... сосуд быти Святому Духу “еже и бысть” ... **Л. 446 об.:** ... яко достойну (ему) сущу ... **Л. 447:** ... Юрцовския, “сия” часто прихождаху ... **Л. 447 об.:** “претяще” вместо (дышуще) убийством ... дондеже возвра(щуся глаголя) “титися ему”... **Л. 448:** ... и рекоша “от псалма стих” се удалихся бегая ... **Л. 450:** ... сущим “ту” вместо (с ним) братьям ... **Л. 451 об.:** ... (Игумену же Стефану) “и” повеле “Стефану”, да жительствует ... **Л. 452:** ... Тимофей богатством и честию (паче) инех ... Козьму, юнна “обо днями” вместо (суща) ... **Л. 453 об.:** ... Кириллов именуется (благодатию Христовою) ... **Л. 454:** ... блаженный “убо” вместо (же) Стефан ... **Л. 454 об.:** ... от уст блаженнаго Стефана “исходящих”. ... от “преосвященнаго” вместо (святейшаго) митрополита ... **Л. 455:** ... ничто же ино

“касательно быти” вместо (возвещающе) по сих ... **Л. 456 об.:** ...и учителя “лишени” мвесто (отъяти) бывше ...**Л. 457:** ... игумен Илия многи труды собою “положи” вместо (исправи) ... и потребных довольно (бьяше) во обители ... **Л. 457 об.:** ... настоятели, “тшаху ся” вместо (мняху) нечто собою ...**Л. 458:** ... Стефан устав положи, (но просто) обычай оставиша ... во окрестных “себе” градех и весех ... **Л. 458 об.:** ... грех ради “попустившу Богу” вместо (наших) пожгоша ... и (особь) кождо их живяще. Нерадя(щим) ... **Л. 459:** ...в животе своем “бе” пекийся ... и по смерти “не остави” прият “бо” от Бога ... с верою приходящим “яже бывает” вместо (даже) ... **Л. 459 об.:** ... вер(овати) “у” “яко” вместо (имут, яко не имать Бог оставити места оного и живущих в нем) молитв ради преподобного Стефана. “Места того и живущих на нем не имать Бог оставити. Емуже буди честь и слава от всех за вся. Ныне и во безконечные веки веков. Аминь.” Вместо (По сем же над гробом его изростоша три великие древа от единого корени, глаголемые березы. Верхом же древ оных красно некако израстшим, и бысть яко храм прекрасен верху гроба преподобного, и мнози хотяху посети дрвеса оны и абие удержевахуся, глаголюще, ако николиже нигдеже видехом.) **Л. 461:** ... Герману молящюся “случися” изыде “ти” ... и “се” видит ... **Л. 462 об.:** ... уразуме (ваше) не просту быти вещь ... **Л. 463:** ... и устави (паки) оттоле ... (братии бе тогда в монастыри яко 60 и множае) народу (же) “снитися” вместо (сошедшюся) ... паче “хлеба” не имущи ... **Л. 463 об.:** ... “еже” вместо (да) бы “ни” вместо (како) в чесом (не) разорити устав преподобного Стефана, “егоже” вместо (якоже) прежде ... устав “и” (предал) игумену “убо” вместо (же) Варлааму ... чудотворца Стефана (в молитву) на помощь ... **Л. 464 об.:** ... И начаша ясти. “И се иже” вместо (И иже) иногда **Л. 465:** ... укрухи, той “сам и zde” вместо (ныне) такожде множество народа насытил “Сам” ... братиям дово(лном) “лству” быти ... “та” вместо (и сие) видеша “людие Божии” (Божия) преславная ... воистину “исполнися днесь оно пророческое слово” волю боящихся ... **Л. 465 об.:** ... и сие (к) вашей ... сказати “чудо” : (бе у)бо ... сына (именем) Даниила. “Иже” вместо (сему же Даниилу) ... “Даже и” вместо (сиче же) и до свершенна ... **Л. 466:** ... “не бражения ради, и тако был бы пред Богом грех тяжкий и пред людьми скорбь велия” вместо (да нань нечто соседи его речь некую возглаголют) ... (сему же бывшу), облече “убо” его ... ношью (сына своего) “в путь” ... явися (ему) во сне ... лица “имея” (его) влущенне, браду (имея) ... **Л. 466 об.:** ... “Еще бьяше” вместо (Такожде) другой человек ... Зеленицына “житель” ... зело “яко” вместо (и) от тоя ... **Л. 467:** ... разслабеша “даже” вместо (и не могий) ни единым же от уд своих “можаше” шесть месяц, (и абие) ... “совершившися молебному пению” вместо (и тако молебная певше о нем), “абие” вместо (и в той час) ... **Л. 467 об.:** ... Терентиев пореклом (же) Захова ... (сему убо) ... связавшюся “ся” языку его и отнюд не мог(ушу ему) ... “пребысть тако” вместо (и сиче ему бысть) ... и преподобного Стефана на молитву призывая (в себе) ... приспевшу (тогда Пятидестницы) ... Емелиан пришед “в монастырь” припадая “со слезами” у гроба ... **Л. 468:** ... в дом свой “возвратися” вместо (отходит) ... чудесы святого “известно да есть” (скажется) вам ... яко мертва (и безгласна) ... **Л. 468 об.:** ... (и) во един (убо) от дний ... **Л. 469:** ... ктому не пострада “недуга” таково(е) ... И(ногда убо) “в некое лето” приспевшу ... **Л. 469 об.:** ... (сему же) ... одержиму (бывшу) духом ... “отец же его” вместо (сей) Прокопий ... боляй же припад (знаменашася) у гробу святого “знаменася крестным знамением”, потом же ... **Л. 470:** ... и абие (в той час) бысть здрав ... отец же (паки) прием(лет) ... и Пречистой Его Бого(родице) “матери” ... Бе (же) “за” яко поприщъ ... сему (убо) Киприяну ... **Л. 470 об.:** ... изступившу (ему) ума ... бе бо уже повсюду (и везде) ... и смыслено “на вопрошения” отвещеваше (глаголя) ... (и оттоле во вся лета приходя в монастырь) ... святого (и) молебная “благодарственно” совершая ... **Л. 471:** ... Человек некий (живый) ... (емуже) десная нога (его) боляще “по толику” (и сичева бе болезнь его) не могушу ему ... обнища(вшу ему) ... нозе (его) ходило ... прося(ще) милостыни. Гладу же (убо) ... **Л. 471 об.:** ... призывающю, “внезапу” вместо абие ... **Л. 472:** ... погребу “или” (ниже) в забвение ... не в темне месте (сотворися, но некако на среду предпоставим бывшее) “сотворися” чудо святого, “но светло мирови проповем во славу Божию и преподобного чудотворца: то же бысть сиче: есть”

вместо (еже и бысть сице: бе убо) село велико ... **Л.472 об.:** ... десная рука (его) уше ... нимало мо(жаше)гий” сице болезнующу (ему) ... явися ему “на яву” вместо (очи весть) ... **Л. 473:** ... вер(уя)“ва словеси” же человек он ... (сему же бывшу), священником “убо” ... начат себе “знаменати ею крестобразно” (прекрещати ею) ... **Л. 473 об.:** ... “и отиде в дом свой с радостию и веселием” вместо (и веселяся и радуяся тоъиде в дом свой). “Еще на иная” вместо (Паки же на другая подвигнем слово) “содеянная” вместо (творимая) преподобным Стефаном чюдеса “подвигнем слово”... яко “за” вместо (вдалее) ... (и бе) в нем “же бе” человек ...”сей” (в него же) всельшуся “вонь” ... и гласы не(лепья)”истовы” ... “аще же” вместо (его же) многажды вязаху “его” путы железными ... “обаче удержати не можаху, ибо он тыя со” вместо (он же со)крушаше ... **Л. 474:** ... им “благодееяния, темже” вместо (чюдеса) прив(одят)”едоша” того (страждущего) ... во(складают)”зложиша”, сами же “отидоша” вместо (отходят) ... иже (при)седя ... (и той) шед к ...”в” то(й же) “время” ... **Л. 474 об.:** ... и утописа, “сетующим имже” вместо (сим же глаголющем к себе), и скорбящим “о избегшем” вместо (о беснуемом) ... беснуемый (иже) он Мануил ...”иже” вместо (и) шед ... “яко видех” вместо (яко огню) рече “огнь” велико възгнешену ... лежаше “вонь же” воврещи мя (в огонь) ... **Л. 475:** ... “по сих” вместо (и тако) дав священником милостыню ... в дом свой “возвратися” вместо (отходит) ... и святого Стефана “прославляя”, (дивнаго) ... тоя же обители (преподобного Стефана) ... (и сей) имея сына Никиту (именем) ... “иже одержим бе” (имушу же ему дух) ... множичцею же (ему) ... (страждушу и поражаюшу его духу недужну) ... **Л. 475 об.:** ... и ино что (со)творити, ... “возможе” вместо (и сей) верою (влеком) ... “сам” вместо (он) же уломи от древа ... **Л. 476:** ... оттоле “Божию благодатию” бысть здрав “и во” прочия дни ... **Л. 476 об.:** ... чюдесех (его еже быша) “е” вместо (от) гроба ... без написания. “По тех же бысть” вместо (Бывшу же по сих) в той обители ... “иже” вместо (и) виде “у” вместо (от) гроба ... поминая (в себе) глаголемое ... (такожде) и дела Божия ... вкратце от (того) прадеда “своего” Серапиона ... **Л. 477:** ... написано (бъше) ... слыша “в” вместо (егда) еще “в юности и” вместо (юнну ему бывшу, тому игумену Варлааму, к сим же) помы(шляше)“сли” (на)писати ... (сему же бывшу ... еже о чюдесех святого. Еже виде и слыша той преждереченный Варлаам игумен) ”написав же” памяти ради (написа) ... и достойному в “во князех” вместо (царех) ... **Л. 477 об.:** ... Василия (иже) во иноцех ... преосвященному (господину) архиерею “всая” великия (всая) России, ... еже “тако” место (толика такова) оставити “святого” жития (его) и “дивных” чюдес, “Занеже” вместо (его же) и Сам Господь прослави ... “Тем же” (И) повелеша ... пользоваться “могут” вместо (имут) ... **Л. 478:** ... (и) повеле “же” предпомянутый ... сему (же) “дело” бывающу ... открывша гроб его, (и) “от него же” исполнишася вси благоухания (от него) ... на персех (святого) ... **Л. 478 об.:** ... “два” вместо (оба) надесять великих (владычних) праздник ... и положити “в нем” вместо (в его) праздники оны владычни, (иже) обретены “я” (быша) верху мощей святого. “Кресту же сооружену бывшу” вместо (Сим же крестом) елицы “той крест лобзающе” вместо (знаменающеся), (и) пьюще от него воду, с верою (приходящии) здравие “получаху и получают” вместо (почерпают) ... Отца и Сына И Святого Духа “царя всем владычествующего”(ныне и присно и во веки веком, аминь.)

[1] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII в.в. Л., 1973. С. 3.

[2] Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1995 – 1996. Кн. 3 – 4.

[3] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 2.

[4] Голубинский Е.Е. Истории канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад. 1894.

[5] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893.

[6] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI в.в. М., 1966.

[7] Барсуков Н.Б. Источники русской агиографии. Спб., 1882.

- [8] Леонид, архим. Святая Русь. Спб., 1891.
- [9] Словарь книжников и книжности древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.
- [10] Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы. Харьков. 1859. Ч.1.
- [11] Шевырев С.П. История русской словесности. М., 1859.
- [12] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1870. Ч. 1.
- [13] Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Спб., 1861. Т. 2.
- [14] Пыпин А.Н. История русской литературы. Спб., 1902. Т. 2.
- [15] Сперанский М.Н. Древняя русская литература. Московский период. М., 1913.
- [16] Орлов А.С. Древняя русская литература XI – XVI в.в. М. – Л. 1937.
- [17] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса. 1870. Ч. 1. С. 33.
- [18] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 376.
- [19] Коноплев Н. Святые Вологодского края.// ЧОИДР, 1895 г. М., 1895. Кн. 4. Ч. 4.
- [20] Кадлубовский А.П. Очерки по истории древне – русской литературы житий святых. 1 – 5. Варшава. 1902.
- [21] Адрианова – Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. – Л., 1947.
- [22] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979; Он же. Исследования по русской литературе. Л., 1986.
- [23] Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 12.
- [24] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 278.
- [25] РГБ Ф. 310, № 377; Ф. 310, № 378; РГАДА, рукоп. собр., Ф. 188, оп. 1, ч. 1, № 1186, л. 79.
- [26] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. Стлб. 198.
- [27] РГБ, Ф.310, № 378, л. 306.
- [28] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч 2. Спб 1991. С. 407.
- [29] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 279.
- [30] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии Иностраннных Дел. М., 1813. ч. 1. С. 555 - 556.
- [31] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч 2. Спб., 1991. С. 407.
- [32] Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы. Харьков. 1859 . Т. 1. С. 211.
- [33] Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 278.
- [34] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI в.в. М., 1966. С. 131.
- [35] под 14 июля - Прологи печатные и рукописный Месяцеслов РГБ Ф. 310, № 235.
- [36] РГБ, Ф. 304, № 692, л. 305.
- [37] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч 2. Спб 1991.с. 408.; Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 278.
- [38] РГБ Ф. 304, № 635.
- [39] Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы. Харьков. 1859. Т. 1. С. 211.
- [40] Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. с. 279.
- [41] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч 2. Спб., 1991. С. 408.
- [42] Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. Спб., 1882. Стлб. 543 – 544.
- [43] РГБ Ф 304, № 679.
- [44] Описание славянских рукописей библиотеки Свято – Троицкой Сергиевой Лавры. Отдел VII. М., 1878. С.с. 52, 55.
- [45] Там же, с. 36.
- [46] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Спб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 196 – 198.
- [47] Описание славянских рукописей библиотеки Свято – Троицкой Сергиевой Лавры. Отдел VI. М., 1878. С. 218.
- [48] Славяно – русские рукописи В.М. Ундольского. М., 1870, стлб. 257 – 258.
- [49] Там же, стлб. 258.
- [50] Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Опись фонда Ф 310. Собрание В.М. Ундольского. М., 1975. Т. III. С. 344.,
- [51] Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание Никифоровых. Ф 199. М., 1970. С. 39.
- [52] Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Опись собрания рукописных книг А.Н. Попова. М., 1964. С. 56.
- [53] Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. Описание рукописей Оптиной

- пустыни. М., 1958. Т. II. С. 66.
- [54] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Спб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 65 – 66.
- [55] Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. Спб., 1882. Стлб. 544.
- [56] Шевырев С.П. История русской словесности. М., 1859. С. XX
- [57] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1870, ч. 1. С. 430
- [58] Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 175
- [59] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1996. кн.4, ч. 1. С. 124
- [60] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 223
- [61] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 243
- [62] Орлов А.С. Древняя русская литература XI - XVI в.в. М. - Л. 1937. С. 332
- [63] Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881. С. 37
- [64] Сперанский М.Н. Древняя русская литература. Московский период. М., 1913. С.242 – 243.
- [65] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 228.
- [66] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С.188
- [67] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 151 об.
- [68] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С.189.
- [69] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 159 об.
- [70] Там же, л. 157 об.
- [71] Там же, л.л. 157 об. – 158.
- [72] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 183.
- [73] Там же, с. 193.
- [74] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 220
- [75] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 223.
- [76] Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 200.
- [77] Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Спб., 1861. т. II Древне - русская народная литература и искусство. С. 98.
- [78] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С.232.
- [79] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 390.
- [80] Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 216.
- [81] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. ч. 1. С. 438.
- [82] Голубинский Е.Е. Канонизация святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 81.
- [83] РНБ, собр. Погодина, л. 148 об.
- [84] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1871. С. 387.
- [85] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1996. т. 4. ч. 2. С. 44.
- [86] Там же, с. 44.
- [87] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI в.в. М., 1963. С. 131.
- [88] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870, ч. 1. С. 32.
- [89] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1870. Ч. 1. С. 430.
- [90] Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 3. С. 133.
- [91] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 391.
- [92] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 367.
- [93] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870, ч. 1. С. 27.
- [94] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870, ч. 1. С. 146.
- [95] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 377.
- [96] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч.1. С. 127.
- [97] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 376.
- [98] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч.1. С. 4.
- [99] Шевырев С.П. История русской словесности. М., 1859. С. 37.
- [100] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч.1. С. 124.
- [101] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 367 – 368.
- [102] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч.1. С. 127.
- [103] Буслаев Ф.И. Исторические очерки народной словесности и искусства. Спб., 1861. Т. 2 Древне - русская

литература и искусство. С. 97 - 98.

- [104] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII - XVII в.в. Л., 1973. С. 4.
- [105] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч.1. С. 13 - 14.
- [106] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 133.
- [107] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 360.
- [108] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1870. Ч. 1. С. 430.
- [109] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 361.
- [110] Буслаев Ф.И. Исторические очерки народной русской словесности и искусства. Спб., 1861. Т. 2 Древне - русская литература и искусство. С. 97.
- [111] Лихачев Д.С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 3. С. 134.
- [112] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч. 1. С. 128.
- [113] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 379.
- [114] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI в.в. М., 1963. С. 31.
- [115] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII - XVII в.в. Л., 1973. С. 10.
- [116] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 10.
- [117] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII - XVII в.в. Л., 1973. С. 9.
- [118] Там же. С. 11.
- [119] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 135.
- [120] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 133.
- [121] Там же. Л. 161 об.
- [122] Там же. Л. 133.
- [123] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч. 1. С. 33.
- [124] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 161.
- [125] Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса. 1870. Ч. 1. С. 34.
- [126] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 160 об.
- [127] Там же. Л. 138.
- [128] Там же. Л. 146.
- [129] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 280
- [130] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 110 - 111.
- [131] Великия Минеи Четии. Спб., 1883. Сентябрь. Дни 25 -30. Стлб. 1428 - 1429.
- [132] РГБ, Ф 310. № 574. Л. 671.
- [133] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 133 об.
- [134] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 7.
- [135] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 134 об.
- [136] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 4.
- [137] Там же, с. 65.
- [138] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 136 об.
- [139] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 62.
- [140] Там же. С. 38.
- [141] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 38.
- [142] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 132.
- [143] РГБ, Ф 310, № 574. Л. 667 об.
- [144] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 134.
- [145] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 669.
- [146] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 133 об.
- [147] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 669 об.
- [148] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 45.
- [149] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 136.
- [150] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 668 об.
- [151] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 136.
- [152] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 683 об.

- [153] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 79.
- [154] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 138.
- [155] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 678 об. – 679.
- [156] Там же, л. 684.
- [157] Там же, л. 674 об.
- [158] Великия Минеи Четии. Сентябрь. Спб., 1883. Стлб. 1417.
- [159] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 40.
- [160] Там же, с. 107.
- [161] Великия Минеи Четии. Сентябрь. Спб., 1883. Стлб. 1432.
- [162] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 142 об.
- [163] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 25.
- [164] Там же, с. 132.
- [165] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 144 об.
- [166] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 680.
- [167] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 139 об.
- [168] РГБ, Ф 310, № 667. Л. 684 об.
- [169] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 93.
- [170] Там же, с. 75.
- [171] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 139 об.
- [172] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 139 об.
- [173] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 94.
- [174] Там же. С. 114.
- [175] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 147 об.
- [176] РГБ Ф 310, № 667. Л. 684 – 684 об.
- [177] Великия Минеи Четии. Сентябрь. Спб., 1883. Стлб. 1448.
- [178] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 148 об.
- [179] РГБ Ф 310, № 667. Л. 700 об. – 704.
- [180] Великия Минеи Четии. Сентябрь. Спб., 1883. Стлб. 1449.
- [181] Там же, стлб. 1448.
- [182] Там же, стлб. 1452.
- [183] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 161.
- [184] РГБ Ф 310, № 667. Л. 705 об.
- [185] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 2.
- [186] РНБ, собр. Погодина, № 734. Л. 161.
- [187] Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца. Спб., 1885. С. 145.
- [188] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1913, ч. 1. С. 429.
- [189] Петухов Е.В. Русская литература: Древний период. Пг., 1916. С. VIII.
- [190] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2. С. 319.
- [191] Там же, с. 320.
- [192] Колобанов В.А. Владимиро – Суздальские литературные памятники XIV – XVI в.в. М., 1982. С. 140.
- [193] Лихачев Д.С. Исследования по русской литературе. Л., 1986. С. 29.
- [194] См.: Дмитриев Л.А. История жанров в русской литературе X – XVII в.в.// ТОДРЛ, т. 27. Л., 1972. С. 182.
- [195] Лихачев Д.С. Исследования по древне – русской литературе. Л., 1986. С. 29.
- [196] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2. С. 321 – 322.
- [197] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 134.
- [198] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 402.
- [199] Там же, с. 403.
- [200] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 3. С. 138.
- [201] Порфирьев И. История русской словесности. Казань. 1870. Ч. 1. С. 43.
- [202] Сперанский М.Н. Древняя русская литература. Московский период. М., 1913. С. 246.
- [203] Богуславский С.А. Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии.//Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сборник. Л. 1928. С. 335 – 336.
- [204] Коноплев Н. Святые Вологодского края. // ЧОИДР. М., 1895. Кн. 4. Ч. 4. С. 3.

- [205] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII в.в. Л., 1973. С. 4.
- [206] Петухов Е.В. Русская литература. Древний период. Пг., 1916. С. XVI.
- [207] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 381.
- [208] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 1. С. 33.
- [209] Лихачев Д.С. Исследования по русской литературе. Л., 1986. С. 79.
- [210] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1906. Т. 2. С. 321.
- [211] Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII – XVII в.в. Л., 1973. С. 5.
- [212] РГБ, Ф 310. № 378. “Стефана Махрищского житие и служба ему.”
- [213] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 1. С. 326.
- [214] Вагнер Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974. С. 252, 30.
- [215] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 409.
- [216] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 1. С. 336.
- [217] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 399.
- [218] Вагнер Г.К. Проблема жанров в древне – русском искусстве. М., 1974. С. 36.
- [219] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 1. С. 345.
- [220] Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 30.
- [221] Лихачев Д.С. Избранные работы. М., 1987. Т. 1. С. 346.
- [222] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1957. Т. 2. С. 322.
- [223] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 89.
- [224] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 90.
- [225] Лихачев Д.С. Исследования по русской литературе. Л., 1986. С. 288.
- [226] Лихачев Д.С. Исследования по русской литературе. Л., 1986. С. 290.
- [227] Дмитриев Л.А. История жанров в русской литературе X – XVII веков. // ТОДРЛ, Л., 1972. № 27. С. 182.
- [228] Дмитриев Л.А. История жанров в русской литературе X – XVII веков. // ТОДРЛ, Л., 1972. № 27. С. 184.
- [229] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 141.
- [230] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 102.
- [231] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 150 об.
- [232] Там же, л. 154.
- [233] Там же, л.л. 139, 154.
- [234] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 105.
- [235] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 107.
- [236] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 136.
- [237] Там же. Л. 134.
- [238] Там же. Л. 148 об.
- [239] Евгеньева А.П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII – XIX в.в.// ТОДРЛ, М – Л. 1948. Т. VI. С. 166.
- [240] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 161.
- [241] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 159.
- [242] Адрианова – Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М. – Л. 1947. С. 24.
- [243] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 140 об.
- [244] Адрианова – Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М. – Л. 1947. С. 40.
- [245] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 136.
- [246] Там же. Л. 145.
- [247] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 182.
- [248] РНБ, собр. Погодина. № 734. Л. 147 об.
- [249] Там же. Л. 144.
- [250] Там же. Л. 148.
- [251] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 252.
- [252] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад. 1894. с. 142.
- [253] Сергей (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М. 1997. т. 2. с. 212.
- [254] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад. 1894. с. 155.

- [255] Там же, с. 155 - 156.
- [256] Сергей(Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. т. 1. с. 390.
- [257] Пролог, М., 1662. июнь - август. Л. 252.
- [258] Пролог. М., 1662. июнь - август. Л. 252.
- [259] Сергей (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. т. 1. с. 353.
- [260] РГБ: О.Р. № 216, Ф 310 № 236, Ф 299 № 546, Никиф. 676.
- [261] РГБ: Ф 310 № 122, Ф 299 № 60, М (Большаков) № 340, О.Р. № 36, Ф 178 № 1499, Ф 310 № 455.
- [262] РГБ, Ф. 310, № 233, л. 173 об.
- [263] РГБ, Ф 310, № 235.
- [264] Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1. С. 364.
- [265] Святцы. Супрасль. 1786. "Съ переводу святцевъ печатанныхъ въ великой России: въ царствующемъ граде Москве. Въ лето зрнз. Въ царствование благочестиваго царя Алексия Михайловича. А въ патриаршество святейшаго Иосифа патриарха , Московскаго, въ седьмое лето патриаршества его " Святцы. Вильно. 1797 - 1799. "Сия книжица святцы съ краткимъ описаниемъ жития святыхъ, и съ нужными христианину потребями. Съ переводу святейшаго патриарха Иосифа. Въ лето зрнз."
- [266] Сергей (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. т. 1. с. 365.
- [267] Там же. Т. 1. С. 3.
- [268] Святцы. М., Печатный двор. 1646. Л. 297.
- [269] РГБ, Ф. 310, № 51.
- [270] РГБ, Фад. № 30. Л. 274 об.
- [271] "Сей Стефанъ родомъ от Киева постриженъ въ Печерскомъ монастыре, прииде исъ Киева къ Москве въ княжение великаго князя Иоанна Даниловича Калиты, преставися въ лета СЦДИ." Месяцеслов. М., Печатный двор. 1659. Л. 340.
- [272] Сергей (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. II. С. 182.
- [273] РГБ Ф 304 № 677. Минея Четья, июнь. 1631. Л.Л. 144 - 168.
- [274] РГБ Ф 304 № 635. Сборник. XVIIв. Л.Л. 39 - 85 об.
- [275] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 333.
- [276] Коноплев Н. Святые Вологодского края.// ЧОИДР. 1895. Кн.IV, Ч.IV, С. 29.
- [277] РНБ. собр. Погодина. № 734, л. 136 об.
- [278] Там же, л. 137 об.
- [279] РНБ. собр. Погодина. № 734, л. 138 об.
- [280] Там же, л. 139.
- [281] Там же, л. 139.
- [282] Там же, л. 146 об..
- [283] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3, с. 103.
- [284] Киево - Печерская лавра. Описание. Киев. 1831. С. 139.
- [285] РНБ, Собр. Погодина. № 734, л. 136 об.
- [286] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 103.
- [287] Соловьев В.М. Сочинения. М., 1947, кн. 2. С. 236 - 237.
- [288] см. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли. Киев. 1895. С. 485
- [289] Филарет, архиеп. История Русской Церкви. период II, М., 1888. С. 38.
- [290] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 337.
- [291] Киево-Печерская лавра. Описание. Киев. 1831. С. 23.
- [292] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. II, пол. 2. С. 8.
- [293] РНБ. собр. Погодина, № 734, Л. 138.
- [294] Макарий, митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 123.
- [295] Там же, с.32.
- [296] Леонид, архим. Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга. М., 1878. С. 23.
- [297] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3, С. 653.
- [298] Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992, № 10. С. 87 - 88
- [299] РНБ. собр. Погодина. № 734, л. 142.
- [300] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995. кн. 3. С. 653.
- [301] Макарий митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 74

- [302] Там же, с. 643.
- [303] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877. Стлб. 237.
- [304] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI в.в. М., 1966. С. 131.
- [305] Макарий, митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 653; Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 180.
- [306] Макарий, митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 132.
- [307] Леонид, архим. Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга. М., 1878. С. 23.
- [308] Леонид, архим. Махрицкий монастырь. Синодик и вкладная книга. М., 1878. С. 23.
- [309] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877. Стлб. 759.
- [310] Макарий, митр. История Русской Церкви. М., 1995, кн. 3. С. 633.
- [311] Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV - XVI в.в. М., 1966. С. 134.
- [312] Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель в России в XVI веке. Л., 1985. С. 180.
- [313] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877. Стлб. 759.
- [314] Там же, стлб. 237.
- [315] .РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 15, д. 25797, л. 27.
- [316] Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877. Стлб. 543.
- [317] .РГАДА, ф. 1204, оп. 1, ч. 15, д. 25797, л. 27.
- [318] Панова Т.Д. Искусство христианского мира./ Сб. статей, М., 1999, с. 145.
- [319] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 280.
- [320] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М. 1997. с.49.
- [321] Там же, с. 211.
- [322] РНБ. собр. Погодина. № 734, л. 135 об.
- [323] ГИМ, Синод. собр. № 542. л. 415.
- [324] РНБ. собр. Погодина. № 734, л. 137 об.
- [325] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 127.
- [326] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. II. С. 326.
- [327] Там же, С. 327.
- [328] РГБ, Ф. 310, № 378, л. 129 об.
- [329] РНБ, собр. Погодина. № 734. л. 138 об.
- [330] Там же, л. 144 об.
- [331] РНБ, собр. Погодина. № 734. л. 138 об.
- [332] ГИМ, Синод. Собр.. № 542. л. 421 об.
- [333] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 211.
- [334] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. II. С. 329.
- [335] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. II. С. 329 - 330.
- [336] ГИМ, Синод. Собр. № 542, л. 416.
- [337] РНБ, собр. Погодина. № 734, л. 139 об.
- [338] Там же, л. 139 об.
- [339] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 50.
- [340] ГИМ, Синод. Собр. № 542, л. 417.
- [341] РНБ, собр. Погодина. № 734, л. 135.
- [342] Кадлубовский А. Очерки по истории древне - русской литературы житий святых. 1 - 5. Варшава. 1902. С. 63
- [343] Там же, с. 165.
- [344] Там же, с 170.
- [345] Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань. 1881. С. 27.
- [346] Кадлубовский А. Очерки по истории древне - русской литературы житий святых. 1 - 5. Варшава. 1902. С. 328.
- [347] Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 216 - 217.
- [348] Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 169.
- [349] РНБ. Собр. Погодина. № 734, л. 133 об.
- [350] Кадлубовский А. Очерки по истории древне - русской литературы житий святых. 1 - 5. Варшава. 1902. С. 331.

- [351] Там же, с. 333.
- [352] Кадлубовский А. Очерки по истории древне - русской литературы житий святых. 1 - 5. Варшава. 1902. С. 337.
- [353] Там же, с. 335.
- [354] Федотов Г. П. Святые древней Руси. М., 1997. С. 170.
- [355] ср. Кадлубовский А Очерки по истории древне - русской литературы житий святых. 1 - 5. Варшава. 1902. С. 370.
- [356] Коноплев Н. Святые Вологодского края. // ЧОИДР. М., 1895. Кн. IV. Ч. IV. С. 28.
- [357] Коноплев Н. Святые Вологодского края. // ЧОИДР. М., 1895. Кн. IV. Ч. IV. С. 30.
- [358] Там же, с. 29.
- [359] РНБ, собр. Погодина № 734, л.131: своя - пропущено.
- [360] РГБ Ф 256 № 94, л. 446: ученикъ.
- [361] РГБ Ф 199 № 121, л. 1 об.: святымъ крещением.
- [362] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 131об.: бо -пропущено.
- [363] РГБ Ф 310 № 1101, л. 31 об.; Ф 199 № 121, л. 1об.; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 90(313): Давиду пророку.
- [364] РГБ Ф 256 № 94, л.446: русскаго.
- [365] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 131 об.: ...поставятся мнози.
- [366] РГБ Ф 310 № 377, л. 1 об.: Божественный Андрей - нет.
- [367] Там же, л. 1 об.: по пророчеству святаго ...
- [368] РГБ Ф 310 № 1101, л. 32: Божественнаго Андрея.
- [369] РГБ Ф 310 № 378, л. 23; Ф 310 № 377, Л. 1 об.: людие бяху мнози.
- [370] РГБ Ф 199 № 121, Л. 2 об.: ...иногда Великаго Константина.
- [371] РГБ Ф 304 № 637, л. 44 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 429 об.; РГБ Опт. 228, л. 4 : ... землю Российскую.
- [372] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 132: множащимся.
- [373] РГБ Ф 310 № 1101, л. 32 об.: и вѣре православнѣй цвѣтущи - нет.
- [374] РГБ Ф 256 № 94, л. 446 об.: последи же иноческа я тамо умножахуся.
- [375] РГБ Ф 304 № 637, л. 45; РГБ Опт. 228, л. 4 : яко же никогда нигдѣже.
- [376] РГБ Ф 304 № 637, л. 45; РГБ Опт. 228, л. 5: в Российстѣй земли.
- [377] РГБ Ф 199 № 121, л. 3 об.: ... свѣтилникъ или звѣзды.
- [378] РГБ Ф 256 № 94, л. 447: днесь - пропущено.
- [379] РГБ Ф 310 № 1101, л. 33: Заголовок: О рождении преподобнаго Стефана. РГБ Опт. 228, л. 5: О рождении святаго.
- [380] РГБ Опт. 228, л. 5: сей - пропущено.
- [381] РГБ Ф 199 № 121, л. 4: ...и благочестиву - нет.
- [382] Там же, л. 4: Яко неистово пишуца.
- [383] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 133: Понеже бо уже ...
- [384] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 431: великаго - приписка сверху строки.
- [385] РНБ, собр. Погодина, л. 133: ...велию воздавая имъ.
- [386] РГБ Ф 310 № 378, л. 24; Ф 310 № 377, л. 2 об.: Царей прежде бывших.
- [387] РГБ Ф 304 № 637, л. 45 об.; РНБ, собр.Погодина № 734, л. 133 об.: ...такожде и преосвященный ...
- [388] РГБ Ф 304 № 637, л. 45 об.; РГБ Опт. 228, л. 7: Российския ...
- [389] РНБ, собр. Погодина, л. 133 об.: Господь - нет.
- [390] РГБ Ф 199 № 121, л. 4 об.: славящая прославию.РНБ, собр. Погодина № 734, л. 133 об.: ...и ищущей мене обрящуть благодать.
- [391] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 133 об.: преподобныхъ отецъ.
- [392] РГБ Ф 310 № 378, л. 4 об.; Ф 310 № 377, л. 3: ... отеческую и духовную любовь вашу. РНБ, собр. Погодина № 734, л. 134: вашу отеческую духовную любовь.
- [393] РГБ Ф 310 № 378, л. 4 об.; Ф 310 № 377, л. 3: ... ни философии учихся.
- [394] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 92(315): Пресвятая
- [395] РГБ Ф 310 № 377, л. 3; Ф 304 № 637, л. 46 об.: ...Российския.
- [396] РГБ Ф 310 № 378, л. 4 об.: святѣшаго господина глаголю митрополита ...
- [397] РГБ Ф 310 № 377, л. 3: Тако же и откуда ...
- [398] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 134 об.: ...уже многа.
- [399] РГБ Ф 310 № 378, л. 4 об.: ... преидоша, отнелиже святый.

- [400] РГБ Ф 199 № 121, л. 5 об.: понеже убо лѣта многа уже преидоша, яко родися и преставися ...
- [401] ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 92(315): о семь – пропущено.
- [402] РГБ Ф 304 № 679, 306 об.: немало – приписка на полях.
- [403] РГБ Ф 310 № 1101, л. 35 об.: преподобный.
- [404] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 134 об.: прочих.
- [405] РГБ Ф 310 № 378, л.5; РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 135; РГБ Ф 256 № 94, л. 448: дохия; Ф 310 № 377, л. 3 об.: дохи; Ф 304 № 692, л. 709: дохия, на полях приписка: ксено.
- [406] РГБ Опт. 228, л. 11: Варлааму – пропущено.
- [407] РГБ Ф 310 № 378, л. 5; Ф 304 № 692, л. 709: самовидец бысть.
- [408] РГБ Ф 310 № 1101, л. 35 об.: Сего – не выделено.
- [409] РГБ Опт. 228, л. 11: Стефана – пропущено.
- [410] РГБ Ф 199 № 121, л. 8: яко не во тще труд ми бысть – пропущено.
- [411] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 135: от всемогущаго Бога милости...
- [412] РГБ Ф 304 № 637, л. 47 об. РНБ, собр. Погодина № 734, л. 135: ...и молитв святаго...
- [413] РГБ Ф 304 № 637, л. 47 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 448 об.: молитвь...
- [414] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 135 об.: молитв прося, коснухся...
- [415] РГБ Ф 310 № 1101, л. 36: Егда – не выделено. ГИМ, Синод. собр. № 807: начало рукописи см. в конце приложения 1.
- [416] РГБ Ф 304 № 637, л. 7 об.: ...ноготь. РГБ Опт. 228, л. 12: леть.
- [417] РГБ Опт. 228, л. 12: в Киево – Печерский.
- [418] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 136: очи свои...
- [419] РГБ Ф 310 № 377, л. 4 об.; Ф 304 № 692, л. 710; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 93(316); РГБ Ф 256 № 94, л. 499; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 720 об.: ... псаломское оно слово.
- [420] РГБ Ф 310 № 378, л. 6 об.: ... есть – пропущено.
- [421] ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 720 об.: день от дни – пропущено.
- [422] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 136: въ сердци своемъ ...
- [423] Там же, л. 136 об.: ...и мимотекушу.
- [424] РГБ Ф 199 № 121, л. 9: ... и пустошну – пропущено.
- [425] РГБ Ф 310 № 378, л. 7; Ф 310 № 377, л. 4 об.: ... весма – пропущено.
- [426] ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 93 об.(316 об.): хотяще воздати.
- [427] РГБ Ф 310 № 378, л.7: ... служа не яко самому Богу...; Ф 310 № 377, л. 4 об.: ... не яко братии, но яко Самому Христу.
- [428] РГБ Опт. 228, л. 15: латынею, сие есть Римскою ересью.
- [429] РГБ Ф 310 № 1101, л. 39: Что же – не выделено; Ф 310 № 377, л. 5: И то же ...
- [430] РГБ Ф 310 № 377, л. 5: ...благодатию Христовою.
- [431] РГБ Ф 310 № 1101, л. 39 об.: ...вѣру православную. РНБ, собр. Погодина № 734, л. 137: Христовою благодатию христианскую православную вѣру.
- [432] РГБ Опт. 228, л. 16 : обладаеть.
- [433] РГБ Ф 310 № 1101, л. 39 об; Ф 310 № 378, л. 9; Ф 310 № 377, л. 5 об.; Ф 304 № 692, л. 711; Ф 304 № 637, л. 49; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 137; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 94(317); РГБ Ф 256 № 94, л. 450: ... оправданиемъ Твоимъ. ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 437 ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 722 об: оправданием своимъ.
- [434] РГБ Ф 199 № 121, л. 9 об.: ... преспѣвающихъ во истинной православой вѣре.
- [435] РГБ Ф 310 № 378; Ф 310 № 377, л. 5 об.: ...православную веру христианскую. Ф 310 № 1101, л. 40.: ... православную вѣру христанскую вѣру...
- [436] РГБ Ф 304 № 692, л. 5 об.: ...и монастыри устрояху, священники любляше...
- [437] РГБ Ф 310 № 677, л. 5 об.; Ф 304 № 637, л. 49 об.; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 138; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 438; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 94 об.(317 об.) : ...славы от человекъ.
- [438] РГБ Ф 199 № 121, л. 10 об.: себе – пропущено.
- [439] РГБ Ф 310 № 378, л. 10; Ф 310 № 377, л. 5 об.; Ф 304 № 692, л. 711; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 138; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 94 об.(317 об.) ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 724: ...самодержца, глаголя...
- [440] РГБ Ф 310 № 377, л. 6: да повелить мне...
- [441] Там же, л. 6: великий – пропущено.
- [442] РГБ Ф 310 № 1101, л. 10 об.: ...самодержецъ великий князь Иванъ.
- [443] РГБ Ф 310 № 377, л. 6: доволная – пропущено.

- [444] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 438 об.: яже есть.
- [445] РГБ Ф 310 № 378, л. 10 об.: ...мѣсто оно.
- [446] Там же; Ф 310 № 377, л. 6: угодно велми...
- [447] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 138 об.: ...оно Господне. ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 724 об.: Господне слово оно...
- [448] РГБ Ф 199 № 121, л. 11: Такоже - красная строка.
- [449] РГБ Опт. 228, л. 20: Сице.
- [450] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 138 об.: ...дѣлати, да не ясть.
- [451] РГБ Ф 310 № 377, л. 6 об.: сии - пропущено.
- [452] РГБ Ф 199 № 121, л. 11 об.: преподобный - пропущено.
- [453] РГБ Ф 310 № 377, л. 6 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 451: ...верху горы укрытися...
- [454] РГБ Ф 310 № 1101, л. 42; Ф 199 № 121, л. 11 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 451: ...повинувся приимати ихъ яко присѣщати имуть безмолвие его.
- [455] РГБ Ф 304 № 637, л. 50 об.; РГБ Опт. 228, л. 21 : монаховъ.
- [456] РГБ Ф 199 № 121, л. 12: Живоначалныя Троицы.
- [457] РГБ Ф 310 № 377, л. 6 об.: святѣйшаго - пропущено.
- [458] РГБ Ф 199 № 121, л. 12: Окрест - не выделено.
- [459] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 139 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 440 об.: нелѣпно.
- [460] РГБ Ф 199 № 121, л.12 об.; Ф 310 № 378, л. 12; Ф 310 № 377, л. 7; Ф 304 № 692, л. 712 об.: ...самъ во всемъ собою образъ.
- [461] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 139 об.: ...и смиреннаго.
- [462] РГБ Ф 304 № 692, л. 712 об.; РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 139 об.; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 95(318): И паки блажени рече...Ф 310 № 377, л. 7: блажени - пропущено.
- [463] РГБ Ф 199 № 121, л.12 об.: в братии непшевати - пропущено.
- [464] РГБ Ф 310 № 1101, л. 43: ..убога но и странна.
- [465] РГБ Ф 304 № 637, л. 51; РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 140; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 441; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 96(319); РГБ Опт. 228, л. 23: милуя нищя, Богу...
- [466] РГБ Ф 310 № 377, л. 712 об.: ...нашь.
- [467] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 140: ...сия многыя добродѣтели и исправления.
- [468] РГБ Ф 310 № 378, л. 12: ...людие христоиментыи.
- [469] РГБ Ф 310 № 1101, л. 43: Приходит - не выделено.
- [470] РГБ Опт. 228, л. 24: рнеподобный Сергие великий.
- [471] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 140: преподобнаго.
- [472] РГБ Ф 256 № 94, л. 452: и словесное сѣмя сѣвающе - пропущено.
- [473] РГБ Опт. 228, л. 24: рече: Благослови!
- [474] РГБ Ф 310 № 377, л. 7 об.: ...древле бысть. РНБ, собр. Погодина № 734, л. 140 об.: Се же бысть, яко же иногда древле...
- [475] РГБ Ф 304 № 637, л. 51 об.; РГБ Опт. 228, л. 25: Маиоумскоую - пропущено.
- [476] РГБ Опт. 228, л. 25: молитву - пропущено.
- [477] РГБ Ф 256 № 94, л. 452: и повинувся еже о...
- [478] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 141: окружено бо бѣ...
- [479] РГБ Ф 310 № 1101, л. 45: святыи Сергие.
- [480] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 141: сповѣдает же Стефану святыи Сергие...
- [481] РГБ Ф 199 № 121, л. 14 об.: ...мужа добродѣлна.
- [482] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 141 об.: сущим с нимъ...
- [483] РГБ Ф 304 № 692, л. 714; Ф 199 № 121, л. 15; Ф 304 № 637, л. 52 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 445 об.; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 97(320); РГБ Ф 256 № 94, л. 453; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 729: нетерпяху.
- [484] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 141 об.: обхождаху. ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 445 об.: Проходяще.
- [485] РГБ Ф 310 № 378, л. 14 об.; Ф 304, № 637, л. 52 об.; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 97(320): онъ же рече: Сергие состави... РГБ Опт. 228, л. 28: он же рече: преподобный Сргий состави.
- [486] РГБ Ф 199 № 121, л. 15 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 453: сие - пропущено.
- [487] РГБ Ф 199 № 121, л. 15 об.: ...во свою емоу. Стефанъ же болми...
- [488] РГБ Ф 310 № 1101, л. 46: великую - пропущено.
- [489] РГБ Опт. 228, л. 29: глаголемую Лавру.
- [490] РГБ Ф 310 № 1101, л. 46; Ф 199 № 121, л. 15 об.: Бѣ - не выделено.

- [491] РГБ Ф 199 № 121, л. 16: свою – пропущено.
- [492] РГБ Ф 310 № 378, л. 9; РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 142 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 453 об.: ...нивами в монастырь преподобного Стефана.
- [493] РГБ Ф 304, № 637, л.53; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 446: ...монаха.
- [494] РГБ Ф 310 № 1101, л. 16 об.: ...Божию благодать. И посылается...
- [495] РГБ Ф 199 № 121, л. 17: И искони... - не выделено.
- [496] Там же, л. 17: Юрьевския.
- [497] РГБ Ф 310 № 377, л. 9 об.; Ф 199 № 121, л. 17; Ф 304, № 637, л. 53 об.; РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 143; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 734 об.: ...от самого самодержца.
- [498] РГБ Ф 130 № 1101, л. 48: священника обители тоя.
- [499] РГБ Ф 310 № 377, л. 9 об.: именем – пропущено.
- [500] Там же, л. 10: прямо моря окияна...
- [501] РГБ Ф 310 № 1101, л. 48 об.: ..и начаша сѣло.
- [502] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 144: Христова – пропущено.
- [503] РГБ Ф 310 № 378, л. 18: ...еже по Бозе доброму житию.
- [504] РГБ Ф 304, № 637, л. 54 об.: ...ихъ житие, приходятъ к нимъ...
- [505] Там же, л. 54 об.: ...ними.
- [506] Там же, л. 54 об.: ...ихъ.
- [507] РГБ Ф 199 № 121, л. 19: Близъ – не выделено.
- [508] РГБ Опт. 228, л. 34: он же облече.
- [509] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 144 об: Святый же сподобляетъ его иноческому образу... РГБ Ф 256 № 94, л. 455: Стефан же поучив его рече выну имѣти страх Божий предъ очима своима и не презирати убогихъ не возноситься во своем виде [] быти во смиреннѣй мысли не стужати во скорбех. Но всемъ умом приимати напасти о приходящихъ. Бедах не сожалетися. И тако поучив его и облече во иноческая.
- [510] РГБ Ф 310 № 377, л. 10 об.: ...преподобный же Стефан постриже его и нарече.
- [511] РГБ Ф 310 № 377, л. 10 об.; Ф 304 № 692, л. 716; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 145; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 99 об.(322 об.) : ...яже на потребу Стефану и сущимъ...
- [512] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 145: Велика бо слава о немъ повсюду проходилаше – пропущено.
- [513] РГБ Ф 199 № 121, л. 19: ...и книги своя; да Москву, Стефан же...
- [514] РГБ Ф 310 № 377, л. 10 об.: ...пищею учения святаго.
- [515] Там же, л. 10 об.; Ф 304 № 692, л. 716: Самъ – красная строка.
- [516] РГБ Ф 310 № 1101, л. 50 об. – 51: пребысть в Махрищском монастыри.
- [517] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 145 об.: паки отходит.
- [518] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 451 об.: также – пропущено.
- [519] РГБ Ф 310 № 377, л. 11 об.: страхъ – пропущено.
- [520] РГБ Ф 304, № 637, л. 55 об. РГБ Опт. 228, л. 38: монашескому...
- [521] Там же, л. 11 об.: да жительствуетъ – пропущено.
- [522] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 452: монашескаго.
- [523] Там же, л. 11 об.: образа – пропущено.
- [524] РГБ Ф 304 № 679, л. 319: жития – приписано сверху.
- [525] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 146: ко святому...
- [526] РГБ Ф 304, № 637, л. 56 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 453; РГБ Опт. 228, л. 39: ...в монашеская одѣяния.
- [527] РГБ Ф 199 № 121, л. 20: слыша – пропущено.
- [528] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 146 об.: ...к Господу.
- [529] РГБ Ф 304, № 637, л. 56 об.: ...монашеская.
- [530] Там же, л. 56 об.: РГБ Опт. 228, л. 40 ...его совершенно.
- [531] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 147: и отай нощю...
- [532] РГБ Ф 310 № 377, л. 12: Блаженный – красная строка.
- [533] РГБ Ф 310 № 1101, л. 53; Ф 310 № 377, л. 12 об.; Ф 304 № 692, л. 717 об.; ГИМ, Забелин. 525 – 4о, л. 101 об. (324); РГБ Ф 256 № 94, л. 457; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 742 об.: Яко же прежде по обычаю приемлется.
- [534] РГБ Ф 310 № 378, л. 20 об: ...дивитися от велмож.
- [535] РГБ Опт. 228, л. 43: митрополита Алексия.
- [536] РГБ Ф 304 № 679, л. 321: “И болѣзми чястыми содручаема.” – приписка на нижнем поле.
- [537] РГБ Опт. 228, л. 43: словесное – пропущено.

- [538] РГБ Ф 304, № 637, л.57 об.: ...всегда.
- [539] РГБ Ф 310 № 378, л. 20 об: ...имѣти смерти. РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 148: ...память смертную.
- [540] РГБ Ф 310 № 1101, л. 54: ...одежду всѣмъ равно.
- [541] Там же, л. 54; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 744: ...смирение пред всеми имѣти.
- [542] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 456 об.: сичева исправления преподобного Стефана - пропущено.
- [543] РГБ Ф 310 № 1101, л. 55: ...и трудолюбие.
- [544] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 148 об.: ...велми рыдающе, яко...
- [545] РГБ Опт. 228, л. 46: ...и учителя отъяти бывше - пропущено.
- [546] РГБ Ф310 № 1101, л. 55 - 55 об.: не терпяще отца разлучения.
- [547] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 148 об.: ...многы труды и исправления собою...
- [548] РГБ Ф 310 № 378, л. 21 об.: ...да не останеть ничтоже.
- [549] РГБ Опт. 228, л. 46: елико тщашеся собою...
- [550] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 149 об.: нескудно - пропущено.
- [551] РГБ Ф 256 № 94, л. 458: бяше - пропущено.
- [552] РГБ Ф 310 № 1101, л. 55 об.: помале же времени ...
- [553] РГБ Ф 304, № 637, л. 58 об.: ко Господу отъиде...
- [554] РГБ Ф 310 № 1101, л. 55 об.: ...единъ от простыхъ.
- [555] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 149 об.: ...добрѣ упасе.
- [556] РГБ Ф 199 № 121, л.26 об: после "отъиде."- сразу "Тако же и по смерти"(РГБ Ф 304 № 679, л. 323 об.)
- [557] РГБ Ф 310 № 1101, л. 56: По сих же во обители той быша инии настоятели...
- [558] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 458 об.: погорѣ.
- [559] РГБ Ф 310 № 378, л. 23; Ф 310 № 1101, л. 56 об.; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 150; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 103 об.(326): ...богособранному.
- [560] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 150: ...ихъ - пропущено.
- [561] РГБ Ф 256 № 94, л. 458 об.: преподобного отца.
- [562] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 150 об.: ...изволшу и болма хотяшу прославити своего угодника Стефана. Святый же...
- [563] Продолжение РГБ Ф 199 № 121.
- [564] РГБ Ф 304, № 637, л. 59 об.: ...яко никогда.
- [565] Там же, л. 59 об.: ...монашескаго.
- [566] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 151 об.: ...того.
- [567] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 104(327): всей братии - пропущено.
- [568] РГБ Ф 304 № 679, л.325, Ф 304 № 692, л. 720 об.: "явися" - зачеркнуто в тексте.
- [569] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 151 об.: ...гробомъ святаго, и покрыти ю покровом.
- [570] РГБ Ф 310 № 377, л. 14: заглавия нет.
- [571] Там же, л. 14 об.: "на апостолы" - приписка снизу страницы.
- [572] РГБ Ф 304, № 637, л. 60 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 463 об.: ...предаль.
- [573] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 152: ...и святаго отца молитвы...
- [574] РГБ Ф 310 № 1101, л. 59 об.: твоими - пропущено. РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 152: поможеши молитвами твоими...
- [575] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 152: ...твоемъ.
- [576] РГБ Ф 310 № 377, л. 15: брат - пропущено.
- [577] РГБ Ф 199 № 121, л. 28 об.: ни единого - пропущено.
- [578] РГБ Ф 310 № 377, л. 15 об.: егда же прииде время...РГБ Ф 304, № 637, л. 61 об.: приспѣ время...
- [579] РГБ Ф 310 № 377, л. 15 об.; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 153; РГБ Ф 256 № 94, л. 460 об.: Но иже везде сый и вся исполняяй. Пресвятый, и Всесильный и Животворящий Духъ, иже со Отцем вкупѣ и Сыном выну. И иже...
- [580] РГБ Ф 310 № 378, л. 25 об.: тысящ мужъ...
- [581] РГБ Ф 310 3 377, л. 15 об; Ф 199 ; 121, л. 28 об.; ; Ф 304, № 637, л. 61 об.; РНБ, собр. Погодина № 734, л. 153; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 465; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 328 об.(105); РГБ Ф 256 № 94, л. 460 об.; РГБ Опт. 228, л. 56; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 753 : ...напитавый. И умноживъ оставшыя ...
- [582] РГБ Ф 310 № 1101, л. 61: О поселянине, изступившем ума. Ф 310 № 377, л. 15 об. - заглавия нет.
- [583] РГБ Ф 310 № 1101, л. 61; Ф 310 № 377, л. 15 об.: пятьдесятъ.
- [584] Там же, л. 61: Юрѣва Польского.

- [585] РГБ Ф 256 № 94, л. 460 об.: Кучкино.
- [586] РГБ Опт. 228, л. 57: иногда же растерзаше - пропущено.
- [587] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 153 об.: ...и умрет сынъ его...
- [588] РГБ Ф 310 № 377, л. 16: речь некую - пропущено.
- [589] РГБ Ф 256 № 94, л. 461: вести его.
- [590] Там же, л. 461: своихъ с себе.
- [591] РГБ Ф 310 № 1101, л. 61: Семоу же бывшу. Облече его и препояса, да не смещет себе риз своихъ, и поемлет нощию сына своего. И достизають монастыря, и остави его... - пропущено.
- [592] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 154: ...же путнаго болящему оному Даниилу угрудившуся и уснувшу.
- [593] РГБ Ф 310 № 377, л. 16; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 466; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 329 об.(106); РГБ Ф 256 № 94, л. 461; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 754 об: русу.
- [594] РГБ Ф 199 № 121, л. 29 об.: до кончины...
- [595] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 329 об.(107): Павле - пропущено.
- [596] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 154 об.: Человекъ некий, именем Павелъ.
- [597] РГБ Ф 310 № 377, л. 16: вему тѣлу ...
- [598] РНБ, собр. Погодина № 734, л. 154 об.: Святыя и Живоначалныя...
- [599] Там же, л. 154 об.: Инъ человекъ...
- [600] РГБ Ф 310 № 377, л. 16 об.: Святаго Духа сошествию - пропущено.
- [601] РНБ, Собр. Погодина № 734, л. 155 об.: отстоя от обители святаго Стефана яко...
- [602] РГБ Ф 310 № 1101, л. 64: и Живоначалнѣй - пропущено.
- [603] РГБ Ф 310 № 377, л. 17: вкупе же молят игумена. РНБ, собр. Погодина № 734, л. 155 об.: молит же игумена...
- [604] РГБ Ф 310 № 377, л. 17: отроковица же вскорѣ здравие...
- [605] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156: ...благодаря и славя Бога и угодника его святаго Стефана. Оттоле же часто приходдаше в монастырь и милостыню подаваше...
- [606] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156: паки - пропущено.
- [607] РГБ Ф 256 № 94, л. 462 об.: освящения ради.
- [608] РГБ Ф 310 № 377, л. 17 об.; Ф 199 № 121, л. 32; Ф 304 № 692, л. 723 об.; РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 469; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 330 об.(107 об.); РГБ Ф 256 № 94, л. 462 об.; РГБ Опт. 228, л. 64; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 758: ...именемъ, имѣя съ собою сына своего Игнатия именем, ...
- [609] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156: ...внезапу падая на землю.
- [610] РГБ Ф 310 № 377, л. 17 об.: с вѣрою приходит съ сыном своим...; Ф 310 № 1101, л. 65; РГБ Ф 256 № 94, л. 462 об.: сына своего...
- [611] РГБ Опт. 228, л. 64: прилѣжно - пропущено.
- [612] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156 об.: ...и ихъ угоднику...
- [613] РГБ Ф 310 № 377, л. 17 об.: сына своего - пропущено.
- [614] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 156 об.: ..его здрава - пропущено.
- [615] Там же, л. 156 об.: благодарение велие Богу и Того Пречискей Богоматери воздая, и преподобному Стефану.
- [616] РГБ Ф 199 3 121, л. 33: сына своего - пропущено.
- [617] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108(331): О иступившем ума Киприяна именем.
- [618] РГБ Ф 256 № 94, л. 463: Бужененено.
- [619] РГБ Ф 256 № 94, л. 463: Стефана - пропущено.
- [620] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157: ...святаго. И приводят болящаго к цѣлбоносному гробу.
- [621] Там же, л. 157: и бысть яко...
- [622] РГБ Ф 310 № 1101, л. 66; Ф 310 № 377, л. 18; РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157: и отиде в домъ свой радуясь...
- [623] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157: И даде милостыню в монастырь - пропущено.
- [624] Там же, л. 157: братии же милостыню подавая.
- [625] Там же, л. 157: живый - пропущено.
- [626] РГБ Опт 228, л.66 об.: ...его даже и.
- [627] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157 об.: многия - пропущено.
- [628] Там же, л. 157 об.: жилы ноги тоя.
- [629] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108(331 об.): Стефана чудотворца.
- [630] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157 об.: абие внезапу.

- [631] РГБ Ф 256 № 94, л. 463 об.: отпадоша от ноги его яко чешуя.
- [632] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 157 об.: ...его, и бысть здрава, яко и другая.
- [633] Там же, л. 158: ...монастырь святого.
- [634] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108(332): О имущем Иоанне сыне его Архипу десной сухой руке.
- [635] РГБ Опт. 228, л. 69: Иоаннъ его сыну Архиппу...
- [636] Там же, л. 69: и пребысть нерадя, но - пропущено.
- [637] РГБ Ф 310 № 1101, л. 68; Ф 310 № 377, л. 18 об.; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 768 об.: ...браду долгу имѣя. Ф 199 № 121, л. 34: долгу - пропущено.
- [638] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 158 об.: моляся и глаголя: О, святыи Стефане, помилуй мя и облегчи недуг болѣзни моя - исцѣли изсохшую руку мою.
- [639] Там же, л. 159: ...и начат себе болною рукою прекрещати.
- [640] РГБ Ф 310 № 377, л. 19: ...утвердися рука его яко же и другая.
- [641] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 159: Радуюся и веселяся.
- [642] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108(332 об.): О беснующемся некоем человеке именемъ Мануиле сыне Козмине. ГИМ, Синод. собр. № 807, л.763: О беснующемъ
- [643] РГБ Ф 256 № 94, л. 464 об.: некое глаголемое.
- [644] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108 об.(333): отторжеса беснуемый.
- [645] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 160: ...моляся и хвалу воздая, и бысть здрав.
- [646] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 160: слава и благодаря Бога.
- [647] ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 475: в чудесехъ - пропущено.
- [648] ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 108 об.(333): О имущем монаха Анлреяна о сыне его Никите о духе в немъ недужномъ.
- [649] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 160: Махрищскія - пропущено. РГБ Ф 256 № 94, л. 465: преподобнаог Стефана Махрищскія.
- [650] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 160: Множицею же емоу тако стражущу, и - пропущено.
- [651] Там же, л. 160 - 160 об.: разбивашеся. И сие на мнозѣ ему страждущу:
- [652] Там же, л. 160 об.: ...влекомъ вѣрою къ святому Стефану.
- [653] РГБ Ф 310 № 377, л. 20: ...бысть здрав и не пострада...
- [654] Там же, л. 160 об.: Велию же славу...
- [655] Там же, л. 160 об.: и того угоднику ...
- [656] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 160 об.; РГБ Ф 256 № 94, л. 465 об.: в монастырь на молитву, и братии потребная принося.
- [657] РГБ Ф 256 № 94, л. 465 об.: чудеса многа.
- [658] РГБ Ф 199 № 121, л. 37 об.: тоя обители - пропущено.
- [659] РГБ Ф 304, № 637, л. 67 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 476: еже быша - пропущено.
- [660] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 161: но просто и без написания оставляюще. РГБ Ф 256 № 94, л. 465 об.: просто - пропущено.
- [661] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 161: ...по сих игумену тоя обители, Варламу именем. Съй ...
- [662] Там же, л. 161: в себѣ слово написаное.
- [663] Там же, л. 161: цареви хранити.
- [664] Там же, л. 161: пагубу души наносит.
- [665] РГБ Ф 304 № 637, л. 67 об.; ГИМ, Синод. собр. № 542, л. 477: священномонаха.
- [666] РГБ Ф 199 № 121, л. 37 об.; Ф 310 № 1101, л. 71 об.: сенодохии. Ф 310 № 377, л. 20 об.; Ф 310 № 378, л. 28; РГБ Ф 256 № 94, л. 466: дохии. Ф 304 № 692, л. 727 об.: "ксено" - приписка сверху строки, - дохии. РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 16 об.: ...памяти ради написано бяше от нѣкоего священноинока, Серапиона именемъ, бывша прадѣда тому игумену Варлааму и обрѣтено бысть в монастырской дохии. Съй же игумен Варлам, еще юну ему бывшу... РГБ Опт. 228, л. 77: в монастыре своемъ ксенодохии.
- [667] РГБ Опт. 228, л. 77: ...слыша. Егда еще юнну ему бывшу - пропущено.
- [668] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 161 об.: Егда еще юнну ему бывшу, тому игумену Варлааму - пропущено.
- [669] Там же, л. 161 об.: чудесѣхъ святого, еже бы...
- [670] Там же, л. 161 об.: виде бываемая чудеса от гроба святого - пропущено.
- [671] Там же, л. 161 об.: еже о чудесѣхъ святого еже видѣ и слыша - пропущено.
- [672] Там же, л. 161 об.: ...сия вся собра и написа памяти ради.
- [673] Там же, л. 161 об.: достойному приснопамятному.
- [674] Там же, л. 162: всеа - пропущено.

- [675] РГБ Ф 256 № 94, л. 466: архиерею Макарию.
- [676] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 162: слышавше о чудесѣхъ святаго, елико Богъ творит святым своим Стефаном.
- [677] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 162: яко недобро есть ...
- [678] Там же, л. 162: не подобает - пропущено.
- [679] Там же, л. 162: прослави и возвеличи предивными чудесы.
- [680] РГБ Ф 310 № 1101, л. 73 об.: И чудеса - пропущено.
- [681] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 162: Послушающей же ползу восприимуть, иже аще восхотят быти подражатели житию его.
- [682] Там же, л. 162 - 162 об.: Таок же и всякою красотою украси: святыми иконами и божественными книгами.
- [683] РГБ Ф 310 № 377, л. 20 об.: на этом рукопись обрывается.
- [684] РГБ Ф 310 № 1101, л. 73: ...рвы копати.
- [685] РГБ Опт. 228, л. 69: обретоша мощи...
- [686] РГБ Ф 310 № 1101, л. 73; ГИМ, Синод. собр. № 807, л. 768 об: ...и обрѣтоша преподобнаго Стефана гроб. И открыша его ... Ф 304 № 692, л. 728; ГИМ, Забелин. 525 - 4о, л. 111(334): ...и открыша гробъ его.
- [687] РНБ, собр. Погодина, № 734, л. 162 об.: мощей свяаго.
- [688] Там же, л. 162 об.: и Пречистыя того Богоматере.
- [689] Там же, л. 162 об.: сповѣда.
- [690] Там же, л. 163: и Неразделимыя...
- [691] ГИМ, Синод. собр. № 542.